

УДК 83.7
ББК 82.085
Р49

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р16-641-3573

Авторский коллектив: д-р филол. наук *В. И. Аннушкин (гл. 1)*,
д-р филол. наук *И. Ю. Чистякова (гл. 2)*, канд. филол. наук *М. И. Тарасов (гл. 3)*,
Ю. Ю. Кабанкова (гл. 4)

Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего
Р49 Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост.
А. В. Щипков. – М.: Русистика, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-7805-1201-1

Предлагаемая читателю книга содержит уникальное по своим методам и результатам исследование словесной деятельности нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с позиций риторики – науки и искусства убедительной и совершенной речи. Авторами анализируются наиболее репрезентативные тексты Предстоятеля Русской Православной Церкви, посвященные важнейшим проблемам духовно-нравственной и общественно-культурной жизни нашего общества. Объектом анализа стали как «слова» Святейшего Патриарха во время и после Божественной литургии, так и публичные выступления, объединенные в книге «Семь слов о Русском мире», изданной Всемирным Русским Народным Собором.

Именно в этой книге Патриарх решил одновременно три задачи. Он свел в рамках единого замысла свои социально-философские размышления последних лет, дал новый импульс развитию классического литературного жанра «слова», вписав его в современный контекст, и предъявил свое видение основных задач России и русского народа на ближайшие десятилетия.

Решение этих задач возможно лишь при условии выбора нового языка для разговора о насущных национальных проблемах. В рамках современного информационного общества изменить язык значит изменить реальность. Поэтому риторический анализ проповедей, статей и других текстов Святейшего Патриарха дает неоценимый материал для понимания меняющихся исторических условий, в которых нам предстоит жить и которые глава Церкви в статусе «словесного пастыря» одним из первых взялся описать.

УДК 83.7
ББК 82.085

Издание подготовлено при поддержке
Некоммерческого партнерства «Родное слово»

© А. В. Аннушкин, Ю. Ю. Кабанкова,
М. И. Тарасов, И. Ю. Чистякова, 2016

© А. В. Щипков, составление, 2016

ISBN 978-5-7805-1201-1

© ООО «Русистика», 2016

Содержание

От составителя. <i>А. В. Щипков</i>	3
Слово научного редактора. <i>В. И. Аннушкин</i>	7
<i>Глава 1.</i> Патриарх Кирилл – ритор, словесник, стилист	14
<i>Глава 2.</i> Жанры публичных выступлений Патриарха Кирилла	67
<i>Глава 3.</i> Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире	93
<i>Глава 4.</i> Патриарх Кирилл: образ ратора – анализ публичных речей	177

От составителя

Книга «Риторика Патриарха» посвящена изучению важного аспекта творчества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла – риторических выразительных средств; в качестве изучаемых текстов взяты публичные выступления Патриарха, в том числе собранные в книге «Семь слов о Русском мире», которую издал Всемирный Русский Народный Собор в 2015 году¹. Риторических в строгом, аристотелевском смысле этого слова, то есть содержательно-аргументативных способов убеждения, конкретных приемов, тропов и фигур речи. Это особая область филологии как науки о Слове, имеющая четкие границы и тщательно разработанную методологию. Все это авторы настоящей книги подробно разъясняют, и мы не станем вторгаться в область их научной компетенции.

Но вот о чем хотелось бы сказать. Риторика в собственном смысле слова – искусство древнее и почтенное, она далека от тех приемов, которые сегодня широко используются в PR, рекламе, политической агитации. Риторические жанры, в отличие от прикладных речевых практик, имеют долгосрочную художественную задачу и рассчитаны не только на современни-

---

¹ *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Семь слов о Русском мире* / Сост. А. В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015.

ков, но и на потомков. Так понимали свое дело авторы древнерусских риторических произведений митрополит Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник. Только их искусство предназначалось для произнесения вслух на площадях и в храмах, хотя первоначально и записывалось.

Почему именно так?

После правления Ярослава Мудрого, который начал усиленно строить школы, грамотность росла, но большая часть народа, в отличие от элиты, все же оставалась неграмотной и не могла воспринимать письменную речь. Даже Евангелие в те времена не столько читали, сколько слушали в храмах во время службы. И Церковь в лице наиболее способных своих представителей, так сказать, «шла в народ». А потому вплоть до XVII века в русской литературе основную структурирующую роль играло деление не на стихи и прозу, а на тексты для чтения и тексты для произнесения вслух. Первая часть – это летописи, патерики, притчи, военные повести, «хождения», «чудеса». Вторая – «слова», проповеди, поучения, моления. Потом это деление перешло внутрь отдельного жанра. Были поучения для чтения и для произнесения прихожанам в храме. Они отличались. Вторые могли быть короче и без некоторых украшений, но эмоционально сильнее. Отголоски их позднее можно было отыскать, скажем, у Ломоносова в его знаменитых одах, которые читались при дворе.

Нынешнее время в не меньшей степени нуждается в «словах» и проповедях. Люди перестали доверять официально-деловой речи, подверженной законам пиара и информационной агрессии. Но возможность говорить напрямую, глаза в глаза, дает только прямое высказывание, а оно связано с устной речью. Так легче достучаться до ближнего. Сказанное должно быть понятно здесь и сейчас, понятно человеку, у которого в данный момент распахнуто сердце.

Это не постановочная речь, а жизнь-в-слове, когда говорят не как пишут, а как дышат, схватывая то, что запа-

ло в сердце и что хочется поселить в сердце брата своего. Раздражить глубину сердечную.

Эта интенция за счет присущей ей искренности не устаревает со временем, она несет свет соборной церковной мысли потомкам.

Три века назад менялся язык эпохи, и риторика устных жанров приближалась к нему. Так же обстоит дело и сегодня: тексты Патриарха Кирилла включают в себя наряду с церковной фразеологией и светские выражения, и элементы дискурса современной науки. Все это части единого культурно-языкового пространства, охваченные авторской индивидуальностью Патриарха, у которого, благодаря его уникальному чувству языка, стилистическое разнообразие никогда не переходит в эклектику.

Общественное звучание текстов Предстоятеля Русской Православной Церкви вызывает резонанс и в интеллектуальном комьюнити, и среди широкой публики. Один из выводов, которые сделает их адресат – сделает сам, без грубой авторской подсказки, – это идея ответственности Церкви за историческую судьбу своего народа. Церковь в ответе за то, чтобы наши исторические разрывы не привели нас вновь к гражданскому расколу, чтобы они были осмыслены с позиций христианской этики, причем не только в религиозном, но и в светском понимании последней.

Сегодня Церковь берет ответственность за народ в трудной для него ситуации. Внешние вызовы и угрозы растут, самоидентификация народа затруднена, а он сам страдает от токсичного информационного контента. Как Моисей выводил евреев, так и нынешняя Церковь стремится вывести тех, кого окормляет, из плена симулякров, ложных альтернатив и суррогатов национальной идентичности. Церковь обязана делать это по двум причинам. Во-первых, у нее соборная, а не партийная и не корпоративная природа. В этом смысле Церковь – один из немногих подлинно демократических институтов в стра-

не. Во-вторых, она единственный оставшийся в России институт, который соединяет исторические периоды: дореволюционный, советский и постсоветский. При ее попечении да не распадется связь времен. Высказывания Святейшего Патриарха Кирилла очень много могут для этого сделать и уже делают.

Александр Щипков

Слово научного редактора

Даждь ми дерзновенно глаголати,
яже хощу, Христе мой, паче же и научи мя,
что ми подобает творити и глаголати.

Молитва святого Симеона Нового Богослова

Писать «Риторику Патриарха» дело не просто смелое, Па дерзновенное. Однако дерзновение – не дерзость, дерзновение может рождаться из вдохновения, осознания злободневности того, о чем собираются писать авторы книги, и, конечно, жажды духовного преображения, которой наполнено наше непростое время.

Отчего современным ученым, объединенным интересом как к совершенной русской речи (это предмет риторики), так и к личности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, не изложить свои скромные наблюдения, тем более что представлен для этого значимый повод? Но дело, конечно, не в юбилее Предстоятеля нашей Церкви: личность Святейшего Патриарха, его вдохновенное, убеждающее, окрыляющее слово действуют не только на всякого верующего, но и на всех, кто его слушает, столь благодатным образом, что невольно задаешься вопросом: в чем секрет, тайна такого воздействия? И может ли тайна человеческой личности – образа Божия – и творчества личности в слове быть вскрыта учеными методами?

«Не могут духи просвещенны, от света Твоего рожденны, исследовать судеб Твоих: лишь мысль взнесть к Тебе дерзает...» Тайну чудес Божиих не вскроет никакая наука (и Державин пишет об исследовании сущности Бога), но наука обязана обращаться к исследованию деятельности человека, открывая законы и правила,

давая рекомендации и советы, выясняя сущность культуры, нравственного и интеллектуального развития общества и личности. Наука может направить наши стремления к познанию тайны творчества влиятельной личности при внимательном наблюдении, обобщении фактов, полном и объективном анализе материала, который дан нам сегодня в непосредственном восприятии устных, письменных, печатных и электронно-медийных текстов избранного нами автора.

Святейший Патриарх Алексей II в «Слове» на Седьмых Рождественских чтениях говорил:

«Творец создал мир Словом. Слово Божие несет в себе вечную мудрость, одухотворенную мысль и содержит неиссякаемую вовеки творческую и созидательную силу. Именно слово является фундаментальной основой и глубинным стержнем всей человеческой культуры. Однако будем помнить: только истинное и чистое слово, исполненное смысла, исходящего от Бога, живоносно и животворно»¹. Как прост и закономерен в «Слове» Святейшего Патриарха Алексея II этот переход от Слова, которым Господь создал мир, к Слову Божию, которое в Евангелии от Иоанна толкуется как Господь Иисус Христос, – и от него к «человеческому» слову, которое должно быть «основой культуры»! В этом и будет коллизия всей человеческой «словесности», ибо иное слово – слово добра, в котором отраженно сияет Божие Слово, а иное – слово зла, лести, обмана. И фундаментальный вопрос смысла и результата жизни всякой личности: как избавиться от «праздного слова, за которое ответ дадим в день суда», и научиться слову истинному и чистому, живоносному и животворному?

Именно о таком живоносном и животворном слове нам и хотелось бы повести речь в нашей книге. Книга

---

¹ Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II на открытии Восьмых Международных Рождественских чтений. Москва, 2000. С. 4.

названа «Риторикой», и надеемся, что читатель понимает: риторика рассматривается нами не по-журналистски и не вульгарно – как празднословие, ложное ораторство и речевая манипуляция, а как **наука и искусство убедительной, украшенной и эффективной** – наилучший эпитет при этом – **совершенной речи**. И в таком случае каждый из нас является ритором, т. е. человеком, создающим аргументативные высказывания, основой которых являются **нравственность и образованность** говорящего или пишущего.

В книге исследуются особенности речевой (словесной) деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла как выдающегося церковного и общественно-культурного деятеля, слово которого оказывает влияние на все стороны сегодняшней жизни нашего народа. Материал исследования огромен, ибо каждый день приносит нам новое благословенное слово Святейшего, которое хочется осмыслить, запомнить, записать и оставить в сердце. Задача исследователя-филолога – классификация и систематизация словесных произведений, выяснение специфики и законов их создания, восприятия и функционирования в определенной общественной среде, и в данном случае мы имеем дело с конкретной языковой личностью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Языковая личность выражает себя в реальных текстах, и современный слушатель (как и читатель) имеет реальную возможность оценить тематику, содержание, способы аргументации, стиль речи, эмоциональный настрой, волевые качества – все, что составляет категорию «образ ритора» как представление себя, по словам Аристотеля, «человеком известного склада»².

Приступая к анализу словесной деятельности Патриарха Кирилла, каждый из авторов несколько по-своему

---

² *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М., Издательство Московского университета, 1978. С. 71.

говорит о фундаментальных понятиях риторики, которые с очевидностью связывают эту науку и со словесностью, и со Словом. Идея Слова – основная идея европейской философии и филологии. Неслучайно Евангелие от Иоанна начато словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Словом Создатель мира наградил свое любимое творение – человека, вкладывая в него способность слова. Творение мира Божественной силой осуществляется с помощью слова, ибо Господь говорит: «Да будет свет!» – осуществляя свой замысел в слове и деле.

Эта книга – не панегирик к юбилею, она задумана как объективная попытка целостно-систематического научного анализа риторической деятельности Патриарха Кирилла в годы его патриаршества. Ее разделы написаны разными авторами, имеющими собственный научно-педагогический опыт, но читатель не сможет не почувствовать их «единомыслие» в понимании предмета риторики как науки и искусства словесного творчества, «единодушие» (не синоним «прекраснодушия») в отношении к объекту исследования – текстам Патриарха Кирилла. Читатель должен почувствовать в книге и «свободу в малом», приводящую к «разномыслию» – основе научного творчества. Главное, на чем стоит настаивать «малому стаду», взявшемуся за столь ответственное дело, – это наша любовь к **Науке о слове** (тут всё время корректор сомневается, писать ли со строчной или «возвышенно» прописной), выраженная в готовности проанализировать деятельность Святейшего Патриарха Кирилла как «словесного пастыря» вверенного ему православного народа.

Когда-то Александр Петрович Сумароков, выдающийся поэт, драматург и своеобразный теоретик-словесник, начал статью «О русском духовном красноречии» рассуждением о том, что «красноречие духовных» лиц ищется в проповедовании Священного Писания и «в наставлении добродетели» и он, как светский писатель-сло-

весник, «оставляет религию и катехизис – дело, до него нимало не принадлежащее», но в «проповедниках видит собратий по **единому риторству**» и потому «имеет право на рассмотрение их как **почитателей словесности**»⁵. Патриарх Кирилл как председатель воссозданного в мае 2016 года Общества русской словесности и заявляет о себе сегодня как главный «почитатель словесности» – в служении Богу и Церкви словом истины, словом добра, словом красоты, «право правяще Слово Истины».

В предлагаемой читателю книге анализ слов и речей Патриарха Кирилла будет предваряться в каждом разделе анализом сущности риторики как филологической дисциплины, исследующей законы и правила построения общественной речи. Эти предварительные замечания должны показать, что такое риторика как классическая и современная дисциплина, какими научными методами и средствами могут оцениваться публичные выступления современного ратора.

Деятельность Патриарха как ратора, т. е. человека, создающего аргументативные высказывания с целью убеждения аудитории, описана в первом разделе, где, согласно классическому риторическому канону, должны проанализироваться тематика и содержание текстов (своеобразие в изобретении идей), композиция речей, стилистические особенности, «украшения речи», состоящие в выборе слов и способах их синтаксического соединения (фигурах речи), особенности произношения и так называемого невербального поведения (*автор В. И. Аннушкин*). Образ Патриарха Кирилла как ратора-«словесника» проявлен через анализ конкретных «слов» и речей, обращенных как к церковной пастве, так и к широкой общественности.

---

⁵ *Сумароков А. П.* О русском духовном красноречии // Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Собраны и изданы Николаем Новиковым. Т. 6. М.: 1787. С. 275. См. также: *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М.: Издательский центр «Академия», 1998. С. 165.

Обозрение состава жанров текстов, в которых реализуется деятельность Патриарха Кирилла, – задача следующего раздела (*автор И. Ю. Чистякова*). Поскольку риторика изучает речевые нагрузки современного человека, автор раздела пытается вскрыть все многообразие жанров, которые имеются в современной общественно-речевой практике, и как в этом разнообразии представлена широкая палитра публичной речевой деятельности Святейшего Патриарха Кирилла.

Исследованию фигур мысли в речах Патриарха Кирилла о Русском мире посвящен следующий раздел с попыткой анализа средств смыслового и лексико-синтаксического построения текста (*автор М. И. Тарасов*). Автором сформулированы общие положения теории фигур мысли, обоснованы представления об их систематике и основном механизме формирования – структурном и семантическом приращении. Подробно рассмотрены фигуры повтора и логические фигуры.

Анализ образа ратора и основных жанров публичных выступлений Святейшего Патриарха Кирилла в истекшем календарном году выполнен в материалах, подготовленных *Ю. Ю. Кабанковой*. На примерах проповедей, напутствий, общецерковных обращений, обращений к общественности и выступлений в СМИ мы видим, как выстраивается целостный образ влиятельного церковно-государственного деятеля, служащего словом нашим общецерковным, общегосударственным и личным интересам.

Итак, наша книга – попытка объективного научного исследования выдающегося словесно-риторического опыта нашего современника Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, о чьем здравии мы «единими усты» возносим ежедневные молитвы. Образ мысли, мировоззренческие ценности, философская и эмоциональная оценка происходящих в мире событий, сам стиль речи Святейшего Патриарха оказывают колоссальное «видимое и невидимое» влияние на наши

общественные и личные мнения, оценки, настроение и, в конечном счете, на бытие каждого, кто молится сегодня «о великом господине и отце нашем Святейшем Патриархе Кирилле».

Словесный призыв Патриарха к любви как основе всякой жизни, добру как основе человеческого счастья, к соблюдению нравственных законов бытия, «единству» при «свободе» в мнениях не могут не быть услышанными в современном обществе, именно поэтому мы решаемся представить на суд научно-педагогической общественности и «всех заинтересованных лиц» наши научно-исследовательские наблюдения, «да тихое и безмолвное житие поживем».

Владимир Аннушкин

Патриарх Кирилл – ритор, словесник, стилист

Главной идеей европейской культуры является идея Логоса-Слова как воплощения Божественного замысла творения и творческого созидания жизни. Слово воплощает как Божественный Разум, так и осуществленное исполнение Божественного Словесного Откровения, выраженного в текстах Священного Писания. Человек как Божье творение (образ Божий) наделяется «логосической», то есть мысле-словесной, способностью творчества в единстве и последовательности мысли, слова и дела. Человек потому и называется «творением словесным», что «словесное» в нем приравнивается к «Божественному», ибо «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

В мысле-словесной одухотворенности человека проявляется его божественная сущность, и «словесность» как отражение Слова Божия не может не приравниваться к «Божественности» и «Святости». В «Слове о человеке» начала XVIII века звучит этот гимн словесной сущности человека, «всесвятыми и неописанными Божиими руками сплесканного, всесвятым и животворящим дуновением Его оживленного, толико светлостью **словесства** и ясностию разума пребогато сияющего»¹.

Замысел написать о словесности или «риторике» Патриарха Кирилла наталкивается на множество препят-

---

¹ *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. М., 2002. С. 138.

ствий: во-первых, данная тема, в сущности, неподъемна для такого небольшого исследования попросту потому, что материалов или источников «слов и речей» Патриарха Кирилла уже накопилось на многотомное собрание и один обзор потребовал бы фундаментального описания; во-вторых, слово «риторика» может вызвать у иных читателей представление о ложном красноречии, «блестящем» ораторстве и будет трудно доказать, что это представление – вульгарно-журналистское, научное же представление предполагает объяснение науки и искусства риторики как словесного учения о совершенной, образцовой речи.

Называя Патриарха Кирилла «**ритором**», мы имеем в виду силу, действенность и влияние его словесно-речевой деятельности, ибо ритор – это человек, умеющий создавать убедительные и действенные высказывания. Однако «убеждение» Патриарха Кирилла как Предстоятеля Русской Православной Церкви связано прежде всего с донесением Слова Божия, проповедью Божией правды, а «Слово Божие – это слово не человеческое»... Поэтому для авторов данной книги существует вопрос: как определить риторику – науку и искусство словесного воздействия и убеждения? Где и в чем здесь «божественное» и человеческое? Основание действенной риторики – вовсе не в способности убеждать, ибо сами убеждения бывают ложными, оно – в нравственно-мировоззренческой сущности человека, в его вере, силе духа, базисных ценностях, которыми являются ценности духовные, а это, как знает читатель, знакомый с текстами Патриарха Кирилла, как раз то, о чем он говорит в своих речах. Очевидно также, что к деятельности Святейшего Патриарха Кирилла мерки светской риторики слабо применимы, ибо Патриарх выступает от лица Церкви, его слово как главы православного народа изначально авторитетно для подавляющего большинства слушателей и читателей его речей и текстов. Церковь способна «тихим голосом», словно колоколом, будить сердца людей, поэтому, утверждая силу и влияние слов, высказываний, речей наиболее авторитетных современных церковных деятелей, мы говорим

о силе Божией, которая может «в немощи совершаться». Однако именно к Патриарху Кириллу менее всего подходит определение «немощи», потому что сила Божия, звучащая в его слове, напоет и наполняет души отзывающейся благодатью. Возможно, тайну этой силы нам не дано исследовать, но мы ее ощущаем реально и потому вправе о ней говорить.

Называя Патриарха Кирилла **«словесником»**, мы имеем в виду не только факт его председательствования в возрожденном Обществе русской словесности, но и очевидность того, что вся деятельность Святейшего Патриарха именно «словесная», хотя именно о слове – языке – речи до недавнего времени он говорил мало. Точнее будет заметить, что в различных текстах Святейшего Патриарха имеется множество разбросанных суждений о «языке» и «слове», которыми желательно доносить Божью правду, – и этот материал также требует обобщения и систематизации. В словах «словесник», «словесный» одни увидят только инструмент общения (Патриарх обращается со «словом» и говорит «словами»), но другие не могут не прозревать в «словесном» его божественную сущность.

В мастерском владении ораторским словом во все времена жизни человечества усматривали нечто божественное, и об этом говорил Сократ, призывая риториков не просто услаждать слушателей своей речью, а более «служить богам, нежели людям». Цицерон писал об искусстве красноречия как о «редчайшем даровании (как мало ораторов и в наши дни, да и во все времена)», а Софроний Лихуд, наш грек-«первоучитель» в Славяно-греко-латинской академии, в учебнике «О силе риторических» писал, что риторы «приступают к небесным (созданиям) умом, сиречь ангелам», словно с ними «вящее содружество имеют»². Применительно к личности Патриарха Кирилла

---

² *Софроний Лихуд. О силе риторических (1698) // Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия. М.: Академия, 1998. С. 65. Сочинение Софрония Лихуда до сих пор не опубликовано полностью.*

надо сказать: в речевых действиях Патриарха должно искать не **«идеальное»** (ведь Патриарх – тоже человек), но **образцово-стилистическое начало**, ибо влиятельная личность в обществе всегда предлагает определенный стиль мысли, слова и поступка, на которые ориентируется общество.

Чрезвычайно важно сказать и о том, что если мы относим деятельность Патриарха Кирилла как словесного пастыря к области церковного красноречия, то мы погружаемся в область гомилетики как науки о проповедовании Слова Божия. Церковное красноречие как вид риторического искусства должно отделить от светского. Такое различие западные и русские проповедники делали уже в конце XVII века, когда появилось руководство Н. Коссена «De eloquentia sacra et humana» (1684) – в наших рукописных собраниях хранятся списки перевода этого сочинения под названием «О красноречии священном и человеческом». В 1706 году Феофан Прокопович писал, что сознание превосходства церковного красноречия перед светским должно выражаться в скромности, осмотрительности и набожности проповедника, в том, чтобы он «не как трибун всходил на кафедру, а как смиренный служитель Евангелия» («De arte Rhetorica»). Преподаватель риторики в Заиконоспасской академии (1709–1715) Иоаким Богомоловский отмечал, что христианская проповедь является «не ораторским словом, но выполнением религиозного служения, возложенного Спасителем на апостолов и их преемников. Проповедник должен не только учить добру, но и трогать сердца людей, будить в них добрые чувства, и таким образом вести их к добродетели, к вечному спасению»³. Сложность предстоящего нам анализа в том, что в современных условиях жизни информационного

---

³ Савицкий Д. Русский гомилетик начала XVIII в. Иоаким Богомоловский. Киев, 1902. Гл. IV. См. также статью: Яцимирский А. Церковное красноречие // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. 1890–1916. <http://www.vehi.net/brokgauz/>

общества Святейший Патриарх Кирилл – и проповедник, и общественный деятель (по-старинному «трибун»), от лица Церкви обращающийся к народу.

Называя Патриарха Кирилла «**стилистом**», нам хочется указать на наличие в его словесно-речевой деятельности «личного» (индивидуального) начала – того своеобразного характера в изложении мыслей и их словесном оформлении, который в науке называется **идиостилем**, а в человеке воплощает «образ Божий» – личность, которую «открыло в человеке именно христианство»⁴. Политическая риторика называет этот феномен «харизмой», деловая риторика объясняет как «лидерство» (оно всегда бывает речевым), но применительно к деятельности Патриарха этот феномен целесообразнее всего объяснить словами «глава Церкви». Затем необходимо честно искать ответа на вопрос: в чем сила и влияние того стиля общения, стиля мысли и речи, стиля эмоционального настроения, который предлагается в обращении и общении Патриарха Кирилла как со словесной паствой, так и с разными аудиториями, где он достойно несет крест «служения Богу»?

* * *

И все-таки несколько слов о **слове – речи – языке, риторике – словесности – стилистике**, не забывая о теме нашего исследования.

Провозглашая хвалу русскому языку, русской речи, «великому русскому слову», не стоит никогда забывать, что все беды человека от его слова-языка, и Священное Писание имеет множество подобных превентивных суждений о злословии, прекословии, празднословии и т. д. Так неужели «всяк человек – ложь» и всякое слово, следовательно, лживо? Понятно, что это происходит от первоначального прародительского греха, когда в человека вошли

---

⁴ Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Седьмых Рождественских чтениях. М., 1999. С. 3.

зло, лесть и обман, но свободная воля человека позволяет ему стремиться к истине и добру. Однако всякая речь есть только стремление к истине, но не конечная истина... На вопрос «Что есть истина?» у православного верующего есть ответ Господа: «Аз есмь Истина и Путь», но это не значит, что человек знает окончательный путь к истине. Чаще всего он только убеждает, спорит, доказывает свою «человеческую правду», и делает это обыкновенно в корыстных целях утверждения своего мнения и авторитета личности. Ценность человеческого слова-убеждения зависит от того, насколько в нем отражается Божья правда.

Эту изначальную греховность человеческого слова, склонность ко лжи, недостижимость абсолютного идеала и истины прекрасно понимали античные философы и теоретики риторики, когда писали о том, что в риторике «доказывается правдоподобное, а не истинное»⁵ – в зависимости от характера говорящего и настроения слушающего. Это положение и сегодня одних заставляет идти по пути софистического и манипулятивного обмана, других побуждает помнить, что речь, слово необходимо основывать на **нравственности** и **образованности**. Поэтому главное требование к ритору в античности – *vir bonus* (муж добродетельный), или, по Квинтилиану, «чтобы стать хорошим оратором, надо стать хорошим человеком»⁶; об образованности же пишет Цицерон: «Красноречие основывается на мудрости. Чтобы стать хорошим оратором, надо быть образованным человеком»⁷.

Отвечая на вопрос журналиста о влиянии личности Патриарха Кирилла на общественное мнение (не оттого ли, мол, это происходит, что «он блестящий оратор»),

⁵ *Аристотель*. Риторика... С. 14–18.

⁶ *Квинтилиан Марк Фабий*. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. С. 18.

⁷ *Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 118.

митрополит Иларион (Алфеев) делает акцент на «нравственном и духовном облике Патриарха»⁸.

Обращать внимание на «блестящее ораторство» без понимания того, что основой риторики как словесного искусства является нравственно-духовная сущность говорящего, стремящегося к «насаждению благих чувств... и высшей справедливости в человеческом обществе» (А. Ф. Лосев о платоновском понимании риторики), значит видеть в риторике только ее внешнюю «блестящую», ложно-красноречивую, манипулятивную сторону и не замечать главного – стремления в слове обрести истину через нравственно-духовное и интеллектуально-просветительское содержание.

Кстати, в риторике как науке термин «влиятельность» противопоставлен «эффективности»: эффективность предполагает достижение «блестящего» результата в сегодняшней речи или в совокупности речей по одному делу, а влиятельность «состоит в завоевании доверия и авторитета на будущее. Влиятельным называют того оратора, сама личность которого уже склоняет аудиторию в пользу его речи. Влиятельным оратором может быть только такой, речи которого принесли аудитории пользу и аудитория хорошо об этом знает. Можно выиграть в эффективности речи и проиграть во влиятельности... Влиятельность – важнейшее качество человека в обществе, определяющее его социальное место независимо от должности и звания.

Судьба человека ясно видна в его речах. Если человек пользуется разными видами речи искусно, если он влиятелен и его слушают, читают и с ним соглашаются, то такой человек определяет и свою судьбу, и судьбу многих людей»⁹. Это рассуждение Ю. В. Рождественского, восстанавливавшего риторику как теорию и практику убе-

⁸ Беседы с митрополитом Иларионом. М.: Эксмо, 2010. С. 73.

⁹ *Рождественский Ю. В.* Риторика публичной лекции. Серия «Лекторское мастерство». М.: Знание, 1989. С. 11.

дительной и целесообразной речи еще в советские годы, точно характеризует и результаты словесной деятельности Патриарха Кирилла. Но чрезвычайно важное добавление о целях публичных выступлений делает митрополит Иларион:

«Очень важно понимать, что в вопросах вероучения и нравственности он не выступает только от себя. Как Предстоятель Церкви Патриарх говорит и действует так, чтобы донести до людей истину, хранимую всей полнотой Церкви. Таким образом, мнение Церкви, высказанное Патриархом, уже само по себе имеет не частное, а общественное значение. Это в первую очередь и определяет влияние Предстоятеля, который неотделим от своей Церкви, и его высказываний относительно жизни всего общества»¹⁰.

Прежде чем приступить к анализу «риторики» как совокупности речей и текстов Патриарха Кирилла, уточним, ЧТО такое риторика и как могла бы исследоваться деятельность «ритора».

Проследим эти определения сущности риторики применительно к нашей теме словесного пастырства в Русской Православной Церкви.

Риторика в античности определяется как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета»¹¹. Поэтому риторика – универсальное учение, имеющее отношение к каждому человеку, чем бы он ни занимался, поскольку каждому приходится убеждать кого-то в чем-то. Убеждение зависит от трех факторов: характера говорящего, настроения слушателей и самой речи. Для убеждения надо «выказать себя человеком известного склада», т. е. создать определенный «образ оратора», «образ говорящего». Эти классические мысли имеют прямое отношение к деятельности современного церковнослужителя, от простого священника до Патриарха: все мы попадаем в определенные ситуации общения,

¹⁰ Беседы с митрополитом Иларионом... С. 73.

¹¹ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 19.

когда в соответствии с определенной жизненной позицией и мировоззрением необходимо доказать, переубедить, вселить настроения веры, надежды, любви, – и очевидно, что вся пастырская деятельность осуществляется только словом. Именно поэтому и Святейший Патриарх Кирилл призывает к общению, умению говорить, особенно с молодежью, «ясным и доступным языком».

Лучшие риторические сочинения античности выразительно свидетельствуют, что в основании как образа ратора, так и его речей должен лежать некий нравственный идеал, поэтому в риторике всегда существовало понятие «ораторских нравов» – требований к нравственному и профессиональному характеру человека, которых следует придерживаться в том или ином роде деятельности. Любопытно, что здесь могут быть как общериторические, так и профессионально-риторические требования к качествам, которыми должен обладать человек в том или ином роде деятельности (у воина – решительность, быстрота и смелость; у судебного оратора – рассудительность, остроумие и ловкость; у учителя – благочестие, смиренномудрие, требовательность, скромность при любви к ученикам). В античном идеале человека говорящего перечисляются следующие добродетели: *справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость*¹². Что же сделало христианство? Оно принципиально перестроило качества этой образцовой личности в Заповедях блаженства, сказав, что «блаженными» становятся *нищие духом, кроткие, алчущие и жаждущие правды, чистые сердцем, милостивые*, – парадоксально и так непонятно до сих пор для большей половины человечества...

Первая русская риторика 1620 года определяла риторику как «науку, которая научает пути правого и жития

¹² См.: *Аристотель. Риторика // Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 43.*

полезного добрословия»¹⁵. Софроний Лихуд говорил о божественном происхождении риторики как искусства слова: «Риторика есть семя небесная и луча из источника вечного света источена»¹⁴. Как указано выше, владеющие риторикой «мнятся» быть подобными «умом небесным (созданиям), сииречь ангелам», но особенно выразительно следующее сравнение (приводим, заменяя некоторые устаревшие слова): «Душа есть образ Божий, Бог есть душа, риторика есть Божественна. Как Бог в мире и душа в теле, так риторика в жизни гражданской. Он (Бог) отлучен от всякого телесного сложения, сия (душа) вся дух есть, а риторика – светлый плод изящнаго ума. Бог видит всё, но не видится; душа зрит вся, но не зрится; риторика объемлет вся, но довольно не объемлется. Бог пребывает везде, во всех сторонах вселенной; душа во всех тела удах разделена; риторика же, сплетена сущи неким общим союзом, вся художества и учительства преходит...»¹⁵ То есть риторика объединяет все науки и искусства, поскольку все они выражают себя через слово, – и эта мысль будет повторена В. К. Третьяковым в «Слове о витийстве» 1745 года, став общим местом для всего допетровского и постпетровского образования в России, поставив риторику в центр словесного воспитания человека.

Первая научная риторика написана М. В. Ломоносовым, ясно различившим в первом, рукописном, и втором, печатном, изданиях слова «риторика» и «красноречие»: **«Риторика есть наука (1-й, рукописный, вариант). Красноречие есть искусство (2-й, печатный, вариант) о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению»**¹⁶. Эта поправка

¹⁵ Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет: ЧеРо, 1999. С. 21.

¹⁴ Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 1998. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89.

в нашем исследовании важна, потому что для каждого человека встает решительный вопрос о возможностях риторического обучения и воспитания: что главное – талант, способности или труд, учеба, наука, эрудиция? Впрочем, М. В. Ломоносов среди «средствий к приобретению красноречия» называл и «природные дарования, и науку, и подражание авторам, в красноречии славным, и упражнения, и знания других наук»¹⁷.

Вершиной развития риторики в дореволюционной России следует считать вторую половину XIX века, когда в частной риторике давалась классификация всех наук, и именно в риторике как «энциклопедии русской жизни» велась подготовка ко всем сторонам прозаической профессиональной деятельности: военной, политической, учительской, церковной и т. д. Самый яркий пример – общая и частная «Реторики» Николая Федоровича Кошанского, воспитавшего словесно первых царскосельских отроков: Пушкина, Дельвига, Горчакова и др. Это он, как показывают открывшиеся свидетельства, готовил лекцию «О преимуществах Российского слова» к Дню открытия Лицея 19 октября 1811 года¹⁸, и именно его «логические» идеи совершенствования «силы ума и дара слова» говорили юным лицеистам о силе Божественного Разума, прозрачно обращая к известному для всякого человека XIX века месту Священного Писания, где говорится о необходимости «быть совершенным, как совершенен Отец наш Небесный».

Вот начало «Общей реторики» Н. Ф. Кошанского с рассуждением о возможностях мысле-словесного обучения:

«§ 1. Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Эти две способности неразлучны; они образуются вместе и общими силами

¹⁷ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89.

¹⁸ Аннушкин В. И. О преимуществах русского слова. Речь Н. Ф. Кошанского 19 октября 1811 года. М.: Форум, 2015.

ведут человека к совершенству, к великой Небом указанной ему цели»¹⁹.

К сожалению, советское литературоведение не смогло по достоинству оценить этих выдающихся педагогов-мыслителей, воспитателей словесного юношества, воспевавших монархов и «хвалу Господеви моему», тем более что с середины XIX века в моду вошли другие идеи: главным творцом языка был объявлен художественный литератор-поэт, все риторика названы передовой журналистикой (революционерами-демократами) «пошлыми и вульгарными» (так писал о риториках «неистовый Виссарион») ²⁰... Русская словесность постепенно преобразовывалась в науку об изящной (художественной) литературе, из филологии ушло внимание к устным формам прозаической ораторской речи – она все больше ограничивалась учением об уровнях языка (языкознанием) и вниманием к формам «прекрасного» и «вымышленного» в речи (литературоведению и театру). Не отсюда ли та слабость от невладения реальным прозаическим словом, легкость введения наших соотечественников словом в обман, с которой русское общество вначале восприняло разрушительные идеи атеистической революции, а семьдесят лет спустя не смогло противостоять разрушительным волнам риторики информационно-психологической войны, которую искусными методами ложно-льстивого слова вел против нашей страны Запад?

Итак, **риторика – наука о правилах и закономерностях создания и ведения реальной прозаической речи.** Она изучает не только общие законы создания содержания, композиции, слововыражения и произношения, но и правила создания отдельных видов

¹⁹ Кошанский Н. Ф. Риторика / Издание подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 39.

²⁰ Белинский В. Г. Общая риторика Н. Кошанского. 7-е изд. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 445–446.

прозы (не только ораторской, но и разных видов диалогов, документов, сочинений, а сегодня – речи СМИ и Интернета). Словесная деятельность Патриарха Кирилла как влиятельного современного церковного и общественного ратора требует такого рассмотрения в рамках законов и правил ведения речи.

Риторика – искусство прозаической речи, требующее развития таланта и способностей в каждом человеке. Если человек не хочет «зарыть талант в землю», он должен стремиться развить и усовершенствовать себя в «силе ума и даре слова». Речевой талант имеется в каждом человеке: у одного – талант политика, у другого – талант предпринимателя, у третьего – талант поэта, у четвертого – воина, у пятого – учителя, но какую бы интеллектуальную профессию человек ни выбрал, везде к профессиональным знаниям требуется умение выразить эти знания в слове и организовать общение с помощью эффективной речи или просто хорошего русского языка. Успех в каждой карьере «усыпан цветами красноречия» (А. П. Чехов), но не того цветастого красноречия, которое вызывает иронию и тихую издевку, а оптимально и эффективно построенного общения и уместно создаваемого образа ратора, любовно, мудро, правдиво, искусно соединяющего, с одной стороны, молчание, паузы в общении, умение слушать, с другой стороны, искусство говорить честно, убедительно и выразительно. Характерно, что словесная деятельность Патриарха Кирилла, протекающая у всех на виду, – яркое и своеобразное свидетельство реализации человеческого таланта, воплощения способностей как результата воспитания, образования, всего жизненного опыта человека, посвятившего свою жизнь Богу.

Риторика – теория и практика совершенной речи: убедительной, украшенной, уместной, эффективной, целесообразной и т. д. Каждое из перечисленных качеств может быть взято под сомнение, поскольку всякая речь может быть обращена, что называется, «во зло»: убедительность речи может обернуться желанием мани-

пулировав слушателями, красота речи может обернуться «ложным красноречием», эффективность – желанием добиться своей цели в ущерб слушателю, о чем последний не подозревает, «цель» речи может быть как благородной, так и сомнительной... Кстати, слова об убеждении и убеждениях часто звучат из уст Предстоятеля:

«Я думаю, роль и значение Церкви – смиренно осуществлять свое служение, никогда не пытаюсь использовать властный потенциал для воздействия на человеческие умы. Внутренняя жизнь человека предполагает свободу выбора, поэтому голос Церкви должен быть убедительным, но убедительным не потому, что он властный и сильный, а потому, что он праведный».

Словосочетание «сила слова» звучит сегодня на всех перекрестках, ибо множество «специалистов-тренеров» готовы научить владеть словом, научить ораторскому искусству – оставим их потуги на их совести. Только у Патриарха Кирилла «сила слова» звучит в следующем синонимическом ряду: «Сила слова, сила духа, сила молитвы, сила убеждения...»

Изучение и знание риторики позволяет нашим современникам оградить себя от опасности, которую может нести с собой «живой» ритор. Но, пожалуй, лишь в термине «**уместность**» можно не сомневаться: еще Цицерон писал о том, что «уместность – главное качество речи», и, предвосхищая анализ речей и слов Патриарха Кирилла, не можем не сказать, что именно это качество зрится как основная характеристика его общения с разными аудиториями. Еще более важным представляется эпитет «совершенная» речь, ибо понятно, что несть абсолютно совершенства в смертном человеке, но можно сказать с абсолютной уверенностью: есть образцы речи конкретных ораторов (ученых, писателей, священнослужителей), на которые ориентируется общественное сознание; есть содержание и стиль речи, с которыми соглашается большинство общества и которым невольно подражают, чьих высказываний по разным вопросам ждут и на чью деятельность, конечно, ориентированы мысль и язык обще-

ства. Эта ориентация имеется и в современном российском обществе: когда есть абсолютная поддержка таких «речевых» образцов большинством людей, общество начинает жить в положительном единстве взглядов и может оптимистично смотреть в будущее.

Риторика – учение о речевом воспитании личности человека. Можно не соглашаться с «риторикой как наукой», но нельзя отрицать, что образование (обучение и воспитание) человека осуществляется только **словом**. Слово есть инструмент передачи мысли, способ выражения эмоционального отношения, и никакое знание не может быть вложено в ученика, если учитель (преподаватель), передающий знание, или родители, воспитывающие детей, не являются хорошими «риторами-педагогами», способными вступить во взаимозаинтересованное общение со своими учениками и детьми. Одна из главных причин, почему аудитория так внимательно слушает Патриарха Кирилла, это его очевидная заинтересованность в том, ЧТО он говорит, и то, КАК он общается с аудиторией, выказывая любовное и требовательное отношение к собравшимся в любом месте и в любое время.

Риторика – теория и практика речи современного развитого информационного общества, предполагающая изучение большого массива текстов, включенных в культуру: от бытовой речи до речи средств массовой информации. Развитая языковая личность должна быть хорошо образованна и ориентирована в разных видах словесности, понимать их природу и владеть навыками эффективного общения. Задача филологической науки – отбор, классифицирование и описание текстов словесной культуры, т. е. таких текстов, которые являются влиятельными и образцовыми (прецедентными), могут включаться в обучение и через образование обеспечивать связь поколений и возможность продуктивной деятельности общества.

Применительно к отдельной личности эта задача решается через анализ всей совокупности текстов (слов, речей, документов, диалогов разного жанра и т. д.) данно-

го ротора (в нашем случае Патриарха Кирилла) – задача, кажущаяся неразрешимой, однако именно она представляет собой основу для полноценного филологического (словесного) анализа речевой деятельности и образа говорящего или пишущего.

Риторический канон как основание для анализа текстов

Наш дальнейший анализ словесной (риторической) деятельности мы строим на основе разделов риторической науки или риторического канона – примерно та же схема должна включать и анализ культуры речи как науки о правилах и законах хорошей и правильной речи. Эти разделы или части риторики (в классической науке они назывались «должностями ротора») предполагают сегодня следующую последовательность анализа, который должен выстроить совокупный образ ротора:

1) **условия создания речи** (то, что называется **этносом**) – правила и традиции в организации обстоятельств речи: время и место ее создания, планируемая тематика речи, то есть то, что можно назвать «внешними правилами словесности». Эти правила еще не зависят или не проявляют искусство речи говорящего, но они уже предполагают анализ **видов и жанров речи**, в которых участвует ротор. От того, как будут спланированы эти внешние обстоятельства речи, зависит успех целой речи;

2) **изобретение идей**, аргументация и содержание речи, иначе говоря, состав мыслей и способов создания речи – то, что в риторике осмысливается под именем **топосов – общих мест**, которые творчески создает оратор, добываясь согласия аудитории с его мнением;

3) **композиция** речи (ГДЕ сказать?), предполагающая деление речи на части. Этими «частями речи» в риторике традиционно назывались *обращение*, введение в *тему* речи (так составляется *введение* или *вступление*, призванное «благорасположить» слушателей), *описание*, *повествование*,

рассуждение-доказательство, опровержение-антитеза (это основные «части речи»), *вывод-резюме* и эмоциональный «*призыв*» как подведение итогов речи (*заключение*). Анализ современной речи значительно затруднен, поскольку эти «части» в значительной мере бывают перемешаны друг с другом, но мы увидим, как строгость и ясность мысли в разбираемых ниже речах выстраивают и четкую последовательность в расположении частей композиции речи;

4) **стиль речи** (КАК сказать?), предполагающий создание и последующий анализ **слововыражения (выбор слов)** и **соединения слов в предложении, фразе, абзаце** (для риторики особенно важны вопросы фигур речи – конструкций, которые обеспечивают ее украшение). Совершенствование стиля речи зависит от владения ритором нормативным литературным языком и способности создавать собственный **идиостиль** – своеобразный характер использования выразительных средств речи;

5) **память** как свидетельство эрудиции ратора и способности использовать накопленные знания в воспроизведении речи. Память предполагает сосредоточенность и умение сохранять в сердце (орган мысли!) множество фактов, цитат, крылатых выражений, а иногда и целых текстов. Впрочем, ничто так, как Церковь, не может воспитать ратора, удерживающего в памяти тексты молитв, тропарей, акафистов, последовательности всей службы, и одновременно соединять обращение к письменному тексту с «тренировкой» устной речи, когда звучит голос священнослужителя;

6) **произношение и телодвижение** – то, что традиционно называлось *pronunciatio* и включало работу над голосом, звуками, движением во время речи, глазным контактом, мимикой и жестами. Эта важнейшая часть риторического канона оценивалась многими теоретиками как главная при восприятии речи (так, Демосфен называл главным в риторике «произношение, произношение и еще раз произношение»), однако очевидно, что хотя «успешное» произношение может усладить и расположить слушателей, но оно еще ничего не говорит о сути речи – ее содер-

жании. Тем не менее говорящий человек должен понимать и помнить, что его восприятие начинается не с собственно речи, а с внешнего облика (появления, глазного контакта, пластического движения), поэтому данный раздел риторики, касающийся общения ратора с аудиторией, чрезвычайно важен. Часто ратора не слушают, потому он обладает неприятным голосом, говорит излишне тихо или излишне громко, слишком быстро или, напротив, медленно, – и здесь требуется гармония речевого выражения и «золотая середина». В старинных риториках об этом писали очень остроумно: «Аще ритор гугнив, заиклив, борботлив, шепетлив, сей не может ритор быти». Впрочем, все равно «встречают по одежке, а провожают по уму», выраженному в речи...

7) **речевая эмоция** – эта часть не названа в риторическом каноне, но она всегда присутствует в лучших учебниках риторики. И Аристотель, посвятивший «страстям» целую главу с поразительными наблюдениями над природой рождения любви, ненависти, гнева, милости, радости, печали²¹; и Цицерон, полагавший, что «вся сила и мощь красноречия состоит в возбуждении страстей»²²; и М. В. Ломоносов, создавший учение о «возбуждении страстей», с определениями и примерами относительно каждой «страсти»²³; и М. М. Сперанский, до начала своей блестящей карьеры написавший в Санкт-Петербургской духовной академии учебник «Правила высшего красноречия» (1792), начинавшийся словами: «Основания красноречия суть страсти»²⁴, – все эти авторы описывают «страсти» как речевые эмоции («чувствования»), рождаемые речью.

²¹ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 193.

²² Там же. С. 38.

²³ Ср.: «Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение» (Ломоносов М. В. О возбуждении страстей // Краткое руководство к красноречию... С. 344).

²⁴ Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб., 1843. С. 1.

Современные теоретики риторики, увы, немного добавили к систематизации и описанию видов эмоций, если не считать краткого и емкого описания Ю. В. Рождественским типов «речевых эмоций»²⁵. Главная идея автора состояла в том, что все наши основные эмоции, которые мы переживаем в отношениях с людьми, являются следствием речевых контактов, например, симпатия, дружба, любовь возникают и сохраняются как следствие регулярных речевых связей и, напротив, разлад в человеческих отношениях означает прерывание этих связей.

Наведение эмоций (чувств) на аудиторию, способность вызвать нужное отношение к своей речи являются центром отношений оратора и слушателей, поскольку доверие и благорасположение ритора к слушателям, как и благожелательный настрой слушателей к говорящему, имеют колоссальное значение для общего результата речи. Все чувства, эмоции (по-старинному «страсти») всегда связаны с речью и делятся на положительные и отрицательные – именно в риторике рождение тех или иных эмоций решает дело. Кстати, слово «страсть», имеющее в православии значение «неверное, греховное расположение духа», весьма точно и ярко свидетельствует о характере речи в большинстве видов нашей профессиональной риторики, как и о деятельности многих «тренеров по ораторскому искусству» (их именами и рекламами просто «забит» Интернет!), которые прежде всего стараются воздействовать на эмоции слушателей, как правило не обученных противостоянию ложным способам убеждения. В церковной риторике, или гомилетике как науке или искусстве проповедования Слова Божия, напротив, требуется пробудить все «добрые чувства», и прежде всего любовь, которая «долготерпит, милосердствует, не гордится, не завидует, не раздражается, не ищет своего...» – все перечисленные апостолом Павлом эмоциональные состояния так или иначе

---

²⁵ *Рождественский Ю. В.* Риторика публичной лекции. М., 1989.

связаны со словом и речевыми поступками, в которых эмоции обретают свое воплощение.

Вышеперечисленные внешние и внутренние характеристики говорящего в совокупности составляют **образ рителя**. Их последовательный анализ позволяет выстроить контуры этой категории применительно к словесной деятельности Патриарха Кирилла.

Условия речи и жанристика: предварительные замечания

Систематизация и классификация текстов Патриарха Кирилла (слов, речей, документов) – задача сложнейшая, ибо обозрение текстов, столь великих по объему, ставит перед исследователем задачу почти невыполнимую: только в 2014 году, как отмечается Ю. Ю. Кабанковой (см. главу 4), Патриархом Кириллом произнесено (официально записано) около 170 выступлений. В сущности, Святейший Патриарх выступает почти ежедневно (и риторика называет эту проблему, знакомую каждому из нас, оптимальной/неоптимальной речевой нагрузкой): с проповедями, обращениями, посланиями, интервью, иногда эти тексты сокращаются до кратких высказываний, которые звучат в СМИ. Вся эта совокупность речей или текстов и есть словесно-речевая деятельность Патриарха. Понятно, что в эту словесную деятельность включен огромный спектр людей (аппарат и пресс-служба Патриарха), которые помогают готовить речи, выступления, послания, – и эта спичрайтерская помощь есть отметина нашего перегруженного информацией и общением времени. Очевидно лишь то, что каждый из авторитетных речедеятелей-риторов (будь это президент, или Патриарх, или руководитель крупной политической партии или компании) несет личную ответственность за сказанное или написанное, потому что текст исходит от его лица.

И если общая филология разделяет устные тексты на культурно значимые (хранящиеся в культуре для

последующего прочтения и пользования) и забываемые, не имеющие этого культурного значения, то, поскольку Патриарх выступает от лица Церкви, его тексты неминуемо рассматриваются как входящие в современную культуру. Свидетельством этой культурной фиксации являются публикации текстов Патриарха – сравните с текстами иных наших политических деятелей, которые лишь «мелькают» на телеэкране как «медиазвезды», но их речи, слова, тексты остаются эффектными однодневками, «факирами на час», «умирающими» в памяти после их произнесения, несмотря на всю их эмоциональность, выразительность и даже агрессивность. Таков наш телевизионный контент, создающий стиль мысли, слова и жизни в целом только на «сегодняшний день», а хотелось бы соединить «временное» и «сегодняшнее» с культурно фиксируемым, претендующим на «вечное».

Здесь перед современным информационным сообществом встают очень интересные проблемы, требующие практического решения: тексты авторитетных лиц (руководителей государства и политических партий, высшего духовенства, представителей деловой элиты) звучат в СМИ, фиксируются на видео и выставляются в Интернете, ограничивая этим их представление интересующемуся пользователю. Отсутствие письменной печатной фиксации, или выборочная фиксация только отдельных «значимых» для конкретного издания частей текстов лишает читателя-пользователя возможности полноценного осмысления деятельности того или иного ратора (политика, общественного деятеля). Тексты Патриарха в подавляющем большинстве случаев расшифровываются для прочтения – и это также факт словесной культуры аппарата Патриарха (прежде всего пресс-службы) – говорим об этом постольку, поскольку большинство видеосюжетов в Интернете так и остаются «видеосюжетами», а иные тексты и вовсе не попадают в поле зрения аудитории.

Классификация жанров речи Патриарха Кирилла возможна на основе упоминаний разных типов текстов, которые реально называются при их именовании. Прежде

чем называть эти жанры, целесообразно попытаться представить области деятельности Святейшего Патриарха. Здесь нам не надо «мудрствовать лукаво», потому что ответ можно найти в самих речах Святейшего: «Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного, частного: он сам и вся его жизнь без остатка принадлежит Богу и Церкви, его сердце болит о народе Божиим, особенно же о тех, кто отпал от церковного единства и кто еще не обрел веру. Патриаршее служение является особым духовным подвигом. Этот подвиг невозможно нести в одиночку или при поддержке ограниченного круга единомышленников. В этот подвиг через молитвенное общение и соборное делание вовлекается весь епископат, вся полнота Церкви со всем многообразием дарований, присущих ее членам»²⁶.

В словах «молитвенное общение и соборное делание» четко и ясно обозначена «словесная» деятельность Патриарха! На первом месте стоит «служение Богу и Церкви», поэтому главное в жизни как Святейшего Патриарха Кирилла, так и всякого православного христианина – «служение Богу» в отправлении Божественной литургии в храмах Божиих. Это служение Богу и есть лучшее служение человеку, его духовному и физическому состоянию, благоустройству через спасение, преодоление скорбей, несение Креста. Возможно, это как раз то, что так трудно понять и от чего отмахиваются люди, равнодушные к вере (хотя каждый во что-то верит), но так называемый «антропологический подход», восхваляемый в современной науке как «передовой принцип», – путь явно недостаточный, если в нем отсутствует духовно-нравственная основа, принесенная человечеству Словом Божиим.

Таким образом, две основные области деятельности Патриарха Кирилла – церковно-проповедническая (служение Богу и Церкви) и общественно-народная («боль о народе Божиим»). Вопрос установления жанристики

²⁶ *Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М., 2009. С. 76.

речей-текстов Патриарха Кирилла решается через исследовательский анализ именованных текстов или их групп, который делают составители речей и выступлений Патриарха, в том числе на церковных сайтах, освещающих деятельность Патриарха. Так, сайт patriarchia.ru называет эти разделы: *Приветствия и обращения; Интервью; Послания; Проповеди; Документы; Слово пастыря.*

Стоит внимательно просмотреть книги с текстами Патриарха. Мы увидим: в них преобладает жанр «слова». Особенно наглядно это проявлено в «Собрании трудов», очень точно отражающем существо деятельности Патриарха (и в этом смысле, конечно, точно найдено название известной телепередачи): почти все тексты имеют жанр «слова». Как правило, это «Слова по окончании Божественной литургии» или «Слова в канун праздника». Жанр «слова» – монологический жанр, речь, произносимая по поводу настоящего события (как правило, праздника) и содержащая описание события и духовно-назидательный комментарий. Но мы бы обратили внимание прежде всего на ту удивительную многозначность слова «СЛОВО», к которой мы все привыкли и которую не очень-то отмечают коллеги-лингвисты. Слово – это и Бог, слово – это и «логос» (мысль и речь), слово – это и основной жанр церковной проповеди, «словом» может быть назван и всякий общественно значимый монолог, слово – это и лексема для обозначения звуками определенного понятия²⁷. Эта омонимия – закономерная историческая загадка.

Попытки выстроить группы жанров речей Патриарха Кирилла с их анализом содержатся в последующих разделах настоящей книги. Так, Ю. Ю. Кабанкова выделяет пять больших групп, в каждой из которых – в соответствии с характером аудитории и задачами речи – выстраивается свой образ оратора:

²⁷ Парадоксальны стихи современного поэта-филолога Виктора Коллегорского: «НЕ ищи определения слову – его нет. Слово – везде и нигде, слово – ни то, ни другое, слово – это слово».

1. Проповеди – образ проповедника – духовного пастыря
2. Напутствия – образ наставника священнослужителей-архиереев
3. Обращения общецерковные – образ руководителя церковной организации
4. Обращения к общественности – образ общественного деятеля
5. Выступления в СМИ – медийный образ миссионера (с. 178)

Не исключаем, что возможно построить и несколько другую классификацию речей и текстов Патриарха Кирилла, для нас важно отметить две принципиальные особенности: во-первых, в каком бы жанре ни выступал Патриарх как ритор (говорящий или пишущий), всегда сохраняется **цельность духовно-нравственного и интеллектуального облика ратора** (это одно из главных требований к образу ратора!), единство неизменных взглядов; во-вторых, **многообразие** жанров, которые мы попытаемся ниже рассмотреть как факты «называния» жанров самими организаторами речевых ситуаций, будь это церковные организации, или государственные, или СМИ. Отметим и третье: в единстве образа и верности своим взглядам искусный ритор всегда соответствует требованиям **новизны** и даже некоторой **парадоксальности** суждений – при абсолютной логике суждений и аргументов.

Цельность, разнообразие и новизна как общериторические требования к образу ратора требуют теперь конкретного разбора. Начнем с разнообразия ситуаций общения, которого требует многогранная деятельность Патриарха. Эта риторическая проблема сформулирована выше как проблема **речевой нагрузки**, и, безусловно, каждый современный человек прочувствовал ее на себе как колоссальный объем информации, множество дел (а все дела «речевые», связанные с общением – устным, письменным, теперь еще и электронным). Деятельность Патриарха как главы Церкви и влиятельного общественного деятеля

фантастически разнообразна, и обыкновенному наблюдателю подчас попросту не под силу представить информационно-речевую нагрузку, которую несёт Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Между тем эта нагрузка и есть тот самый «крест служения» Богу, Церкви и православному народу Божию, о котором говорит сам Патриарх. Филологическое исследование этой «нагрузки» не должно касаться глубины вопросов богословских, но предполагает выяснение классификации текстов, систематизации этой массы речей и их содержательно-стилистического анализа. Не претендуя на окончательный вывод, покажем лишь методологию такого анализа.

Жанристика текстов Патриарха Кирилла выясняется из названий его трудов: если главное дело жизни Патриарха, как он сам это определил, «служение Церкви», то очевидно, что основной тип речи, в котором главный «словесный пастьрь» нашей Церкви «правит слово Истины», это «слово». И прежде всего – это **слово церковное**. Многогранность деятельности Святейшего Патриарха Кирилла определила и названия двух вышедших серий: «Слово Предстоятеля» – серия I, том 1, где содержатся материалы официального характера за первые три года со дня интронизации. Серия II имеет название «Слово пастьря», тезоименитое известной телепередаче и соответствующее служению Святейшего Патриарха как проповедника. В этот том вошли Пасхальные и Рождественские послания, проповеди, обращения к читателям СМИ и телезрителям, интервью в эти праздники, а также великопостные проповеди за эти годы.

Напряженная деятельность Патриарха включает, прежде всего, **проповеди-«слова»**, произносимые после совершения Божественной литургии, и различные «слова»-выступления, произносимые по разным случаям или общественно значимым поводам. Основная проповедническая деятельность Святейшего Патриарха включает «слова», произносимые либо по окончании Божественной литургии, либо за Божественной литургией, – таких «слов»-проповедей большинство в «Собрании трудов»,

именуемом «Слово пастыря» (серия II, том 2). Безусловно, данные «слова» должны быть отнесены к области гомилетики как науки о проповедовании Слова Божия. Гомилетика как церковное ораторство представляет собой особый вид публичного ораторства или частной риторики, состоящий в искусстве произнесения *проповеди* во время церковного богослужения. Возможно, в разряд гомилетики можно было бы включить *исповедь* как жанр церковного диалога священника с христианином (как мирянином, так и лицом духовным), приносящим покаяние, но не исключено, что более точным было бы понимание **церковной словесности** как **совокупности текстов, в которых принимает участие современный служитель Церкви**. В таком случае современная гомилетика как вид церковной словесности уже не ограничится только искусством проповеднического монолога (как раньше), а должна будет включить всю профессионально-речевую нагрузку священника как служителя Церкви, ведь многообразие его деятельности сегодня не ограничивается только речью с амвона, но, как и требует того Святейший Патриарх Кирилл, предполагает «хождение в народ», общение, разговор с верующими «доступным и понятным языком».

Развитие современной информационной цивилизации привело общество к огромному разнообразию форм речи, тем не менее законы культуры требуют сохранения основных жанров и на их основе творческого формирования новых видов общения с использованием всего лучшего опыта прошлого. Так, например, **телевизионные беседы** Святейшего Патриарха Кирилла, завоевавшие популярность еще в бытность его митрополитом Смоленским и Калининградским, являются **новым жанром церковного беседования**, только пастырь теперь находится не в окружении десятка или нескольких десятков слушателей, а обращается к сотням тысяч. В то же время в телестудии при записи слушатели отсутствуют, и такой формат общения требует известных навыков риторической деятельности... Вопросы в телепередаче задаются

не «напрямую», но получают редакцией по почте и, конечно, отбираются по консультации с самим ведущим; ведущий же (по законам организации речи на телевидении) должен особо чувствовать время, отведенное ему для диалога с массовой аудиторией, чтобы успеть ответить, распространив речь и вовремя ее закончив.

Чувство времени – особый профессиональный навык риторика во время ведения речи, ибо он должен не только успеть всё сказать, но и вовремя поставить точку. Патриарх Кирилл выдерживает этот закон уместной продолжительности высказывания, успевая выстроить как содержание, так и все части композиции речи.

Каковы же самоназвания «жанров текстов» Патриарха? В фундаментальном «Собрании трудов. Слове пастыря» отмечается единство жанров – там имеются только «Слово по окончании Божественной литургии» и «Слово за Божественной литургией», разбавленные «Обращениями к читателям газеты „Коммерсант“». Составители «Собрания трудов» выбрали не хронологический, а **тематический** принцип распределения «слов» Предстоятеля по церковным праздникам, поэтому деление на разделы оказалось весьма удобным для пользователей, желающих найти «слова» на определенные праздники: сначала идут «Слова в Господские праздники» (Обрезание Господне, Крещение Господне, Сретение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Преображение Господне, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня); затем – «слова» в Богородичные праздники (Собор Пресвятой Богородицы, Благовещение, Положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне, Успение, Рождество Пресвятой Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Богородицы); затем – «слова» во дни от Святой Пасхи до Пятидесятницы; «слова» во дни празднований в честь чудотворных икон Божией Матери; «слова» во дни воскресные и памяти святых; «слова» по разным случаям.

Обратим внимание на то, что в иные дни Святейший Патриарх Кирилл произносит по несколько «слов»-речей.

Так, 16 июля 2011 года, в день памяти перенесения честных мощей святителя Филиппа, Митрополита Московского и всея Руси, он произнес три «слова» – за Божественной литургией в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля, там же по окончании Божественной литургии и перед освящением иконы святителя Гермогена. Но, впрочем, такая словесная нагрузка Предстоятеля, выражающего мнения «полноты Церкви», для всех очевидна.

Подробное выстраивание «всех жанров» речей Патриарха – задача для фундаментального исследования, и отчасти она решается другими авторами нашей книги. сошлемся лишь на разнообразие, которое вполне реализовано еще в первом томе «Собрания трудов», посвященном материалам «официального характера, отражающим Патриаршее служение в первые три года со дня Интронизации»²⁸. В них отмечены и доклады Первосвященителя на Архиерейском совещании 2010 года и Архиерейском Соборе 2011 года, и доклады на трех Епархиальных собраниях г. Москвы, и выступления на пленумах и президиумах Межсоборного присутствия и заседаниях Высшего Церковного Совета, и «слова» при вручении архиерейского жезла новопоставленным епископам.

В сущности, думаем, для читателя важна не столько научно построенная комбинация жанров речей Патриарха Кирилла, а то разнообразие и видение степени речевой нагрузки, которую испытывает Патриарх как современный церковный ритор. Особенно это разнообразие ощущается в поездках. Достаточно просмотреть, например, описание поездки Святейшего Патриарха Кирилла на Украину 27 июля – 5 августа 2009 года, чтобы почувствовать в содержании и объеме комментариев колоссальное богатство жанров и ситуаций, в которых приходилось Его Святейшеству «править слово истины». Этот перечень жанровых

²⁸ *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Слово Предстоятеля (2009–2011). Серия I. Т. 1. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012.*

ситуаций особенно впечатляет сегодня, когда мы знаем о случившемся на Украине несколько лет спустя:

- Беседа с украинскими журналистами перед началом визита;
- Слово после молебна на Владимирской горке в Киеве;
- Слово у мемориала жертвам массового голода в Киеве;
- Проповедь в день памяти святого князя Владимира;
- Слово после литургии в Киево-Печерской лавре;
- Выступление в эфире украинского телеканала «Интер»;
- Встреча с интеллигенцией, духовенством и преподавателями Духовных школ;
- Интервью телеканалу «Вести»;
- Слово в Святогорской Свято-Успенской лавре в Донецкой области;
- Слово в Никольском кафедральном соборе в Горловке и т. д.

Затем поездки в Крым, Ровно, Луцк, наконец, в Почаевскую лавру Тернопольской области. Конечно, и здесь главенствует «слово» Патриарха, но какое разнообразие жанров: и беседа с журналистами, и выступление на телевидении, и интервью, и встреча с интеллигенцией, а «слова» произносятся не только в храмах и монастырях, но и у памятников-мемориалов.

Изобретение идей и аргументация: основные топосы как средства доказательства и развития речи

В словесно-риторической деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла более всего поражает не внешняя сторона его служения (хотя она готовит воздействие слова Предстоятеля), а внутренняя, содержательно-аргументативная. Описать ее – значит войти

в богатство духовно-нравственного и общественно-культурного содержания слов-речей, рассмотреть принципы аргументации и убеждения аудитории, используемые в текстах Патриарха Кирилла.

В риторическом анализе эта задача выполняется через анализ основных идей – **общих мест** (по-гречески **topos communis**) – **топосов**, относительно которых оратор добивается согласия со слушателями в целях убедительного воздействия на них своей речью. Риторический термин **общее место** не несет отрицательных коннотаций, – напротив, в соответствии со своей этимологией данный термин объясняется как «общее», относительно которого обнаруживается сходство взглядов оратора и слушателей. И тогда ясно, что аудитория бывает убеждена общими духовно-нравственными и философскими положениями, которые считаются общепринятыми в данном социуме. Однако эти идеи невозможно подать банально, невыразительно, упрощенно, ибо «нет ничего скучнее банальных истин» – и именно этого должен избегать хороший ритор. Нельзя перегнуть палку и в другую сторону, когда оратор слишком оригинален и поражает воображение своими аргументативными находками-идеями (и таких ораторов много в нашей политической практике!), но в конечном счете «умная» аудитория не идет за таким ритором, ибо чувствует опасность обмана. Задача корректного ритора – предложить слушателям аргументативные идеи (общие места) своей речи в новой, стилистически привлекательной, уместной форме. Поэтому изобретение идей – творческая деятельность, требующая от ритора остроумия, находчивости и эрудиции.

Второе значение общих мест – топосов состоит в том, что **топосы** являются **способами создания содержания речи**. Осознание важности этой категории имеет первостепенное значение в обучении риторике. Классическая схема обучения по топосам состояла в том, что ритор должен был уметь последовательно развивать свою аргументацию, предлагая после вступительного **обращения** (его цель – добиться «благоволения» слушателей) вначале **определе-**

ние-описание предмета своей речи, затем указание **причины** (почему тезис верен), затем возможно **сравнение**, затем может следовать **опровержение (антитеза)**, затем – **пример** в подтверждение приведенной аргументации и наконец – **свидетельство** как мнение (цитата, крылатое выражение) авторитетного лица. В **заключении** подводится итог с *резюме* и эмоциональным *призывом*. Такая модель построения речи называлась **хрия** – именно она приводилась в античной риторике, а затем в «Риторике» Н. Ф. Кошанского, по которой выучились наши царско-сельские отроки, и еще в начале XX века именно по этой схеме писал сочинения будущий философ А. Ф. Лосев.

Количество топосов как способов создания текста не ограничивается шестью приведенными, но у Цицерона в «Топике» их 24, у М. В. Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» – 16, у Н. Ф. Кошанского – 24, современные теоретики-риторы выделяют разное количество, но для нас существенен вопрос: можем ли мы провести хотя бы частичный анализ текстов Патриарха Кирилла с опорой на выделение системы общих мест и способов аргументации?

В соответствии со сказанным выше относительно «риторики» как способа выражения мировоззрения, состава идей, которые излагает ритор, исследовательская задача решается внимательным вчитыванием в тексты Патриарха Кирилла, отражающие его духовно-нравственную философию. Для исследователя, растерянно стоящего перед «громადой» имеющихся книг и текстов Патриарха Кирилла, эти основные топосы-идеи не могут не предощущаться – важно выделить главное и понимать, что частное, конкретное в речах Патриарха есть отражение единого и общего, вполне исчисляемого и описываемого мировосприятия.

Сопоставление двух важнейших для нашего анализа книг – «Слова пастыря»²⁹ и книги митрополита Иларио-

²⁹ Слово пастыря: Бог и человек. История спасения: Беседы о православ. вере / Митр. Кирилл. 2-е изд. М.: Отд. внешних церков. связей Моск. Патриархата: Издат. совет Рус. Православ. Церкви, 2005.

на (Алфеева) «Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание»⁵⁰ – сразу вскрывает нам эту «идейную» последовательность в разборе главных топосов Патриарха Кирилла. Вот последовательность этих основных идей – топосов, выстроенная как в «Слове пастыря», так и в книге митрополита Илариона:

Вера – Бог и человек – Христос – Церковь – служение Церкви – Богослужение...⁵¹

Возможно, митрополит Иларион творчески повторяет начальную композицию «Слова пастыря»: **О вере – о Богопознании – о Божественном Откровении – о Священном Писании...**⁵²

Этот ряд развивается довольно широко, охватывая множество топосов-идей. Мы остановимся лишь на нескольких, попутно разбирая не только содержание текстов, но и композицию, и воплощение содержания в идиостиле через анализ лексики (отбор слов) и синтаксиса (строение предложений, фраз, целых абзацев, украшение речи с помощью фигур речи).

Вера и нравственность в словах и речах Патриарха Кирилла

Проанализируем, как выстраивается вступительная беседа «О вере» в «Слове пастыря» митрополита Кирилла (будущего Патриарха). Она начинается с рассказа об апостоле Фоме, «не поверившем» в явление Воскресшего Спасителя. Отметим поразительное умение Патриарха Кирилла ухватить «главный нерв» проблемы в понимании основного интереса аудитории, среди которой большинство, возможно, как раз и являются такими сомневающимися, подобными апостолу Фоме, о котором пойдет речь

⁵⁰ *Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо, 2010.

⁵¹ См.: там же. С. 6, 283–338.

⁵² См.: Слово пастыря... С. 6–20.

прежде, чем будет дано **определение** веры. Иначе говоря, велик соблазн начать монолог определением веры, но оратор митрополит Кирилл начинает разговор парадоксальным примером «неверующего» будущего апостола с комментарием, обращенным к слушателям его передачи:

«Это „не поверю“ люди произносят на протяжении всех времен, отделяющих нас от события Воскресения. Одни принимают весть о Воскресении с открытым сердцем и радостью, другие говорят: „Не верю. Ибо это не укладывается в моем сознании, не отвечает известной мне логике жизни. Не верю, потому что не могу проверить и не имею доказательств“».

Только после этого ставится вопрос:

«Что же такое вера?»

Следует ряд определений, последовательно раскрывающих существо веры с помощью авторитетных мнений апостола Павла, святителя митрополита Московского Филарета:

*«Апостол Павел отвечает на этот вопрос: „**Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**“» (Евр. 11: 1).*

*Выдающийся русский богослов XIX века святитель Московский Филарет говорит об этом так: „**Вера есть уверенность в невидимом как бы в видимом. А в желаемом и ожидаемом – как бы в настоящем**“».*

Эти непростые богословские определения получают в дальнейшем развитие через последовательное рассмотрение всех действий веры, выраженное в разных способах ее описания посредством разных топосов-аргументов. Спрашивается: разве оратор сознательно построил свою речь по «топическим» законам изобретения идей? Разве он специально начертил себе «сухой» план развития своего доказательства, предварительно ознакомившись в учебнике риторики с разными способами развития мысли? Вне сомнения, каждый образованный человек (им как раз и является хорошо подготовленный ритор), воспитанный всем речевым опытом своей жизни, книгами, которые он прочитал, примерами, которые наблюдал,

наконец, продумавший то, о чем будет говорить, использует способы доказательства и развития своей мысли как сознательно, теоретически строго, так и интуитивно, позволяя себе импровизации в строгом движении мысли. В этой последовательности читатель и слушатель уже должны как увидеть и услышать отдельные «части речи» (композиция), так и почувствовать стиль говорящего, выраженный в словах и конструкциях фраз.

Вот в какой последовательности развивается дальнейшее доказательство по топосам как способам развития мысли в пастырском монологе Патриарха Кирилла о вере (пространное цитирование позволит почувствовать и мысль, и последовательность «частей речи», и стиль говорящего):

- Топос – **сопоставление** с разумом и знанием: *«В своем «Катехизисе» святитель Московский Филарет замечает, что **вера начинается в разуме, хотя принадлежит сердцу**. Действительно, вера может быть основана на логическом мышлении...»*

- Топос **объекта** («во что верю») – название «идеи Бога»: *«Человек способен логически прийти к **идее Бога**, открыт для себя Творца, но это открытие еще не будет верой».*

- Следующий топос – топос **следствия**: ***Идея Бога, возникшая в сознании, должна вызвать перемену духа**, укорениться в душе человека не только на уровне разума, но и в сердце».*

- Вновь топос-**определение** и следующее за ним синонимическое **описание-пояснение**: ***«Вера и есть особое состояние души**. Она принадлежит внутренней духовной жизни человека, человеческому сердцу».*

Развитие содержания речи осуществляется на основании примышления – новой мысли, которую изобретает ритор с тем, чтобы продолжить свое повествование. В этом состоит некая тайна риторического изобретения мысли и аргументации. Вопрос Пушкина «Куда ж нам плыть?» адресуется каждому оратору или говорящему, ибо каждый свободен направить свою мысль в любом направлении. Ораторы, пожалуй, отличаются двумя крайностями

ми: одни имеют слишком много мыслей и сомневаются, куда же направить свое рассуждение, другие, напротив, не знают, ЧТО сказать, и затрудняются в поиске содержания. И вновь Пушкин подсказывает: «Блажен, кто словом твердо правит и держит мысль на привязи свою». Дисциплинированность мысли позволяет выстроить все последующее рассуждение. Вот как это выглядит схематично:

- Переход от «внутренней духовной жизни человека, человеческого сердца» к важнейшему понятию **религиозного чувства**.

- **Антитеза**: почему одни люди верят, а другие нет?

- Духовно-нравственные **условия**, при которых религиозное чувство может быть либо атрофировано (например, в условиях атеизма, когда доказательство веры находится в зависимости от успехов науки; сам атеист уподобляется Патриархом человеку с неразвитым музыкальным слухом, работающему в кузнице), либо же это чувство развивается и условиями являются **чистота ума, души и сердца**.

- **Свидетельство** как ссылка на авторитет: слова Исаака Сирина о том, что «вера требует чистого и простого образа мыслей».

- В заключении речи подводится итог с возвращением к «неверию Фомь»: *«Но Фома обрел веру в Воскресение Господа. И мы должны просить Бога помочь нам жить по Его правде: не творить нечестия, не обманывать людей, не строить своего благополучия на несчастье ближнего, не умножать зла, в которое и без того погружено общество»*.

Последние слова звучат как эмоциональный призыв: *«Будем молить Господа о том, чтобы через грех не повредить соприродное нашему естеству религиозное чувство и чтобы всегда пребывала в нас готовность уверовать»³⁵*.

---

³⁵ Удивительно, как в первой русской «Риторике» XVII века эти топосы, называемые «местами», находят последовательное описание в учебном диалоге, который показывает образец возможного рассуждения о вере. В таком описании человек, знако-

Конечно, данная беседа митрополита Кирилла не строилась специально по образцу классической риторической модели, но в ее разборе обнаруживаются все

мившийся с правилами риторики, начинал представлять предмет своей речи (например, вера) и композицию рассуждения о нем максимально полно и исчерпывающе. Приводим этот текст с небольшими современными упрощениями:

– Скажи образец простого вопроса. – Вера.

– Что знаменует слово веры? – Иногда знаменует историю или описание живота Христового, но у пророков и апостолов знаменует веру и надежду истинную, ея же ради произволяем по обещанию Божию.

– Что есть вера? – Вера есть произволение обетованию Божию, в нем же обещается нам милостив быти для Христа.

– Много ли есть частей веры? – О тех ни о единой невозможно есть сказать для того, что вера есть едина никоторое движение разума или мысли зряще на обещание, но разделяется то познание на разум и на волю, ими же и желает человек и принимает данное или обещанное добродейство и блаженство.

– Которые суть образцы (последствия, результаты) веры? – Вера иным образом описует обещания вещей телесных, иным же образом описует обещания милости и вечных благ.

Как о сем глаголет апостол: сеяи во плоть пожнет исление, сеяи же в дух пожнет нетление и живот.

– Которое есть дело, совершающее веру? – Дух святой и воля человеческая, произволяющая или сопротивляющаяся благу.

– Которое есть дело осудовое? – Есть слова обещания, его же ради совершенныя силы и есть дух святой, приводящий к делам добрым разум или волю человеческую.

– Которое есть поддание веры? – Разум или мысль или воля человеческая. * **единообразие.**

– Что есть в помышлении приятие? – Обещания вещей временных и вечных. * **сииречь благих или злых: вечный – совершение, живот телесный же – осуждение.**

– Что есть конец? – Живот вечный.

– Которыя суть совершенства веры? – Оправдание или присвоение правды и добродетели, смирение или покой, и радость совести, и любовь, яже к Богу, призывание святых и совершенное получение живота вечнаго.

топосы, которые свойственны традиционной хрии, и даже последовательность их расположения отчасти совпала с классической схемой ораторской речи. Действительно, здесь были и *определения* с описаниями, привлечением дополнительных синонимических идей, и *причина*, и *следствие*, и *сравнения*, и *антитеза* как борьба противоположных идей, и *примеры*, и ссылки на *авторитеты* (свидетельства), и даже классические начало (с приведением отрицательного примера) и заключение с возвращением к началу, выводами и призывом.

Однако было бы странно утверждать, что данная схема-план речи, которую мы восстановили, становится причиной риторического успеха (возможно, есть люди, которые аргументацию митрополита Кирилла не сочтут «успешной»). Причина успеха не только в способности развивать мысль и точно строить аргументацию речи, но прежде всего в **способности воплощать мысль в слове**, создавая особый **стиль речи**. Тайну этого воплощения мы можем только наблюдать и анализировать, констатируя факт наличия искусно выраженного и скроенного текста.

Таков переход от объяснения веры как особого состояния души к религиозному чувству. Кстати, этот переход устной речи, записью которой и являются большинство опубликованных речей Патриарха Кирилла, очень ясно выделяется произносительными средствами, среди которых главным является ПАУЗА – именно ее умеет «держат» Патриарх Кирилл как при выражении той или иной мысли, так и при переходе к новой теме. На письме этот переход выражен абзацем, а в самом тексте мы всегда ощутим логический акцент на новом понятии, о котором будет вестись рассуждение:

«Общепризнанным в богословии является утверждение о присутствии в каждом человеке религиозного чувства. Религиозное чувство присуще человеческой природе так же, как, к примеру, музыкальный слух. Этим чувством обладает каждый человек. Когда религиозное чувство в нем возгрето, когда оно

активно, то человек верует, когда же оно пребывает в бездействии – не верует».

Развитие мысли в этом доказательстве таково: называние темы (религиозное чувство) – сравнение (подобно музыкальному слуху) – закольцовывание – отраженный повтор мысли (как религиозным чувством, так и музыкальным слухом обладает каждый человек) – переход к конфликтной антитезе через описание действия этого чувства в разных людях (противопоставление «возгретого» чувства – «бездействующему» чувству при отсутствии веры). Данная схема останется никого не убеждающей «голой логикой», если не адресоваться к СТИЛЮ как выражению мыслей соответствующими средствами в словах, конструкции предложения и фразы, произношении. Поэтому сама конструкция рассуждения может остаться на уровне замысла (для этого в риторике существует термин ПАФОС), но требуется осуществление замысла как мыслительно-аргументативной конструкции в ЛОГОСЕ – словесно-стилистическом и эмоционально-энергетическом выражении.

В приведенном выше рассуждении это единство мысли-слова (пафоса-логоса) ясно выражено в построении фраз данного абзаца, которые обладают, с одной стороны, богатством и разнообразием книжно-научного стиля (*«Общепризнанным в богословии является утверждение о присутствии в каждом человеке религиозного чувства»*), с другой стороны, стремлением к простоте объяснения, выраженной в конструкции, поясняющей церковнославянское слово *возгрето*: *«Когда религиозное чувство в нем возгрето, когда оно активно, то человек верует, когда же оно пребывает в бездействии – не верует»*. В самой же антитезе дается не прямое противопоставление (ведь можно было бы сказать *когда оно не возгрето* или *когда оно не активно*), а создается антонимическое выражение в новом словесном оформлении: *когда оно пребывает в бездействии*.

Подобный стилистический анализ можно применить ко многим текстам как в «Слове пастыря», так и в пропо-

ведях Патриарха Кирилла с поиском именно ему прису- щих качеств образа ратора.

Проведенный разбор одной из пастырских бесед о вере показывает, как топос **веры** может быть соотнесен с разными топосами и темами для дальнейшего развития мысли (**Бог – религия – нравственность – добро – образ жизни – служение – свобода выбора – послушание Богу** и т. д.). И этот выбор, конечно, не произволен, а движение мысли в ту или иную сторону должно показать, каких идеалов придерживается ритор.

Выбор тем, затрагиваемых Патриархом Кириллом, столь велик, что представляется необозримым: кажется, что он как активный речедеятель говорит обо всем. Однако с очевидностью должно сказать, что каждый в его словах, речах и текстах находит свое – отсюда такое многообразие книг, а в книгах разделов, посвященных той или иной теме. Вот сборник «Церковь призывает к единству», в котором сам перечень разделов отражает основные темы выступлений Патриарха:

*Церковь и русский мир; Церковь и Святая Русь; Церковь и государство; Церковь и человек; Человек и Бог; Человек и семья; Церковь и молодежь; Образование и нравственность; Церковь и личность; Церковь, наука и прогресс; Церковь и культура*⁵⁴.

В центре книги оказывается Церковь, но обратим внимание на то, что рассуждение о задачах Церкви обнимает сразу целый ряд проблем. О каждой из них Патриарх Кирилл скажет тем самым «понятным и доступным языком», говорить которым призывает в осуществлении миссионерской задачи Церкви:

«Собственно говоря, перед Церковью постоянно стоит задача – делать веру понятной для людей, делать послание Христово всегда актуальным, для того, чтобы достигать целей, которые стоят сегодня, как и всегда стояли перед Церковью, –

⁵⁴ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010.

чтобы свет Христов просвещал вселенную, чтобы люди принимали христианскую веру сознательно и разумно, отдавая ей свой разум и свое сердце»³⁵.

Поставим вопрос, в котором затрагивается кардинально проблема всей нашей книги: что делает «слово убеждения», исходящее из уст Церкви (а убеждение, как сказано выше, есть цель риторики)?

«Почему Церковь так тщательно охраняет подлинную веру? Охраняет и словом убеждения, и любовью, и каноническими прещениями, ибо все еретики всегда отлучаемы от Церкви по Слову Божию: „Измните злого от вас самех“ (1 Кор. 5: 13)»?

Обратим внимание на то, как слово убеждения, любовь, канонические прещения (запреты) поставлены в один синонимический ряд. Значит, и слово убеждения невозможно без любви: в основании убеждения – любовь, а любовь сама «убеждает». Значит, и любовь предполагает наличие запретов, а запрет на определенные мысли, слова, поступки лежит в основании культуры.

«Да потому, что хранение истинной веры жизненно необходимо не только для Церкви, но и для всего человеческого рода – даже для тех, кто к Церкви не принадлежит, и даже для тех, кто принадлежит к другим религиям».

Риторические аргументы Патриарха Кирилла часто парадоксальны, потому что постоянно ставятся вопросы, которые не могут не удивлять и не заинтересовывать слушателя. Неожиданность поворотов его мысли пробуждает интерес слушателей:

«Кто-то может сказать: а при чем здесь неверующие люди, при чем здесь другие религии, при чем здесь такой разнообразный или, как теперь говорят, плюралистический мир? И многие хотят убедить нас (вот столкновение «риторик». – В. А.), что вера, которая пришла к нам от Господа через святых апостолов, – это лишь один вариант человеческой мысли, лишь одно из мно-

---

³⁵ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 7–8.

гих убеждений, которое ничем не отличается от других, и люди, будучи свободными и подкрепляя свою свободу законодательством и понятием человеческих прав, могут с легкостью выбирать любое убеждение, любой взгляд на жизнь, на историю. Таково сегодня господствующее мнение о человеческих убеждениях».

Риторика как «искусство убеждать» в свете сказанного Святейшим Патриархом оказывается не только технологическим искусством, которому можно научиться с целью руководства людьми, обществом, обладания властью и богатством, но прежде всего ставит вопрос о природе и сущности этих убеждений. Основание веры – в разуме человека, и Патриарх сначала осторожно, а затем решительно подводит слушателя и читателя к главным вопросам бытия, касающимся каждого человека:

«Но есть нечто особенное в христианской вере. Эта вера касается не только умозрительных истин в богословии – эта вера касается нашей жизни, нашего бытия; в этой вере содержатся истины, помогающие человеку не сбиться с жизненного курса».

Поскольку основной вопрос, стоящий перед каждым человеком – вопрос выбора между добром и злом, божественным и дьявольским, говорящий выбирает, с чего начать. Точность, разнообразие, привлекательность речи часто обеспечиваются тем, что сначала говорится о противоположном истине и лишь затем – об истинном. Это не прямое доказывание и пробуждает интерес как у сторонников, так и у противников идеи, потому что говорящий, оказывается, может поставить себя на место оппонентов и понять их точку зрения. При этом слушатель постоянно получает новую информацию, которая, возможно, и была ему известна, но таинственная сила слова, содержащаяся в **идиостиле** говорящего – индивидуальных особенностях речи, выборе слов и строении фраз (все, что с таким трудом поддается описанию!), неизменно держит внимание как слушателя (при восприятии энергетики, исходящей из произносимого слова Предстоятеля), так и читателя, знакомящегося с написанным текстом. Ниже приводится текст, в котором использованы стилистиче-

ские повторы, создающие фигуры речи, – одновременно важно фиксировать разнообразие и богатство слов и конструкций, которые не повторяются, но свидетельствуют о стилистическом богатстве речи.

«Одно из понятий, которые содержатся в греческом слове, соответствующем русскому слову „грех“, – это промах. Грех как промах: человек согрешающий сходит с правильного пути, промахивается мимо самой важной цели – цели своего бытия. Сохранение этого курса и обеспечивается верой апостольской, которая пришла к нам от воплотившегося Сына Божия. Господь спасает нас Своею благодатью и Своею истиной. Он спасает род человеческий обновлением того завета, который в глубокой древности люди заключили с Богом. Господь спасает нас, давая ясное понимание добра и зла, и пока вера Церкви хранит эту норму человеческой жизни, пока вера Церкви свидетельствует о том, что есть правда, а что ложь, что грех, а что святость, вместе с Церковью весь род человеческий сохраняет способность и возможность в условиях разномыслий, в условиях множественности взглядов и убеждений сохранять некую общую основу человеческого бытия».

Таков идиостиль Патриарха: от самого простого объяснения, что есть грех, он переходит к разъяснению сложнейших вопросов нравственного бытия – и делает это в распространенной речи, которая не производит впечатление излишества. В лингвистических разборах принято показывать **фигуры речи – конструкции фраз, способствующие украшению речи**, и, кажется, нет ничего проще, чем показать в приведенном абзаце **повторы** – лексические, синонимические, однородные члены предложения. Стилистическое мастерство ритора состоит в том, чтобы перемежать повторы, которые не добавляют новой информации, с богатством и разнообразием новых слов и выражений. Функция *повтора* – служить эмоциональности и экспрессивности речи при отсутствии новой информации, функция *разнообразия* слов и выражений – максимальное прояснение смысла речи и одновременно свидетельство ее богатства, владения ритором хорошим

литературным языком. В нашем случае мы видим, как мысль говорящего развивается в разворачивании доказательства, достигая кульминации к концу абзаца в распространенном сложном предложении. Так выстраивается **период речи**, называемый в античной риторике «**кругом**», поскольку оратор как бы возвышается, доходит до кульминации, а затем в конце периода опускается вниз, замыкая «круг» и ставя точку.

Между тем в приведенном примере сохраняется строгое следование основной теме речи: эта тема – **нравственная основа бытия**. Патриарх возвращается к ней вновь и вновь, уже с другой стороны, обратившись к новому топосу – топосу *времени*, связывая будущую историю человечества с сохранением нравственной основы бытия:

«Вот почему Церковь так настойчиво, порой даже жестко, охраняла и охраняет истинную веру. Верим, что эта великая миссия Церкви по спасению всего человеческого рода, по сохранению нравственной основы человеческого общежития будет продолжаться до скончания века. Если же когда-то в эсхатологической перспективе произойдет завершение человеческой истории и зло победит добро, то это произойдет только тогда, когда человечество полностью откажется от нравственной основы своего бытия и когда голос Церкви окажется неслышен, когда люди будут неспособны воспринимать Божественную истину».

Объем исследования не позволяет осветить весь спектр **идей** (в риторической терминологии – **общих мест**), которые затрагиваются Патриархом Кириллом в его выступлениях. Скажем лишь об одной из них – идее **нравственности** как основы бытия, без которой жизнь теряет смысл. Мы видим, что эта идея затрагивается Предстоятелем нашей Церкви регулярно как в проповедях, обращениях к «народу Божиему», так и в беседах с молодежью, интервью с журналистами.

Как «все имена суть имена Бога», так Патриарху Кириллу удастся связать идеи нравственности с самыми разными сторонами бытия и актуальными вопросами

современности. При обсуждении идеи нравственности он говорит:

(О базисных ценностях) *«Подлинная жизнь человека во все времена опиралась на базисные ценности... Но базис – это не производительные силы. Никогда идея экономических ценностей не может стать национальной идеей, это нонсенс. ...Вера, как и нравственность, прежде всего принадлежит к этим базисным ценностям».*

(О правах и свободах) *«Права и свободы должны реализовываться в системе нравственных координат и непременно должны быть связаны с моральной ответственностью».*

Если не будет нравственного воздействия общества... то прекрасные идеалы прав и свобод человека обернутся страшной язвой».

(О причинах революции) *«Трагедия революции была результатом нравственного упадка элит и неспособности народа сопротивляться искушениям».*

(О главном в истории Святой Руси) *«Святая Русь – это духовно-нравственный идеал, который включал в себя главенство духовного над материальным... Духовный идеал в сознании допетровской Руси всегда значил несравнимо больше, чем политические цели».*

(О судьбах интеллигенции) *«Религиозный и нравственный нигилизм, который с чужого голоса усвоила русская интеллигенция, усугубил разделение общества. Интеллигенция, оторванная от национальных корней и заблудившаяся в своих исканиях, утратившая понятие о духе и духовной жизни, но исполненная лжемессианской гордыни, стала главным разрушителем традиционных идеалов».*

(О возрождении национального самосознания) *«Возвращение в нашу жизнь христианского нравственного идеала есть непременное условие возрождения и национального самосознания... духовное возрождение есть условие выживания нашего общества».*

Святейший Патриарх дает и ясное определение нравственности, исходя из категорий добра и зла:

«Итак, нравственность есть способность отличать добро от зла, использовать Богом данную

свободу для ориентации личности в сторону правды и добра».

Таким образом, исходя из того или иного топоса, у ритора имеется возможность затрагивать множество вопросов, тем, идей, но выбор этих тем и их аргументационная связь между собой не произвольны – эти тематика и аргументация теоцентричны, т. е. в центре всего находятся Бог и Божья правда, как в известном рисунке «круга», центром которого является Господь Бог, а остальное либо удалено, либо приближено к Нему. Но лучами Божьего света утеплены и возгреты все и всё, кто и что к Нему обращено.

**Слово о любви как основе бытия:
разбор содержания – композиции – стиля**

Возвращаясь к проблеме образа ритора как совокупности всех компонентов акта ораторской речи (замысла, содержания, композиции, выбора слов, их соединения, произношения, эмоционального воздействия), обратимся к разбору еще одной из проповедей Святейшего Патриарха Кирилла как Предстоятеля Русской Православной Церкви на всей территории русских православных земель, произнесенной в Киево-Печерской лавре 28 июля 2009 года, в день памяти святого равноапостольного князя Владимира. Анализ речи невозможно вести без одновременного комментария как содержания, так и композиции, фиксации как основных слов – тематических центров речи, так и способов их соединения в фигуры речи. Одновременно необходимо отследить и воспринять общий облик речи как некой целостной конструкции с основной идеей и ясными выводами из нее.

Традиционное начало проповеднической речи с обращением к цитируемым словам апостольского послания вовсе не отрицает новизны воспринимаемого содержания. Таков принцип культуры и ее творческого применения в деятельности хорошего ритора: подлин-

но новое может рождаться только на основе культурной традиции – перефразируя известные поэтические строки Н. А. Заболоцкого: «Ей (душе)... так безмерно ново, так живо все, что для иных мертво...» Так, согласно традициям и принципам гомилетической речи, каждый раз новыми становятся обращенные к нам слова – как правило, они избираются из Евангелия или из апостольских посланий:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

„Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа“ (Гал. 1: 11–12). Мы только что слышали эти замечательные слова апостола Павла; он адресовал их древним галатам, но через них – всему миру, утверждая великую истину, что Евангелие не есть плод человеческой мудрости, но Божественное Откровение, то есть Слово Самого Бога».

Далее следует обращение к основной теме – предмету праздника. Очевидна связь с приведенными выше словами апостола.

«Мы празднуем сегодня день памяти святого крестителя Руси равноапостольного князя Владимира. И неслучайно эти апостольские слова Церковь предлагает нам в дни памяти равноапостольных мужей и жен. Святой князь Владимир жизнью своей явил правоту этих слов».

Начало коллизии-«зацепки», которая всегда присутствует в словах и речах Патриарха Кирилла: чтобы вывести к «свету», Святейший Патриарх обозначает «тьму», в которой пребывал или пребывает человек:

«Кем был Владимир до принятия крещения? Слостолюбивым, жестоким правителем. Он был причиной гибели многих невинных людей. Жажда власти, денег и наслаждений была главной целью его жизни, как она была целью жизни и других тогдашних правителей. Потому и войны велись, и земли захватывались – чтобы было больше власти, чтобы было больше возможностей повелевать другими».

Стиль начальных абзацев речи Патриарха краток, коллоны – небольшие, это параллельные конструкции. Оратор

как бы «берет разбег», готовится к будущему пространному и эмоциональному расширению речи. Как это часто бывает в речи Патриарха Кирилла, он начинает задавать риторические вопросы и вопросы готовят будущие ответы.

Риторические вопросы в речи Патриарха Кирилла – особый прием. Он часто их использует, готовясь к ответу. Это может быть серия вопросов, и те, кто хочет учиться риторике, публичным выступлениям, могут наблюдать, как риторический вопрос – эта фигура речи, казалось бы излишняя с точки зрения передачи информации, – становится весьма необходимой для передачи мысли, намерения, объяснения, нужного говорящему:

«А что произошло после того, как в крещальные воды погрузился князь Владимир? Его жизнь изменилась. Он не стал более жестким, злым, сластолюбивым правителем – он стал правителем, которого народ в умилении и радости сердечной называл Красное Солнышко».

Мягкость интонации, объяснения, уточнения – все подводит к тому, чтобы вести к главной идее речи. Вновь звучат риторические вопросы – и даже кажется, что они синонимичны уже звучавшему вопросу. Но эти вопросы нужны, потому что мысль уточняется: после того, как выразительно было сказано, что же произошло и каким человеком стал князь Владимир, следует новая ступень: от конкретного к общему – обсуждению базисных ценностей – причины этих «изменений»:

«Что же произошло с этим человеком? Почему он те ясные и понятные цели и ценности, которые исповедовал как правитель государства, изменил на другие цели и жизненные ценности? Потому что с Крещением он в свой разум и в свое сердце принял Христа; вместе с Крещением принял новую систему ценностей, столь радикально отличающуюся от того, чем жил, во что верил, ради чего боролся до того».

И вот новая ступень, новое восхождение – теперь уже к главному: эти «жизненные ценности» надо назвать, и это будет кульминационное слово всей речи, потому что Евангельское слово, «удивляющее», до сих пор не всем

понятное, – любовь. Путь к этому восхождению, подготовка к нему вновь готовится в риторических вопросах, еще более пространных, чем предыдущие, но так и должна готовиться эта самая трудная и удивляющая всех ступень:

«А что же лежит в основе этой системы ценностей, которой святой Владимир отдал разум, душу и жизнь, ибо желал, чтобы вслед за ним весь народ приобщился к этой системе ценностей? Это Евангельское слово, а в центре этого слова – то, что до сих пор людям трудно понять; то, что не перестает удивлять каждое последующее поколение людей своей новизной и притягательной силой. В центре Евангельского послания – одно и самое главное слово: любовь. Любовь как основа бытия, любовь как основа личной и семейной жизни, любовь как основа жизни общественной и даже государственной».

(Именно в этот момент, когда, как кажется, сказано главное и необходимо только развернуть описание темы, Патриарх Кирилл показывает препятствия на пути решения проблемы. Оказывается, очевидное всем может быть непонятно или использоваться в ложных целях. Можно назвать этот прием рассуждения **антитезой** или **противопоставлением**, но ясно, что именно так должен поддерживаться неослабевающий интерес слушателей.)

«Эти слова остаются непонятными для многих людей – гораздо понятнее власть, деньги и могущество. Под эти цели можно сверстать любую политическую программу, можно вдохновить людей на борьбу, даже на войну, потому что в каждом сидит этот бес – стремление быть богатым, сильным, могущественным».

И вновь мы видим, как Патриарх Кирилл задает риторические вопросы с тем, чтобы обозначить парадоксальность и неожиданность для простого обывательского ума тех ценностей, которые утверждает православная вера. Эта парадоксальность связана со «словами не человеческими», а с «Божественной мудростью», она вселяет силу в верующего человека:

«Что же такое любовь, которую проповедует Христос? Как можно возлюбить ближнего, как можно возлюбить даже

врага? Этот вопрос, уже будучи верующими людьми, мы задаем себе, сознавая, что нет любви в сердце к другому человеку, а тем более к врагу. Что же означают эти слова Господа? Ведь это слова не человеческие, не мудрость поколений, не мудрость народов или всего человечества – это Божественная мудрость. Понятна она людям или непонятна, способны люди следовать этой мудрости или не способны – от этого слово Божие не перестает оставаться Божиим словом и Божественной истиной, вечной и неизменной. И сила верующего человека в том, что, даже не осознавая в полной мере Божественную истину умом своим и опытом жизни, он преклоняет перед нею колена ума и сердца своего в послушании слову Божию.

*Божественная истина становится понятной через внутренний, религиозный опыт человека, и этот опыт помогает нам понять то, что Бог во Христе, Сыне Своем, совершил ради нашего спасения. Господь пришел и пострадал ради того, чтобы люди имели жизнь, и жизнь с избытком, как мы слышали только что в Евангелии от Иоанна (Ин. 10: 10), чтобы эта полнота человеческого бытия не прекратилась со смертью, но перешла в вечность. Господь ради этого пришел и отдал Себя, Свою жизнь, на поругание человеческой злобе, зависти, гневу и нечистоте. Он сделал это, движимый любовью к людям, к творению Своему, и через этот пример Самого Господа мы можем понять, **что есть любовь, – любовь есть в первую очередь способность отдать себя другим. Готовность отдать себя и часть своей жизни, времени, заботы, денег, человеческого тепла и участия другому и есть проявление любви – не красивые слова, а способность разделять с другим свою жизнь».***

Далее, как это было и в предыдущих речах, – для нас тайна: специальный ли это прием или нет, – Предстоятель Церкви обращается к **примерам** – сначала общим, касающимся жизни в семье, и вновь примеры будут вовсе не положительные, а скорее отрицательные, потому что «на ошибках учимся» и, описав «зло», легче продемонстрировать благо. С точки зрения изобретательности мысли и стиля речи – мы видим, как «нагромождаются» приме-

ры, следующие один за другим: примеры отношений супругов сменяются описанием отношений поколений друг к другу. Это нужно будет, чтобы перейти к следующей проблеме – и в этом изобретательность риторика – проблеме **разделения** людей, ибо **любовь – в единстве**.

«Богу было угодно, чтобы именно эта человеческая способность разделять свою жизнь с другими легла в основу человеческого бытия, в основу самого главного закона, по которому только и должна устраиваться личная, семейная и общественная жизнь. Каждый из нас на опыте знает, что это такое. Когда семья крепка? Тогда, когда муж отдает себя жене и семье, а жена отдает себя мужу и детям. Попробуйте перестать отдавать себя другому – семья сразу ощущает страшное холодное дуновение ветра. Исчезает доверие, появляется подозрительность: а почему он или она поступили так, что за этим скрывается? Может быть, он или она меня больше не любит? Мы знаем, как разваливаются семьи только потому, что супруги перестали отдавать себя друг другу, заботиться друг о друге, жизнь другого воспринимать как свою собственную жизнь. А разве не в этом кроется проблема отцов и детей, проблема поколений? Ведь она вырастает из недосказанности, из того, что не выражена была до конца родительская любовь, из того, что родители не получили любви своих детей. И разрывается преемственность, разрывается историческая связь поколений».

Начинается «работа» со следующим топосом – топосом **разделения**, противоположным топосу **единства**:

«А что происходит в обществах, когда исчезает закон любви, когда начинается борьба за свои частные интересы – политические, экономические, национальные, классовые или социальные, когда эти интересы и ценности становятся самыми главными? Идет борьба не на жизнь, а на смерть, и разрушается ткань человеческого общения, а там, где должна была быть взаимная поддержка, любовь, солидарность, гармония, появляются человеческий хаос и беспорядок под лозунгами построения счастливой жизни».

Парадоксальность следующего суждения должна слушателя удивить своей необычностью: оказывается,

именно лозунги и призывы к счастливой жизни приводят к бедам и разделением, а они – к разрушениям и гибели. И все это – следствие жизни без Бога и без любви:

«Беды и разделения народа всегда происходят от лозунгов, которые призывают нас к счастливой жизни. Не кровью ли умылся наш народ, когда в страшные годы революции соблазнился этими лозунгами и поверил, что можно построить счастливую, процветающую, мирную жизнь без Бога и без любви? Миллионы людей погибли, а эта мечта не была осуществлена. Ей не дано было осуществиться, потому что в основе этого политического мечтания были злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью.

Церковь призвана быть тем местом, где люди обретают опыт любви и опыт единства. Там, где есть разделение, нет любви. И как лицемерно и ужасно, когда в Церкви происходит разделение во имя неких «высших» целей! Это разделение является самым ужасным, что может быть в жизни христианина, – отсутствие любви. Какая же тогда может быть проповедь любви, где же Христос, если ради частных интересов, так или иначе понимаемых целей и задач мирского устройства, разрушается основа человеческого бытия, разрушается и попирается человеческой злобой любовь? Это извращение христианского послания, это отказ от Евангелия, которое есть не человеческое, но Божественное откровение. Это отказ от Евангелия с его вечной системой ценностей, далеких от наших суетных устремлений.

Церковь провозглашает и ближним, и дальним, и всему миру: нет другого пути для развития мира и человеческой цивилизации, для развития любого человеческого общества, кроме закона любви и происходящей из любви солидарности, взаимной поддержки, гармонии и мира».

И вновь возвращение к началу – Киевской купели, к тому, с чего начиналось «слово»:

«Всему этому мы научены от Киевской купели, от святого князя Владимира. Здесь, на берегу Днепра, в древних стенах Киево-Печерской лавры, особенно ярко и сильно представляется нашему сознанию образ великого князя. Он не только телесную,

но и душевную слепоту сбросил, выходя из купели крещения. Он прозрел тайну человеческого бытия и счастья, он отказался от жестокости и властолюбия, от всего того, что еще недавно грело его душу и вдохновляло его поступки. Князь Владимир в этот момент переосмыслил всю жизнь и дал нам великий завет любви и единства.

Именно в этих стенах мы особенно сильно переживаем значение этой заповеди святого князя Владимира, церковного единства и жизни по закону любви».

Вывод – эмоциональный призыв, включающий обобщение всех высказанных тем: любви к ближнему и врагам, темы кроткой личности «вышедшего из купели крещения Киевского князя Владимира».

«Мы будем молиться святому равноапостольному князю Владимиру о даровании нам силы любить ближнего – мужа, жену, брата, сестру, детей, коллег по работе. Пусть он даст нам силу любить врагов и доказать опытом своей жизни, что не искаженное злобой лицо, проповедующее ту или иную человеческую истину, но кроткий лик вышедшего из купели крещения Киевского князя Владимира является идеалом Святой Руси. И этот идеал непобедим и непреодолим, ибо он есть слово Божие, а не человеческое. Аминь».

Как и полагается в традициях праздничной речи, оратор своими благопожеланиями как бы формирует будущее, ибо его слова выстраивают модель нашего будущего поведения: силу любить ближнего, силу любить врагов в подражание «кроткому лику» князя Владимира, в уверенности в том, что «этот идеал непобедим и непреодолим, ибо он есть Слово Божие».

* * *

Сделанное описание не может удовлетворить строгому требованию полноты обзора и глубины осмысления всех сторон словесной деятельности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. У читателя наверняка имеются свои размышления и суждения относительно того «образа оратора» (а ведь это и «образ Божий»), в котором

так убедительно, любовно и твердо управляет своей «словесной паствой» нынешний Святейший Патриарх.

Первообраз пастырского служения нам являет сам Христос: «Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец» (Ин. 10: 14). Конечно, слово человеческое не может сравниться со Словом Божиим, и об этом Святейший Патриарх Кирилл говорил неоднократно. Но «слово человеческое подобно Слову Божию» (св. Игнатий Брянчанинов): слабое, оно и в «немощи» может являть силу Божию; тихое, оно, будто колокол, способно будить все лучшее в человеке; неразумное, оно может просветляться Божественной мудростью, и тогда мы обретаем способность «знать» Того, Кто «знает» нас, и того из нас, кто «полагает жизнь» за народ Божий.

Жанры публичных выступлений Патриарха Кирилла

Риторика и жанры русской словесности

Любая эпоха переживается, понимается и удерживается в памяти благодаря образцовым текстам. У них есть творец – говорящая личность. И тексты эти не существуют раздельно, а только в едином культурном пространстве, одним присущ национальный колорит, другим – современный ракурс западного образца. Культурная говорящая личность бережно хранит сокровищницу высказываний прежних исторических периодов. Меняется жизнь, говорящая личность, тексты-дискурсы, рассеянные по столетиям и пространствам, но новое может зародиться только на текстовых границах предыдущих эпох. Беспрепятственное течение речи свидетельствует о продолжении жизни на земле и ее обновлении, о даре общения, пересечении текстов-дискурсов, об их интертекстуальном резонансе, а возвращение к прежним речевым образцам – тоже животворящий и бесценный дар. Единый речевой мир многолик и бесценен. Вместе с тем главным вопросом при исследовании устной публичной речи является вопрос о том, что такое риторика.

Термин «риторика», как известно, никогда не понимался однозначно и приписывался разным научным направлениям. Доказательства филологической природы риторической науки представлены и в нашей главе. «Облик современной риторики определяется в филологической науке неоднозначно. Ключевые понятия

(ритор-оратор-автор риторики; жанр – жанровая форма; текст-дискурс и др.) получают разную интерпретацию и оценку, подвергается критике творческое риторическое наследие. Очевидно, что классическая риторика не менее противоречива, поскольку две разные ее эпохи свидетельствуют о существовании и развитии двух различных риторических традиций или разных пониманий риторики. При этом основанием первой традиции объявляется убеждение (Аристотель, Цицерон), а главной задачей второй традиции становится искусство красноречия (Квинтилиан), «красивость выражения отныне становится высшим мериллом, а позднее и самоцелью риторической практики»¹. Важно подчеркнуть, что данные риторические традиции последовательно сменяли друг друга или уступали место друг другу в разные исторические эпохи в связи со сменой стиля политической жизни, а значит, стиля общественных отношений и стиля речи. Так, советская эпоха отдает предпочтение второй риторической традиции как в риторике (игнорирование теории аргументации и топосов, или избрание одного-двух видов аргументов, и исследование теории тропов и фигур речи), так и в ораторике (предпочтение стилистической формы в ущерб содержанию, ориентация на текст-образец).

Царство риторики как филологической науки во временных пределах разных столетий наступает всякий раз после естественных и экономических правлений с их экспериментами и конфликтами и более или менее успешным их разрешением. Столкновение противоположных мнений в понимании риторики приходится переживать и ученым-теоретикам. Предмет этой науки широк и определяется не столько интеллектуальными установками ученых, сколько всем спектром духовных и материальных устремлений человека. Изучив грамматику, мы

---

¹ Авелличев А. К. Вступительная статья // Общая риторика / Ж. Дюбуа и др. М., 1986. С. 8.

говорим правильно, не нарушая законы языка, изучив риторику, мы научаемся говорить искусно и убедительно. Риторика по своему характеру индивидуальна. Каждый говорящий публично выстраивает свой образ риторического действия, порождающий новый стиль речи, а порой и новый стиль общественной мысли, который создается не столько философами, сколько выдающимися риториками. Новизна есть главное отличие риторики от других филологических наук (по Ю. В. Рождественскому, риторике свойственна новизна, грамматике – правильность, стилистике – привлекательность)².

Риторика понимается нами как наука о законах порождения высказывания и способах убеждения, о законах понимания, толкования высказывания реципиентом, поскольку высказывание состоится лишь при условии обратной связи между ритором и реципиентом. Таким образом, главная задача риторики – порождение высказывания – осуществляется в двух аспектах – риторическом через *убеждение* и герменевтическом через *понимание*. В связи с этим самыми значимыми понятиями риторики становятся риторический канон (1. *inventio*, 2. *dispositio*, 3. *elocutio*, 4. *memoria*, 5. *actio*), а в нем топика, или изобретение мыслей, и аргументация речи. Строго говоря, риторика – наука изобретать, располагать и выражать мысли. Каждая из национальных риторик, базируясь на древнегреческой античной науке, изобретает свои риторические учения (риторика), воспитывает своих риториков (ораторика) и образует свое риторическое пространство, которое, помимо науки и публичных речей, создает новые смыслы, тем самым преобразуя общественные отношения в целом. И здесь ведущую роль играет

---

² *Рождественский Ю. В.* О термине «риторика» // Специализированный проблемный журнал. 1995. № 1. С. 7–8. См. также анализ этих понятий в кн: *Чистякова И. Ю.* Русская политическая ораторика. Этнос ритора: Монография. Germany: LAP Lambert, Academic Publishing GmbH & Co, 2012. С. 7.

образцовая говорящая личность. Вместе с тем следует сказать и о трехмерности риторического пространства, ибо вся риторика построена на системе триад. Это и универсальный характер образования (*trivium* – лат. трехпутье), включающий в себя обязательное обучение 1. грамматике, 2. диалектике и 3. риторике; и сама устная публичная речь, представленная 1. монологом, 2. диалогом, 3. полилогом; и учение А. К. Михальской о русском риторическом идеале, в котором сочетаются в гармоническом единстве 1. мысль, устремленность к истине, 2. этическая задача как нравственная устремленность к добру и правде, 3. красота как целесообразность речи и строгая гармония³. Существенно, что истина, добро и красота как гармоничное сочетание этики (нравственности) и эстетики слова и дела являются главными концептами христианской православной культуры. Русский ритор должен говорить о том, что его волнует, ради того, что любит и во что верит. Следующей риторической триадой может быть названо единство компонентов, составляющих категорию **образ оратора (ритора)**: 1. этос (этические основания и условия, обстоятельства речи), 2. пафос (замысел речи) и 3. логос (словесное воплощение пафоса речи). Вершинной риторической триадой можно назвать взаимодействие 1. ритора, 2. речи и 3. аудитории (реципиента), ибо «речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается...»⁴.

Продолжая рассуждения о родах словесности, напомним, что, по убеждению Аристотеля, если существует три рода речей, то и существует столько же родов слушателей.

Реципиент служит целью речи, и в этом смысле герменевтика дополняет риторику. Реципиент становится

³ Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Academia, 1996. С. 4.

⁴ Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. С. 99.

соавтором публичного монолога. Совещательная риторика требует от слушателя сотворчества. Осмысление текста аудиторией приводит к новым публичным высказываниям и определенным действиям за границами риторической ситуации.

Научиться порождать, изобретать образцовые речи можно, ориентируясь на классические образцы, находить оригинальные удачные высказывания, подражать им, трансформируя отдельные элементы композиции, риторические и стилистические приемы под актуальную ситуацию общения, оттачивать собственный стиль и накапливать опыт «речевых сражений» – наипервейшая задача говорящей личности. *Imitatio* порождает творчество, а значит, искусство. Существенно и то, что в нашем сознании и подсознании такие речевые образцы остаются в виде готовых формул, текстовых фрагментов. Изначальная уникальность этих речевых формул и текстовых фрагментов обеспечивает в дальнейшем в нужной риторической ситуации порождение новых оригинальных высказываний, часто по аналогии с предыдущими, которые соответствуют намерениям говорящего в данный момент, «здесь и сейчас», и создают условия для творческого успеха и удовлетворения словом.

Похвальное слово является одним из классических жанров эпидейктической ораторики. К примеру, «Похвальное слово» Гермогена, имеющее оригинальную композицию: 1. чудесные события при рождении, 2. воспитание, 3. образование, 4. природа души, 5. свойства тела, 6. занятия и деяния. Или знаменитый панегирик Исократы – речь, написанная к олимпийскому празднику 333 года. Это классический пример симбиоза эпидейктической и совещательной речей. Безусловно, это эпидейксис, так как, во-первых, это речь по случаю праздника, во-вторых, главная тема ее – прославление Афин, в-третьих, в ней много оценок, однако политические мотивы в ней также сильны. Это прежде всего призыв к освобождению ионийских городов от персидского владычества. «Об эстетической

направленности эпидейктических жанров писал Р. Барт, определявший цель риторики как красоту: „Уже в Античности к двум открыто функциональным жанрам красноречия, судебному и политическому, очень рано прибавился третий, эпидейктический, – жанр торжественной речи, имеющей целью вызвать у слушателей восхищение (а не убедить их в чем-либо); независимо от ритуальных правил его употребления, будь то восхваление героя или надгробное слово, в нем содержалась в зародыше сама идея эстетической целенаправленности языка“⁵. «Похвальное слово» Гермодена не было единственным классическим образцом. Позже появилась «Похвала мухе» Лукиана, «Похвала глупости» Э. Роттердамского, а в Новейшее время – «Похвала скуке» И. Бродского.

Памятуя о том, что объектом исследования риторики является устная публичная речь, подчеркнем роль ораторики, порождающей всего три рода речей: 1. совещательный с входящими в него политическими, дипломатическими и военными публичными выступлениями; 2. судебный (обвинительный и оправдательный монологи) и 3. эпидейктический род с его множеством жанров – поздравительная речь, юбилейная речь, торжественная речь, тост, адрес, благодарственная речь, ответное слово, речь на презентации, выступление по случаю памятных дат, знаменательных событий, праздников, ритуальная речь, похвальное слово. Гомилетика включает в себя учающие, назидательные речи – церковные (проповедь, слово на Соборе и др.), учебные и академические. Стоит обратить внимание и на то, что речевая деятельность может быть созидательной и разрушительной. При этом созидательная речевая деятельность формирует три типа речевых действий – 1. красноречие, 2. ораторское искусство, 3. диалектику, а разрушительная – 1. демагогию, 2. эристику, 3. софистику. Очевидно, что главными про-

---

⁵ Цит. по: Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика... С. 53–54.

тивоборствующими типами здесь становятся *диалектика* как характеристика греческой и русской православной речевой культуры и *софистика*, возникшая еще в эпоху Античности и в новых условиях порожденная американской цивилизацией.

Попытка построения системы риторических триад приводит наши рассуждения к главной проблеме – риторическому канону. Как известно, канон имеет пятичастную структуру (1. *inventio*, 2. *dispositio*, 3. *elocutio*, 4. *memoria*, 5. *actio*), однако, строго говоря, сам текст как материальная данность завершается уже на третьем этапе данного терминологического ряда. Не вызывает никакого сомнения, что риторическую схему: что? где? как? – в связи с созданием текста можно считать завершенной. Итак, за пределами этой схемы остаются *memoria* и *actio*. Традиционно память еще в классическое античное время трактовалась как творчески осмысленное глубинное понимание текста, его переживание, настрой души.

Какие же секреты работы над памятью предлагает нам риторическое учение? Например, хрестоматийное упоминание о следующем историческом факте: Цицерон заучивал речи, мысленно гуляя по своему дому. Вступление ассоциировалось с входной дверью, тезис речи – с прихожей, другие части – с комнатами дома, менее значимые положения он связывал с различными предметами интерьера. Внимание, сила воображения, умение отбирать, систематизировать и воспроизводить идеи способствовали рождению образцовых речей великого ритора классической эпохи. Цицерон восхвалял память Симонида, Феодекта, Киния, Гортензия и даже писал о памяти простых людей, об их умении и искусстве запоминать. Очевидно, что этому искусству следует учиться у актеров, декламаторов, чтецов, театральных деятелей и хороших рассказчиков, каким был И. Л. Андроников. Он много выступал в концертных залах, театрах, консерватории, на телевидении, блестяще произносил многочасовые монологи без всяких «бумажных» подсказок. Живой интерес обра-

зованной части общества вызывает телепередача «Линия жизни» на канале «Культура», когда в центре этого почти театрального действия оказываются Е. Вестник, В. Лановой, М. Ножкин, Т. Доронина, А. Баталов, В. Баринов, В. Зельдин – риторы, проповедующие духовные ценности, каждый со своим индивидуальным образцовым стилем и способностью диалектически мыслить, много и блестяще читать наизусть русскую и зарубежную классику.

Как видно из трудов Ю. В. Рождественского, В. И. Аннушкина и других исследователей, стиль жизни формируется стилем речи, а следовательно, риторика и философия должны рассматриваться как первейшие источники становления стиля жизни общества. Риторическое искусство начиная с классического времени является важнейшей предпосылкой успеха в обществе. Совершенствованию человека через слово учит риторика.

В каждом научном направлении есть категории, без которых не создается ни одно из солидных учений. В филологии к таким категориальным понятиям относятся текст и жанр. Текст без жанра не существует, ибо жанр есть форма выражения содержания. Подтверждением тому служит высказывание А. А. Волкова: «Культура общества содержит исторически сложившуюся систему родов, видов, жанров и жанровых форм словесности. Такие жанры словесности, как исторический роман, похвальная речь, используются в определенных уместных ситуациях и допускают также определенные формы строения и аргументации: в русской застольной речи говорится о несколько ином и иным образом, чем в грузинской, а итальянская речь в суде строится иначе, чем французская. Эффективность и влияние аргументации определяются уместностью использования жанра настолько же, насколько строением аргументов и лексико-семантической системой языка»⁶.

---

⁶ Волков А. А. Теория риторической аргументации. М.: Добросвет: Издательство «КДУ», 2013. С. 26.

В наше время существует мнение, которого придерживается ряд филологов, что все тексты необходимо дифференцировать по принадлежности к определенному функциональному стилю. Так, некоторые из ученых выделяют ораторский стиль, не входящий в классическую классификацию функциональных стилей, другие – устные публичные речи относят к публицистическому стилю, что, на наш взгляд, в корне неверно, поскольку тексты публицистического, газетно-журнального стиля имеют письменную, печатную манифестацию, а ораторские выступления – устную. Учение о функциональных стилях, признаваемое даже академиком В. В. Виноградовым несовершенным, уступает ведущее место в филологии другому фундаментальному учению – о родах, видах и жанрах русской словесности.

Деление устной словесности на роды и виды прослеживается с самых древних эпох, когда возникла необходимость различения основных форм проявления говорящей личности во всех возможных ситуациях устного общения. Среди пяти родов речи, выделенных и описанных Платоном, три относятся к совещательной ораторике: политическая речь – в народном собрании; риторическая, когда говорят ораторы, и диалектическая, когда ведут беседу в форме вопросов и ответов⁷. Но если это так, то возникает вопрос, почему к политическим речам Платон относит лишь речь, произнесенную в народном собрании, и что имеет в виду ученый под риторической речью. Ведь ораторы либо произносят речи с конкретным политическим содержанием, либо в своих речах касаются политики. Вероятно, что под диалектической речью Платон имел в виду беседы в форме вопросов и ответов, устные диалоги на городской площади, которые позже изжили себя и стали политическими диалогами в парламенте. Кроме того, речь нравственного политика должна

---

⁷ См.: *Гаспаров Б. М.* Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. С. 230.

быть диалектической, т. е. речью с логическими доводами в споре, приводящими к истине.

В этом отношении заслуживают особого внимания три рода риторических речей, описанные Аристотелем по месту, времени и цели каждой речи – совещательной, судебной или эпидейктической. Совещательная речь рассматривается Аристотелем как речь политическая, имеющая целью обсуждение общественного блага. Подход Аристотеля к риторическому роду наводит на мысль о том, что обстоятельства речи (время, место) и слушатель как конечная цель любой речи являются первейшими и определяющими признаками жанра.

Обратим внимание на то, что Цицероном выделен и описан лишь один вид политической ораторики – выступление на форуме. Все остальные виды относятся к судебным или хвалебным речам. В исследованиях Квинтилиана мы встречаем три рода риторических речей: 1. судебные, 2. доказательные (или судебные и надгробные) и 3. рассудительные, т. е. речи в сенате и народном собрании. Нас интересует последний из перечисленных риторических родов. Рассудительный – разбирательный, советовательный род имеет цель советовать, а реципиент примет совет, если оратор зарекомендовал себя как нравственная личность. Как известно, совет есть побуждение к действию. В связи с таким толкованием этого слова определенную значимость приобретает и подход Амвросия Серебрянникова, впервые разработавшего и систематизировавшего жанры государственно-политических речей. Так, среди прочих жанров «придворного» стиля Амвросий описывает жанры побудительных и миротворительных речей – манифесты о войне и мире, договоры, речи посланников, правительственная информация и проч.⁸ Следовательно, целью политических речей Амвросий Серебрянников считал побуждение к благому действию. Нетрудно заме-

---

⁸ См.: Граудина А. К. Теория и практика русского красноречия. М.: Наука, 1989. С. 72.

титель, что жанрово-ситуативные формы речи А. Серебренников выделял в зависимости от места их произнесения. Думается, что фигура Амвросия Серебренникова вообще недостаточно оценена нашей наукой. Дело в том, что именно Амвросий Серебренников развил теорию жанров XVIII века, обращаясь по преимуществу к ораторским речам. Именно Амвросий назвал свой труд «Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» (1778).

Очевидно, что частная риторика как наука о родах и видах словесности практически не разрабатывалась в греческий и римский периоды. Деление риторики на общую и частную – порождение русской риторической традиции. В «Частной реторике» Н. Ф. Кошанского в главе «Повествование» рассматривается особый вид красноречия – «разговоры» (философские разговоры, драматические разговоры, разговоры в Царстве мертвых и др., но не бытовой диалог). В «разговоре» по сравнению с другими видами прозаических сочинений «больше живости, убеждений и разнообразия»⁹. В сочинениях А. И. Галича, другого учителя риторики и словесности в Царскосельском лицее, находим следующие виды речи: 1. монологи, 2. разговоры, 3. письма, 4. деловые бумаги, 5. исторические сочинения, 6. сочинения поучительные, 7. ораторские речи¹⁰. Дело в том, что в трудах ученых XIX века мы обнаруживаем более обстоятельную теорию видов речи по сравнению с предыдущими эпохами. Многообразие форм публичной речи не привлекало внимания русских

⁹ Кошанский Н. Ф. Частная реторика. СПб., 1832. Цит. по переизданию: Кошанский Н. Ф. Риторика / Издание подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 176.

¹⁰ См.: Галич А. И. Теория красноречия. СПб., 1830. Цит. по кн.: Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 314.

исследователей вплоть до XIX столетия. Ранее описывались виды устной словесности, а не их формы – жанры и жанровые разновидности внутри этих видов. Именно в это время начинает складываться учение о родах и видах устной словесности – частная риторика. В классической риторике теория жанров не развивалась.

Любая речь оформляется в тексте в виде определенного жанра, внежанровых текстов нет, при этом одни жанры направлены на развлечение общества, другие – на регулирование общественных процессов. Существенным является и другое разграничение: все виды словесности подразделяются на исторические и новые. Ученых продолжают волновать вопросы дифференциации первичных и вторичных жанров, риторических и речевых, отличие риторических жанров от прочих жанров словесности, проблема межжанрового взаимодействия текстов. Общая картина жанров словесности включает в себя множественные повторы: статья научная и статья публицистическая; доклад в устной деловой речи и доклад в совещательной политической ораторике; реклама в средствах массовой коммуникации и выборной политической речи; нота в письменной дипломатической словесности и вербальная нота в дипломатической ораторике как устный публичный жанр; молитва в письменной духовной словесности и каноническая молитва в гомилетике; учение в сфере повседневного общения и в духовной литературе; жалоба в официально-деловой речи и жалоба как первичный речевой жанр бытового общения; приказ в официально-деловой речи и требование в повседневном общении; дифирамб как лирический литературно-художественный жанр и дифирамб как первичный речевой жанр бытового общения. Не в каждом языке есть разделение понятий «род» и «жанр». В большинстве европейских речевых культур это разделение отсутствует – в русской культуре оно есть.

Некоторые из родов словесности представлены как письменными, так и устными жанрами. Очевидно, что

такowymi являются деловая, дипломатическая, духовная словесность и словесность средств массовой коммуникации, существующая с публицистикой в одной фактуре речи. Наблюдения над интертекстуальностью текстов подтверждают, что в определенных случаях тема, идея из одного вида словесности передается в другой и происходит обогащение содержания. Собрание всех жанров устной и письменной словесности не представлено ни в одном современном или историческом источнике, причем наиболее загадочным звеном здесь остаются виды устного слова. И если жанры первичные, т. е. жанры повседневного общения, не раз были предметом изучения М. М. Бахтина, а также детального лингвистического исследования научной школы О. Б. Сиротининой, то жанры вторичные, т. е. формирующиеся в условиях организованного культурного общения, описаны недостаточно. Хотелось бы особо указать на то, что, помимо многочисленных литературно-художественных жанров в их письменном исполнении и устных жанров фольклора, мы находим в архиве русской словесности виды, которые имеют и не имеют оппозиции устные/письменные.

Дипломатическая словесность представлена как жанрами письменными (нота, личная нота, частное письмо, памятная записка, меморандум, послания министров иностранных дел, президентов, конвенция, соглашение), так и жанрами устными – дипломатические переговоры, вербальная нота, заявление правительства, выступления лидеров государств, заявление по итогам переговоров, сообщение Департамента информации и печати МИД, речь на приеме, речь на обеде, речь при подписании договора, выступление на официальной дипломатической конференции, выступление дипломатов на пресс-конференции, консультация как один из видов дипломатических переговоров, имеющих целью выявить позиции по обсуждаемым проблемам. Можно ли утверждать, что дипломатические речи, входящие наряду с военными и политическими выступлениями в совещательную ора-

торику, имеют неповторимые, специфические особенности? Подобно военным речам, они к чему-то призывают и так же, как и политические, преследуют цель преобразования общества, улучшения внешней политики государства. Известно, что, когда внешнеполитическая ситуация осложняется, за стол переговоров садятся самые опытные дипломаты.

В деловой словесности находим письменные виды (закон, конституция, декларация, указ, постановление, ходатайство, исковое заявление, устав, договор, контракт, должностная инструкция, приказ, распоряжение, докладная записка, служебная записка, объяснительная записка, апелляция, предписание, решение, протокол, справка, характеристика, резюме, телеграмма, анкета, извещение, завещание) и устные виды (телефонный разговор, деловая беседа, деловое совещание, дискуссия, дебаты, диспут, доклад, консультация, инструкция, переговоры, торги). Подобно первым двум родам словесности, духовная словесность включает в свой состав жанры письменные и жанры устные, или гомилетические (проповедь, слово на Соборе, исповедь и др.). Сюда же следует отнести словесность СМИ с письменными публицистическими жанрами (статья, корреспонденция, интервью, заметка, информация, обзор печати, рецензия, очерк, фельетон, глосса, хроника, открытое письмо, репортаж, памфлет, эссе, анонс, девиз, реплика, комментарий, обзор, обозрение, зарисовка, острота, пародия, шутка-мистификация, сатирический комментарий, реклама, некролог) и жанрами устными, рожденными в радио- и телевизионной речи (эксклюзивное интервью, корреспонденция, интервью, информация, обзор печати, хроника, анонс, шпигель, комментарий, обозрение, реклама, телемост). В средствах массовой коммуникации в новейшее время появились новые диалогические жанры: телемост, прямая линия, ток-шоу, реалити-шоу и др., тогда как классическая журналистика до появления радио и телевидения, с XVI до XX века, была чисто письменным текстом. Письменные

жанры научной словесности (статья, монография, тезисы, диссертация, автореферат, учебник, учебное пособие, аннотация, рецензия, отзыв, научный комментарий, словарь, справочник, глоссарий, тезаурус, компендиум, трактат, реферат) отличаются от жанров академической гомилетики (лекция академическая, учебная, научно-популярная; научный доклад, сообщение, выступление, обзор, научная дискуссия).

Вне названных оппозиций эволюционируют иные роды и жанры. Так, в совещательной ораторике помимо устных дипломатических выступлений мы находим многочисленные жанры речей политических (доклад, совещательная речь, обращение к народу, выступление, послание Федеральному Собранию, политическое обращение президента к народу, приветственная речь, отчетная речь, инаугурационная речь, публичное заявление, воззвание, программная речь, лозунг, слоган и др.); жанры военных речей (выступление и напутственная речь, речь на параде); два вида речей судебных (обвинительная и оправдательная); а также жанры эпидейктической ораторики (поздравительная речь, юбилейная речь, торжественная речь, похвальное слово, тост, адрес, ритуальная речь, благодарственная речь, ответное слово, речь на презентации, выступление по случаю памятных дат, знаменательных событий, праздников). Традиционно считается, что новогоднее поздравление Президента России – вид политической ораторики, однако, по нашему убеждению, поздравление главы государства относится к контаминированным текстам. Подобно речам по случаю, речам на приеме царственных особ, прощальным речам и пасхальным приветствиям, поздравительные речи президента совмещают в себе характерные черты как минимум двух жанровых типов – эпидейктического и совещательного (политического). Подобные публичные монологи отмечены благими намерениями, добрым отношением к миру, не содержат конфликта, имеют целью как создание праздничного настроения, что является главным

признаком эпидейксиса, так и улучшение жизни общества (критерий политической ораторики). Эти монологи совмещают в себе два времени – будущее как цель политических выступлений и настоящее как задачу эпидейктической ораторики. Симбиоз эпидейксиса и политической ораторики представлен в знаменитом «Панегирике» Исократы.

В сущности говоря, этим массивом жанров не исчерпывается русская словесность. Так, нам кажется очевидным, что традиционно не выделенный род – документальная словесность заслуживает пристального внимания филологов. Дело в том, что такие жанры, как мемуары, дневник, исторические письма и письмовники, биография (жизнеописание или родословная), а также философское эссе не могут быть отнесены к литературно-художественному роду словесности, поскольку в основе своей подлинны, документальны, не содержат мимесиса, хотя по стилистике орнаментальны. Эпистолярный (эпистолия, или письмо), по нашему убеждению, тоже относится к документальной словесности. В этом отношении заслуживают особого внимания эпистолярное наследие Цицерона, «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки Младшего, «Письма к сыну» Ф. Д. Честерфилда, «Письма незнакомке» А. Моруа, письма А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Куприна, Н. М. Карамзина, послания пастырей церкви, письма Иоанна Крестьянкина. Хотя следует признать, что в современной литературно-художественной словесности наметилась тенденция смешения разных художественных жанров и синтеза документальной и художественной литературы. Такой жанр, как биография, или жизнеописание, детально анализируется Л. Е. Туминой. Автор обращается к определению биографии и ее общим свойствам, рассматриваемым в старых русских риториках А. Ф. Мерзлякова, Н. И. Греча, Н. Ф. Кошанского, К. П. Зеленецкого. Исследуется цель этого жанра, его композиция, стиль и характер изложения, виды биографии – автобиография, житие, некролог. Анализируются отличия

биографии от истории и характеристики. Значимо и то, что древнейший жанр биография сформировался на основе «энкомиона» – надгробной, поминальной речи, цель которой очевидна – хвала или хула.

Есть все основания полагать, что такие виды устных публичных речей античной классической эпохи, как инвектива, филиппика, полемика, панегирик, хрия, дигема, этопея, сентенция, в неориториках не рассматриваются как жанры, но используются при создании речей как риторические приемы.

Ситуация общения формирует высказывание в виде определенного жанра устной или письменной словесной культуры. Теория жанров создается на основе анализа соответствующей фактуры речи, детально описанной Ю. В. Рождественским: 1. фактура – устная речь, 2. фактура – письменная речь, 3. фактура – печатная речь, 4. фактура – речь массовой коммуникации¹⁴. Напомним, что риторика занимается риторическими жанрами, связанными преимущественно с условиями устного публичного общения.

Очевидно, что состав жанров и жанровых разновидностей определенного общественно-политического периода зависит от исторически сложившейся структуры кардинальных филологических направлений: риторики, поэтики, стилистики. Так, в риторике описаны жанры устной публичной речи: политической, дипломатической, военной, судебной, эпидейктической, академической, духовной; в поэтике содержатся сведения о литературно-художественных жанрах; в стилистике при исследовании функциональных стилей особое внимание уделяется письменным жанрам.

Стоит учесть, что в филологической науке существует три основных понимания термина «жанр»: литературоведческое, риторическое и лингвистическое. Первые

¹⁴ См.: *Рождественский Ю. В.* Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 24.

два понимания имеют давнюю традицию – от Античности до наших дней, разработка последнего относится к XX веку. Важным для понимания места жанра в том или ином роде словесности оказывается то, какая действительность отражена в соответствующих текстах и какими языковыми и стилистическими средствами она репрезентирована в связи с ценностными установками данной культуры.

При этом важно подчеркнуть, что у каждого жанра в определенную эпоху есть своя цель, формируемая более временем, чем пространством. Так, тронная речь, по традиции звучавшая при смене императора в России, в новый, демократический период была заменена на инаугурационную речь – жанр, пришедший с Запада. Тому были свои причины. И каждая эпоха выдвигает свои доминирующие жанры. А жанр имеет свои законы функционирования и становится узнаваемым благодаря оригинальным признакам, отличающим его от других жанров. Естественно, возникает вопрос: почему до сих пор проблема эволюции жанров не исследована в русской речевой культуре; не изучены причины возникновения тех или иных жанров в определенный историко-культурный период; не сделан сравнительно-исторический анализ жанров разных речевых культур; не выявлены критерии и перспективы развития многих жанров словесности и их целевое назначение; не описаны жанровые приоритеты образцовых говорящих личностей – публичных ораторов, политиков, писателей, ученых.

Задачу исследования многообразия форм речи пытались решить ученые XX века – Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. М. Бахтин, Б. Гавранек, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль, Э. Бенвенист. М. М. Бахтиным была разработана типология первичных и вторичных жанров, теория речевых жанров предложена О. Б. Сиротининой, Т. В. Шмелёвой, В. В. Дементьевым и К. Ф. Седовым. По нашему глубокому убеждению, теория риторических жанров не разработана.

Публичная речь Патриарха Кирилла: жанровый аспект

В связи со сказанным выше позволим изложить некоторые результаты нашего исследования публичных выступлений Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. И здесь достаточно сослаться на высказывание Ю. В. Рождественского. «Языковая личность оценивается по тому, каким искусствам речи и с какой полнотой она обучена и каким опытом и навыками она владеет в разных родах, видах и формах словесности»¹².

Обратимся к жанрам, в которых работает Патриарх Кирилл. Помимо **проповедей, слов на Соборе, ритуальных речей, пасхальных приветствий и рождественских посланий, первосвятительских слов**, он часто обращается к светским жанрам. Это:

Публичное обращение к народу – по случаю Дня трезвости (10 сентября 2016 г.); в праздник Успения Божией Матери (28 августа 2016 г.); в праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи (11 сентября 2016 г.); после закладки Успенского собора в Саровской пустыни (1 августа 2016 г.); на встрече с учеными в Сарове (1 августа 2016 г.); после всенощного бдения в Андреевском соборе Североморска (18 августа 2016 г.); в Никольском кафедральном соборе Мурманска (19 августа 2016 г.); в Свято-Троицком соборе Соловецкого монастыря (21 августа 2016 г.); в Успенском соборе Протата (27 мая 2016 г.); по случаю 30-летия аварии на Чернобыльской АЭС (26 апреля 2016 г.); на церемонии вручения Патриаршей литературной премии 2016 года (18 мая 2016 г.); на V Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом (5 ноября 2015 г.); на открытии международной научно-практической конференции «Князь Владимир. Цивилизационный выбор» (18 ноября 2015 г.);

---

¹² *Рождественский Ю. В.* Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 24.

в праздник Собора Архистратига Михаила в Архангельском соборе Московского Кремля после литургии (21 ноября 2015 г.); на встрече с представителями Молодежной общественной палаты и Палаты молодых законодателей при Совете Федерации (12 декабря 2015 г.) и др.

Совместное заявление – по итогам встречи Святейшего Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (12 февраля 2016 г.).

Напутственное слово (речь) – при вручении архиерейского жезла Преосвященному Феодору (Малаханову), епископу Вилючинскому, викарию Петропавловской епархии (14 августа 2016 г.); при вручении архиерейского жезла Преосвященному Иоанну, епископу Елгавскому, викарию Рижской епархии (27 марта 2016 г.); при вручении архиерейского жезла Преосвященному Арсению (Перевалову), епископу Юрьевскому, викарию Новгородской епархии (3 мая 2016 г.); при вручении архиерейского жезла Преосвященному Сергию (Копылову), епископу Семилукскому, викарию Воронежской епархии (19 декабря 2015 г.); при вручении архиерейского жезла Преосвященному Павлу (Григорьеву), епископу Колыванскому (8 января 2016 г.) и др.

Ответная речь – на выступление В. В. Путина при передаче Русской Православной Церкви Иверской иконы Божией Матери (6 мая 2012 г.) и др.

Публичное выступление – на пленарном заседании съезда Общества русской словесности (26 мая 2016 г.); на пленарном заседании IV Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации (29 января 2016 г.); на XVI церемонии вручения премий Международного фонда единства православных народов (9 марта 2016 г.) и др.

Вступительное слово или приветственная речь – на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре (9 марта 2016 г.); на заседании Попечительского совета Свято-Троицкой Сергиевой лавры и Московской духовной академии в кафедральном соборном Храме Хри-

ста Спасителя (12 апреля 2016 г.); на открытии заседания Высшего Церковного Совета (13 апреля 2016 г.); на втором заседании Попечительского совета Новоспасского ставропигиального монастыря (11 декабря 2015 г.) и др.

Доклад – на заседании Общества русской словесности (9 марта 2016 г.) по случаю создания Общества русской словесности; на открытии XIX Всемирного русского народного собора «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси» (10 ноября 2015 г.); на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2016 г.) и др. Сюда же можно отнести и такой жанр, как **выступление по случаю памятных дат, знаменательных событий и праздников**.

По нашим наблюдениям, характерной жанрово-композиционной особенностью публичных выступлений Патриарха Кирилла является строгое следование классической архитектонике текста. По сути, каждый риторический жанр имеет свою оригинальную композицию. Схемы эти были предложены и описаны Аристотелем, Гермогеном, Цицероном, Квинтилианом. Публичные ораторские выступления могут иметь разную композицию, однако классическая композиция ораторского монолога неизменна: 1. вступление-предложение, 2. повествование (*narratio*), или история вопроса, 3. доказательство, 4. опровержение, 5. заключение. Именно этой композиционной схеме следует наш оратор в своих публичных речах.

Выступая на съезде Общества русской словесности 26 мая 2016 года, начинает с лаконичного *вступления*, отражающего новизну мысли и отношение к предмету речи. После чего следует *история вопроса*, рассказ о двух обществах – «Обществе любителей российской словесности» при Московском университете и обществе «Беседа любителей русского слова», объединявшем санкт-петербургских литераторов. Об истории первого общества ритор рассказывает подробно. Далее Патриарх Кирилл выдвигает тезис речи («*И вот теперь все мы, кому небезразличны судьбы российской культуры, объединились ради сохранения нашего*

национального достояния – русского языка и великой русской культуры. Главной целью новообразованного Общества русской словесности, как и прежде, является изучение и популяризация русской литературы и русского языка, а также повышение роли филологических дисциплин в образовательном и воспитательном процессах на всех уровнях отечественной школы – от начальной до высшей») и последовательно доказывает его, обращаясь к аргументам – к авторитетному источнику и авторитетным лицам, к реальному основанию и воспроизводимости. Говоря о современных терминах школьного обучения и реформе образования, ритор подчеркивает: «Но не в терминах дело – дело в содержании, хорошей голове и добром сердце. Вот тогда у нас будет достигнут общенациональный консенсус по всем самым сложным вопросам, включая те, которые мы сейчас рассматриваем».

Рассуждая о школьной программе, обязательном списке русской художественной литературы, Патриарх Кирилл предлагает принять «золотой канон», «национальный канон», «канон русской словесности», т. е. «набор текстов, которые следует в обязательном порядке изучать в средней школе». Точно подобрано слово **канон** – это как раз то, что изменить нельзя, необходимо знать и следовать этому.

И далее, в *опровержении* говорится о неудовлетворительных знаниях у молодого поколения, о привязанности гуманитарного образования к контексту эпохи, о реформах в образовании, о бесконечных шаблонах, о том, что уводит детей от творчества. В *заключении* русскую словесность оратор называет одним из столпов нашей национальной жизни, важнейшим основанием цивилизации Русского мира, культурным столпом государственной жизни. «Поэтому будущее русского языка и литературы должно быть предметом обсуждения не только профессионалов, но и всего российского общества. Это сегодня стратегическая задача, которую необходимо решать со всей ответственностью».

Подобная композиция – *вступление-предложение* с ярко выраженным личностным началом, *история вопроса*,

повествование, доказательство, отражающее новизну мысли и стиля, и *опровержение* с развернутой диалектической аргументацией, *заключение*, утверждающее главную мысль речи, – характерна для большинства публичных выступлений Патриарха Кирилла. И здесь не исключена композиция хрии, хотя явно она проявляет себя в таких жанрах, как проповедь и слово на Соборе.

Другой особенностью дискурсов Патриарха Кирилла следует назвать многочисленные примеры из личной жизни, связанные с глубокими душевными переживаниями: рассказ о трудной судьбе своего деда Василия Степановича, о том, как трудно было учиться (*«Вспоминаю свои учебные годы: семья была бедная, и я был вынужден работать и учиться. У меня не было ни минуты свободного времени ни в трамвае, ни в автобусе – постоянно с книгой. Я знаю, что такое перегруженность. Но благодарю своих замечательных педагогов, которые, несмотря на эту перегруженность, вооружили меня не только знаниями, но и любовью к литературе, научили писать сочинения. А пытаться облегчить учебу детей за счет предоставления возможности изъятия из программы признанных во всем мире великих произведений художественной словесности, конечно, недопустимо»*).

Рассуждения о ЕГЭ предваряются также личным примером: *«Я познакомился с ЕГЭ в Финляндии около 30 лет назад. Я имел отношение к этой стране – управлял там нашими приходами, будучи ректором духовной академии в Санкт-Петербурге. И вот однажды я приехал в эту страну в весенний день, и смотрю, как много молодежи ходит в белых шапочках. Мне объяснили, что это те, кто сдал государственный экзамен за среднюю школу. Спрашиваю: „А что дает этот статус?“ – „Звание студента“. – „Они что, уже поступили в университеты?“ – „Нет, и многие не поступят. Но они уже студенты, у них есть свой статус, признанный государством“. И мне рассказали о системе ЕГЭ, и я подумал, что это хорошая вещь, когда есть некая директивная оценка знаний учащегося»*. Эти свидетельства позволяют сделать вывод об исповедальном характере устных публичных выступлений Патриарха Кирилла.

Существенным дополнением к названным качествам ораторики Патриарха Кирилла, бесспорно, будет диалогический стиль общения с аудиторией. По форме эти выступления, как и полагается, монологичны, но по характеру общения с аудиторией это самобытные диалоги, философские разговоры со множеством вопросов, но не патетических, а простых в изложении и понятных всем: *«Но как же нам всем жить в обществе? <...> Как же нам жить как одному народу?»* (11 декабря 2015 г.). *«А где же осталась традиция? А традиция осталась на периферии общественной жизни. Если вы спросите у человека: „Ну, хорошо, новый автомобиль – это здорово. И новый гаджет – это хорошо. А ты знаешь, что такое традиция? Вообще, нужна ли нам традиция?“ – то не каждый сразу ответит правильно»* (29 января 2016 г.).

Выступления изобилуют философскими отступлениями, историческими справками. Стиль собеседования способствует симбиозу первичных жанров положительной онтологичности, органично встроенных в устную публичную речь: совет, наказ, вопрос-раздумье, похвала, признание, благодарность, побуждение, предложение, уточнение, обоснование, одобрение, согласие, предостережение, поучение. Внутри публичного выступления наблюдается и симбиоз вторичных жанров. Здесь слиты воедино философские трактаты, эссе, сюжеты из Священного Писания, бытовые зарисовки и вызывающие особый интерес слушателей воспоминания.

По словам О. Розенштока-Хюсси, «человеческий язык неполон без демократии всеобщего участия, посредством которой неумирающая речь утверждается в веках... Когда я говорю, а ты слушаешь; когда я формулирую, а ты повторяешь; когда я возражаю, а ты объясняешь; когда я пою, а ты подхватываешь, – это и есть человеческий язык. Он стремится к созданию повторяющихся и удерживаемых в памяти отношений. Смертные люди, когда говорят, поднимаются до такого уровня, на котором они уже не подвержены забвению: ведь они общались, и значит, нечто оставили по себе в памяти друг друга. В чело-

веческой речи навечно записывается все, что происходит во вселенной»¹⁵.

О чем бы ни говорил Патриарх Кирилл, образ России заполняет все его речи. *«Именно в зарубежье родился феномен „другой“ России. Ее „инаковость“ проявлялась в отношении тогдашней, советской России, но это было то же самое Отечество с его многовековой историей и духовной культурой. Воспоминания и искреннюю любовь к нему и увозили с собой наши братья и сестры. Сколько мы знаем рассказов о том, что изгнанники, покидая отчий дом, заворачивали в платочки несколько горстей родной земли, дабы в дальних странах, где придется им осесть, чувствовать свою неразрывную связь с Родиной!*

Говорят, что русский народ недружный, приводя в пример внутреннюю организацию и взаимопомощь других национальных диаспор. Но первая волна русской эмиграции, при наличии в ней разномыслия, все-таки опровергает это утверждение. Наши эмигранты, споря друг с другом на улицах Парижа, Белграда и других западных городов о судьбе России, о причинах общенациональной трагедии, тем не менее сохраняли связь друг с другом и создали феномен Русского зарубежья, отличительной чертой которого был не только высокий интеллектуальный уровень, отражением чего стали выдающиеся достижения соотечественников в различных областях науки, искусства, техники, но и способность к сохранению веры, духовных ценностей народа, родного языка и культуры. Именно в среде русских изгнанников появились многочисленные союзы, общества, кружки, воинские объединения, кадетские корпуса, научные и богословские школы, ярко выразившие стремление соотечественников к консолидации.

Главная особенность русской послереволюционной эмиграции заключается в противодействии ассимиляции и в сохранении своей веры и культуры. Русские в изгнании в большинстве своем не становились французами, немцами и американцами с „русскими корнями“. Они всегда оставались русскими, право-

---

¹⁵ Розеншток-Хюсси О. Как язык устанавливает отношения // Риторика (специализированный проблемный журнал). М.: Издательство «Лабиринт». 1995. № 1. С. 80–81.

славными, всегда верили в возрождение России, любви к которой были верны и прививали ее последующим поколениям.

Служа в 70-е годы за рубежом, я еще застал представитель той самой первой эмиграции, которые выехали из России. Многие из них даже на исходе своих дней не имели паспортов тех стран, в которых жили. Они шли на сознательное самоограничение во многих сферах жизни, но делали это только для того, чтобы через получение паспорта иного государства не пресечь... связь с Родиной, которую они любили сквозь слезы» (V Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 5 ноября 2015 г.).

И здесь мерилом личности прежде всего оказывается язык, речевая культура. «Роль слова – языка – речи в государственной жизни до сих пор слабо понимается как нашими „государственниками“, так и обществом в целом. Между тем „государство есть общение“ (Платон), „политика есть служение... искусство объединять людей“ (И. А. Ильин), а объединить можно только через слово, поэтому благоустроенным и эффективным может быть только такое государство, где отлажены речевые отношения между людьми»¹⁴. Образцовый стиль мысли и речи впоследствии становится стилем жизни общества. Примечательно и то, что в истинном произведении искусства (а текст, особенно «живой» публичный текст, – это словесное искусство) должно быть пять значимых составляющих – мораль, философия, наука, искусство и религия. Все это мы находим в публичных высказываниях Патриарха Кирилла, а еще «культ чистого слова, звуковую гармонию, наслаждение искусностью говорящего»¹⁵.

---

¹⁴ Аннушкин В. И. Современная общественно-речевая практика в свете проблем риторики (на материале русского политического красноречия в 2012 году) // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике. Материалы XVII Международной научной конференции по риторике. М.; Ярославль, 2013. С. 38.

¹⁵ Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 114.

Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире

Основной предмет исследования в данной главе – так называемые *фигуры мысли*, т. е. особые речемыслительные структуры, которые служат основой любого текста. Они исследованы на материале речей Патриарха Кирилла – выдающегося религиозного и общественного деятеля современной России.

То место, которое он занимает в системе политических и идеологических отношений, сложившихся в нашей стране, определяется целым рядом факторов, связанных с языковой личностью Святейшего Патриарха. На первое место мы поставили бы талант и эрудицию мыслителя. Забегая вперед, скажем, что мы нигде более не встречали такого развернутого, детализированного и вместе с тем лаконичного и ясного представления идей Русского мира, как в текстах Патриарха.

Еще один фактор, определяющий особое место Патриарха среди отечественных общественных деятелей, – его несомненный риторический талант. Если попытаться определить формулу риторического мастерства Патриарха, то она, возможно, будет такой: *интеллектуализм, искренность, конструктивность*, понимаемая здесь как умение создавать тексты, в максимальной степени соответствующие одному из основных прагматических заданий любой публичной речи – изъяснить слушателю мысль во всех ее деталях и сделать это убедительно и красиво.

Именно конструктивность речей Патриарха и станет основным *предметом* нашего исследования. Мы попытаемся описать ее в рамках теории *фигур мысли*.

Непосредственной *основой* нашей работы послужила книга «Семь слов о Русском мире»¹, в которой собраны выступления Патриарха, посвященные разным сторонам опыта русского народа в решении национальных, этнических и культурных проблем нашей страны и доказательству всемирного значения этого опыта. Лейтмотивом книги, как пишет ее составитель А. В. Щипков, «можно смело назвать русскую тему – заботу об укреплении в трудное для страны время ее национальной идентичности, которая строилась и строится на государствообразующей роли русского народа и его культуры»².

Поскольку в данном собрании речей Патриарха о Русском мире изложена целостная концепция, уместно предположить, что и система способов изъяснения этой концепции также должна быть целостной и самодостаточной, дающей представление о систематике фигур мысли как в русском языке, так и в избранном для анализа идиостиле Патриарха³.

Выдвигаемая нами *гипотеза* такова: фигуры мысли в русском языке представляют собой системное образование. Они составляют основу текста, практически полностью образуют его «ткань».

О фигурах мысли в риторике

Нельзя сказать, что фигурам мысли в риторике очень повезло. О них помнят, но их мало изучают. Гораздо боль-

¹ *Патриарх Московский и вся Русь Кирилл. Семь слов о Русском мире* / Сост. А. В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015.

² Там же. С. 4.

³ При цитировании указанной книги в круглых скобках указывается номер речи и страница, на которой расположен цитируемый фрагмент.

шей популярностью пользуются так называемые фигуры речи.

О соотношении фигур мысли и фигур речи хорошо сказал древнегреческий историк и филолог I в. до н. э. – I в. н. э. Дионисий Галикарнасский, рассуждая о риторических упражнениях: «Есть два рода упражнений во всех, так сказать, речах: одни производятся над мыслями, другие – над словами. Первые из них принадлежат более к части предметной, вторые – к части словесной. Всякий, кто стремится хорошо говорить, должен проявлять одинаковое усердие в обеих этих науках о речи. Однако наука, ведущая нас к предметам и заключенным в них мыслям, медлительна и тяжела для молодых и не может пасть на долю нежного ребяческого возраста. Это удел разума зрелого: лишь поседлым летам свойственно такое познание, умноженное обильными сведениями о словах и деяниях, равно как богатым опытом всего, что бывало с ними и другими людьми. Напротив, любовь к красоте и ценности слова не менее цветет и в юношеском возрасте. Действительно, все молодые души наслаждаются цветистостью выражения и стремятся ней безумно, словно одержимые богом» (О соединении слов, 1: 3–6⁴).

Если Дионисий верно описал положение дел с изучением риторики, то приходится констатировать, что «юноши» в своем «безумном» стремлении к цветистости выражений победили «зрелый разум» с его стремлением к познанию предметов и заключенных в них мыслей. Победа эта выражается очень просто: в постоянном увеличении и усложнении описаний «цветистости выражений» и постоянном же сокращении описания того, что отражает структуры мысли.

Вместе с тем так в риторике было не всегда. Великий Цицерон, как представляется, больше внимания уделял фигурам мысли, а не фигурам речи. В трактате «Об ора-

---

⁴ Трактат Дионисия Галикарнасского «О соединении слов» цитируется по: Античные риторики. М.: Издательство Московского университета, 1978. С. 167–221.

торе» он перечисляет 40 фигур мысли и 37 фигур речи (Об ораторе, кн. 3: 199–208), в трактате «Оратор» – 34 фигуры мысли и 13 фигур речи (Оратор: 137–138)⁵.

По Цицерону, «разница между построением слов и построением мыслей состоит в том, что при перемене слов словесное построение нарушается, построение мыслей сохраняется, какими бы словами ни пользоваться» (Об ораторе, 3: 200–201). Это определение можно трактовать таким образом, что фигуры мысли представляют собой некие когнитивные модели, возобновляемые независимо от данного конкретного предмета речи и его лексического оформления. Фигуры речи (построения слов), по Цицерону, именно потому являются фигурами, что строятся на форме, а не на содержании, на слове, его формах, а не на стоящих за этим словом мыслях.

Перечислим фигуры мысли, названные Цицероном в трактате «Об ораторе», для этого поместим их в таблицу, в левой части которой даны названия фигур, а в правой – описания фигур, предложенные самим Цицероном.

<p>Название (помимо названия, приводятся также распространяющие его в тексте слова)</p>	<p>Назначение и качества (по возможности используются формулировки первоисточника; если комментариев автора нет, в таблице остается пустое место)</p>
<p>1) <i>задержание</i> на чем-нибудь одном</p>	<p>Все это очень важно и для изложения дела, и для украшения и распространения его, когда мы стремимся, чтобы наши ораторские преувеличения представлялись слушателям самой действительностью.</p>
<p>2) <i>разъяснение</i></p>	
<p>3) <i>показ</i></p>	

⁵ Трактаты Цицерона «Об ораторе» и «Оратор» цитируются по: Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. С. 75–252, 329–384.

Название	Назначение и качества
4) <i>обозрение</i>	Эти фигуры противоположны <i>задержанию, разъяснению и показу</i> . Они характеризуются беглостью (<i>обозрение</i>), требуют выразительности (<i>намек</i>), сжатости и четкости (<i>краткость</i>), приятно развлекают, но требуют ловкого и уместного возвращения к делу (<i>отступление</i>).
5) <i>намек</i>	
6) <i>краткость</i>	
7) и 8) <i>умаление</i> в сочетании с осмеянием	
9) <i>отступление</i> от темы	
10) <i>предупреждение</i> о том, что собираешься говорить	У Цицерона нет описания назначения и качеств этих фигур (вероятно, их роль в тексте кажется очевидной из названия), только сообщается, что заключение применяется для возвеличения или умаления истины.
11) <i>подытоживание</i> сказанного	
12) <i>возвращение</i> к сказанному	
13) <i>заключение</i>	
14) <i>вопрошание</i>	<i>Вопрошание</i> и <i>подсказывание</i> связаны друг с другом; последнее как бы отвечает на первое.
15) <i>подсказывание</i> собственного мнения	
16) <i>ирония</i>	Больше всего как бы вкладывается в сознание людей; заключается в том, что говорится одно, а подразумевается другое. В текстах, содержащих иронию, следует пользоваться не риторическим, а разговорным языком.
17) <i>сомнение</i>	
18) <i>расчленение</i>	
19) <i>поправка</i> того, что уже сказал, еще скажешь или даже вообще не собирался говорить	
20) <i>предотвращение</i> возражений против того, что ты еще скажешь	
21) <i>перенесение</i> ответственности на другого	

Название	Назначение и качества
22) <i>собеседование</i>	Оратор как бы обсуждает вопрос со своими слушателями.
23) <i>подражание</i> привычкам и поведению в лицах или без лиц	Одно из существеннейших украшений речи и едва ли не самый ловкий прием, чтобы привлечь, а то и взволновать слушателей.
24) <i>олицетворение</i>	Едва ли не самый сильный и блестящий прием усиления.
25) <i>описание</i>	
26) <i>намеренное заблуждение</i>	
27) <i>увеселение</i>	
38) <i>предвосхищение</i>	
39) <i>уподобление</i>	Два сильнейших приема воздействия
40) <i>пример</i>	

В дальнейшем риторика пошла по пути, указанному Цицероном: фигуры мысли определялись по их функциональному заданию. В статье «Античная риторика как система» М. Л. Гаспаров выделяет в общей сложности 24 фигуры мысли и делит их на 4 группы: а) уточняющие позицию оратора, б) уточняющие смысл предмета, в) уточняющие отношение к предмету (от говорящего, от самого предмета, от других лиц и от всего мирового целого), г) уточняющие контакт со слушателем⁶. Статья Гаспарова – это современная интерпретация античной риторической системы. Эта система, развиваясь на протяжении веков, применительно к вопросу систематики фигур мысли описывалась сходным образом и не на собственно античном материале. В известной книге «Общая

⁶ См.: Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. С. 46–451.

реторика» Н. Ф. Кошанского приводится довольно пространственный список фигур мысли, которые 1) «убеждают разум», 2) «действуют на воображение», 3) «пленяют сердце»⁷. И в других риторических трудах старого и нового времени фигуры мысли также либо подаются единым списком, либо группируются в зависимости от их функциональной нагрузки (см. об этом в «Двенадцати книгах риторических наставлений» Квинтилиана⁸, в первой русской риторике XVII в.⁹, «Кратком руководстве к риторике» М. В. Ломоносова¹⁰, в работах В. П. Москвина¹¹, А. К. Михальской¹² и др.).

Иначе рассматривает фигуры мысли Г. Г. Хазагеров, он «растворяет» вопрос об их типах в своей общей классификации риторических феноменов. В его «Риторическом словаре» выделяются следующие части: «Логические основы аргументации», «Психологические основы аргументации», «Части ораторской речи», «Тропы», «Фигуры», «Квазитропы

⁷ Кошанский Н. Ф. Риторика / Сост. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 124–130.

⁸ Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. Часть 2. Кн. 9. С. 149–160.

⁹ Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет: ЧеРо, 1999. С. 135–151.

¹⁰ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Собрание сочинений. Т. 7. М. 1953. С. 20–79. Подробный анализ воззрений М. В. Ломоносова, а также других представителей русской классической и современной риторики на проблему классификации риторических фигур см. в книге: Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М.: Флинта, 2012. С. 185–240.

¹¹ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 788 и др.; *Он же*. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов н/Д: Феникс, 2006.

¹² Михальская А. К. Основы риторики. 10–11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2004. С. 266–287.

и описания» и др.¹⁵. То, что называется фигурами мысли, распределяется в этих блоках в соседстве с другими риторическими явлениями.

Мы осмелимся предложить свою классификацию фигур мысли и представим ее на материале Цицерона.

На наш взгляд, все 40 фигур делятся на следующие группы:

1. Фигуры, отражающие **структуру** текста: 1) *задержание* на чем-нибудь одном (ср. ниже фигуру под названием *эпимона*), 18) *расчленение*, 38) *предвосхищение* (см. ниже о проlepsисе как фигуре повтора).

2. Фигуры, выражающие **логические** отношения: 21) *перенесение* ответственности на другого (очевидно, антитеза), 39) *уподобление* (очевидно, аналогия), 26) *намеренное заблуждение* (вероятно, уступка).

3. **Диалогические** фигуры: 14) *вопрошание*, 15) *подсказывание* собственного мнения, 17) *сомнение*, 20) *предотвращение* возражений против того, что ты еще скажешь, 22) *собеседование*, 23) *подражание* привычкам и поведению в лицах или без лиц (очевидно, имитация чужой речи), 24) *олицетворение*.

4. Фигуры, выражающие какую-либо **связь** с соседним текстом: 2) *разъяснение*, 9) *отступление* от темы, 10) *предупреждение* о том, что собираешься говорить, 11) *подытоживание* сказанного, 12) *возвращение* к сказанному, 13) *заключение*, 19) *поправка* того, что уже сказал, еще скажешь или даже вообще не собирался говорить, 40) *пример*.

5. Фигуры, основывающиеся на типе представленного в фигуре **содержания**: 3) *показ*, 25) *описание*.

6. Фигуры, отражающие **прагматические** характеристики текста: 5) *намек* (вероятно, то же, что аллюзия и реминисценция), 7) и 8) *умаление* в сочетании с *осмеянием*, 16) *ирония*, 27) *увеселение*.

¹⁵ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009.

7. Фигуры, выделяемые на основании **квантитативных** характеристик предмета изображения: 4) *обозрение*, 6) *краткость*.

Как видим, совокупность фигур мысли у Цицерона представляется в виде достаточно сложно устроенной системы. В дальнейшем эта система развивалась по-разному: либо сохраняя свои основные части, либо двигаясь по пути упрощения – в целом и усложнения – в отдельных частях.

Следует сказать об основаниях подобной группировки фигур. На наш взгляд, упомянутые квалификационные признаки выстраиваются в естественную систему. Прежде всего, высказывание на том или ином языке или совокупность таких высказываний представляет собой определенную структуру, т. е. формально-семантическое образование. На наш взгляд, структурный принцип организации фигуры в наиболее чистом виде выражен в таких феноменах, как упомянутые выше *расчленение* и *пролепсис*.

При образовании других фигур на структурную организацию выражающего их текста «накладываются» иные его параметры. Актуализируется то, что в тексте естественным образом имеется или может быть: во-первых, это логические отношения, которые возникают между элементами текста, во-вторых, дискурсивное оформление текста (диалогичность – недиалогичность), «накладываемое» на структуру текста, на эту структуру «накладываются» также актуализированные функциональные, содержательные, стилистико-прагматические и квантитативные характеристики данного текста. Именно вследствие актуализации того или иного параметра текста и возникает та или иная фигура мысли, точнее, выводится и именуется исследователями текста.

А дальше, понятно, наступает время всяческих метаболических превращений (добавление, сокращение, перестановка, замена), которые образуют фигуры уже не мысли, а речи.

Теперь мы можем предложить свое определение феномена фигуры мысли. **Фигура мысли – это речемыслительная или лингвокогнитивная конструкция, которая определяется конфигурацией актуальных наборов смыслов в образующих эту фигуру высказываниях и является основой компактного текста.**

Передающие эти смыслы слова и выражения повторяются или появляются как уникальные элементы на протяжении компактного текста. Поэтому определение компактного текста уже ясно из сказанного. *Компактный текст* – это текст, в котором реализована та или иная фигура мысли.

Итак, мы предлагаем классификацию фигур мысли на основании их «неотчуждаемого» признака – **структурно-смыслового оформления**. Мы считаем, что выделяются такие фигуры мысли, в которых этот признак, т. е. их структурно-смысловая оформленность, – важнейший.

«Идеальная» структурно-смысловая оформленность дополняется в процессе генерации фигур мысли частными структурными, логическими, функциональными, содержательными, дискурсивными, квантитативными приращениями. Эти приращения, по-видимому, чаще всего накладываются на базовую структуру последовательно. Будучи наиболее заметными в конкретном компактном тексте, те или иные элементы указанных приращений становятся основанием для определенной квалификации фигуры.

Если поискать графический эквивалент системе фигур мысли, то это, наверно, будет спираль, в которой каждая новая точка соотносится с предшествующей ей точкой на образующей спираль линии и одновременно соотносится с центром всей конструкции. Логические фигуры, например, соотносятся не только с фигурами повтора, но и с этим нерасчлняемым центром. Диалогические фигуры соотносятся с логическими и опять же с этим центром. И так далее.

Описание системы фигур мысли как системы динамической, развивающейся – задача крайне сложная,

хотя, на наш взгляд, актуальная. Мы постараемся описать на нашем материале – на материале речей Патриарха Московского и всея Руси Кирилла – несколько ее базовых фрагментов – фигуры повтора и логические фигуры, а также диалогические и названные нами функциональными фигуры. В силу недостатка места только первые две группы будут описаны достаточно подробно.

Фигуры повтора

Общее понятие о фигурах повтора

Одна из основных задач оратора – представить слушателю целостную, иерархически устроенную картину того фрагмента действительности, о котором он говорит. В языке выработалась целая система текстовых средств, которые позволяют решить эту задачу. Одним из средств, применяемых Патриархом для представления концепции Русского мира, является совокупность так называемых фигур повтора.

В языке выработались механизмы, позволяющие преодолеть изначальную недостаточность языкового знака. Один из таких механизмов – текстовой повтор совпадающих или близких по значению слов, отражающих один феномен бытия, один предмет мысли. Устойчивый образ предмета чаще всего создается именно путем неоднократных его фиксаций в сознании. Уместна аналогия: рассматривая какой-то предмет, мы раз за разом возобновляем впечатления о нем и тем самым запоминаем его, создаем в сознании целостный образ этого предмета. Аналогичная процедура непременно должна производиться оратором, если он хочет добиться понимания. Надо раз за разом открывать слушателям предмет речи, раз за разом говорить о нем. При этом следует в некоторых случаях скрывать или хотя бы маскировать механику повтора путем акцентуации разных сторон представляемого предмета, т. е. как бы поворачивать предмет разными

сторонами, как при его рассматривании. Такова онтологическая природа фигур повтора, теперь скажем несколько слов об их лингвориторической интерпретации.

В этой главе рассмотрим фигуры, главным принципом организации которых является повтор имеющихся в них *актуальных сем*. Под актуальными семмами мы понимаем те элементы смысла, которые локализируются и в отдельных словах, и в целых высказываниях и, повторяясь, образуют основу, «скелет» фигуры.

В риторике, с одной стороны, повтор описывается на материале фигур речи (*анафоры, эпифоры, анадиплосиса, хиазма* и многих других), а с другой – выделяются общие принципы повтора: он может быть *контактным* и *дистантным*, *упорядоченным* и *неупорядоченным*. Мы стараемся показать, что эти принципы осуществляются на уровне конструктивных фигур мысли, а уже затем специализируются в области фигур речи.

Основное внимание в данном разделе будет уделено фигурам повтора двух типов: так называемым **плеонастическим фигурам** и фигурам, с помощью механизма повтора образующим **цепную последовательность** высказываний.

Мы полагаем, что фигуры повтора, представленные в речах Патриарха, представляют собой не хаотическое нагромождение в чем-то сходных речевых форм, а довольно жесткую и стройную систему.

Пролепсис

Пролепсис (греч. *πρόληψις* ‘предположение, предчувствие, предвидение’) – основная фигура повтора. Суть ее в том, что в микротексте некая мысль сначала передается абстрактно и обобщенно, затем она же повторяется с большей степенью конкретности, в деталях.

Термин *пролепсис* обычно выступает в связке с термином *антиципация*, который является его латинской калькой. В технических целях попробуем их развести, оставив последний «на территории» диалогических фигур.

В любом случае материальной основой пролепсиса является некая конструкция из двух элементов. Первый элемент этой конструкции содержит в себе черты второго, *предвосхищает* их. Второй развивает то, что было заложено в первом. Первая часть конструкции включает так называемые *предвосхищающие* элементы (часто используется термин *антиципирующие*), вторая – *предвосхищаемые* (*антиципируемые*).

Существуют некоторые разночтения в квалификации предвосхищающего элемента – важнейшего элемента пролепсиса. Чаще всего говорят о его *местоименной* природе.

Предвосхищающий элемент может трактоваться расширительно, – например, как перифраза, ср.: «Ужален **небольшой Крылатой** я змеей, Которая пчелю зовется у людей» (Г. Р. Державин)¹⁴.

Этот элемент можно также рассматривать как проявление так называемой *гипонимической* амплификации, сущность которой раскрывается характером отношений родовых (более широких) и видовых (более узких) понятий; первые выражаются словами-гиперонимами, вторые – словами-гипонимами. Механизм гипонимической амплификации состоит в том, «что вслед за гиперонимом обязательно появится гипоним, и в этом случае общее, абстрактное конкретизируется частным понятием»¹⁵. Например: «**Мелькнула тень**, и двух огней Промчались искры... и потом **Какой-то зверь** одним прыжком Из чащи выскочил и лег, Играя, навзничь на песок. То был пустыни вечный гость – **Могучий барс...**» (М. Лермонтов)¹⁶.

¹⁴ Цит. по: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 591.

¹⁵ Ширина Л. С. Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987. С. 89 (цит. по: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 41).

¹⁶ Там же.

Пролепсис выполняет в тексте *интригующе-актуализирующую функцию*, нацеленную на возбуждение интереса и активизацию внимания адресата сообщения¹⁷.

На наш взгляд, в организации текста действует механизм более универсальный, чем тот, о котором идет речь в цитируемых источниках. Этот механизм включает и употребление местоимений, и использование перифраз, и соотношение гиперонимов и гипонимов. Кроме того, он, очевидно, не замыкается в кругу номинативных языковых единиц. Соотношение абстрактного и конкретного может проявляться и на синтаксическом уровне.

Кроме того, пролептические конструкции вовсе не всегда обязаны быть интригующими. Лежащий в их основе механизм организует текстовое пространство и в нехудожественной речи¹⁸.

Пролепсис, таким образом, можно понимать и как фигуру речи, и как фигуру мысли. В том случае, если в первой части двучленного высказывания находим сообщение, выраженное каким-либо необычным (метаболическим) способом и раскрываемое далее во второй части этого высказывания, – перед нами то, что можно считать *фигурой речи*. Если перед нами конструкция, в которой нет необычности, нет нарушения: некая мысль выражена в первой части конструкции на абстрактном уровне, а во второй части – на уровне конкретном, то перед нами *пролепсис – фигура мысли*, отнюдь не безразличная к лексическому наполнению ее частей, но в любом случае не требующая от этого наполнения намеренной «странности».

¹⁷ См.: Культура русской речи... С. 62.

¹⁸ В работе ван Дейка «Предубеждения в структуре дискурса: рассказы об этнических меньшинствах» говорится о структурных элементах устного рассказа. Одним из них является так называемое резюме – краткий рассказ о каком-либо инциденте. Последующие элементы рассказа расширяют это резюме до полноценного повествования с более или менее подробной характеристикой героев и событий (Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1998. С. 190–228).

Пролепсис – фигуру мысли можно описать как реализацию *риторических топосов*, поскольку его структура определяется соотношением топосов «общее» и «конкретное», «целое» и «части»¹⁹. Поскольку обе части такого пролепсиса имеют один референт, мы можем, как и было заявлено, отнести его к фигурам повтора.

Процесс использования примеров или иллюстраций, конкретизирующих абстрактное высказывание, именуется *экземплификацией* (от лат. *exemplum* ‘образец’)²⁰. Экземплификация – это не единственный способ конкретизации препозитивного абстрактного суждения. Эта конкретизация может быть осуществлена и с помощью суждений менее обобщенных, чем начальное.

Пролепсис как когнитивная модель, реализованная в тексте, теснейшим образом связан с амплификацией как процессом, приводящим к появлению этой модели.

В разграничении типов амплификации мы присоединяемся к подходу, представленному в книге «Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция)» Е. В. Ключева. В этой книге Е. В. Ключев противопоставляет аккумуляцию (лат. *accumulatio* ‘накопление’) и собственно амплификацию. Амплификация, по его мнению, подает излагаемый материал *под разными углами зрения*. Иначе говоря, этот прием заключается в многократном предъявлении одного и того же предмета, рассмотренного с разных сторон²¹. Напро-

¹⁹ Одной из наиболее известных классификаций риторических топосов является классификация, предложенная М. В. Ломоносовым: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобные, 15) несходные и противные вещи, 16) сравнения» (Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике... § 13).

²⁰ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 864.

²¹ См.: Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001. С. 269.

тив (позволим себе здесь несколько усилить положения цитируемого автора), аккумуляция представляет собой результат рассмотрения множества предметов при сохранении *единства взгляда* на них.

По нашему мнению, целесообразно именовать термином *амплификация* обе ее основные разновидности. Для той, которая предполагает единство предмета и множественность взгляда на него, можно ввести отдельное наименование – заимствованный из теории нарратива термин *фокализация* (фр. *focalisation* ‘точка зрения’).

В этом случае схематически феномен амплификации можно представить в следующем виде:

фокализация: один предмет – множество взглядов;

аккумуляция: один взгляд – множество предметов.

Пролепсис – это, очевидно, результат фокализации.

Пролепсис в нашем понимании этого явления – в высшей степени распространенная фигура в речах Патриарха.

Обратимся теперь к анализу форм пролепсиса, выявленных в изученных текстах. Поскольку *пролепсис (фигура речи)* есть маргиналия *пролепсиса (фигуры мысли)*, мы не будем их разграничивать на основании нашего материала. Все пролептические конструкции будем считать вариантами одной когнитивной модели.

В речах Патриарха находим примеры пролепсиса, полностью соответствующие тем образцам этой фигуры, которые фиксируются в соответствующей литературе. Речь идет о пролепсисе, первая часть которого намеренно неинформативна, поскольку содержит слова с обобщенным значением. Это либо слова с крайне **абстрактной семантикой** (*вопрос, проблема*), либо **местоименные слова**, либо их комбинация. В подобных случаях фигура пролепсиса приобретает, как уж говорилось, характер одного из средств, создающих *интригу* в изложении. Предвосхищающий элемент выделим особым шрифтом.

*«Есть **другая тема**, которая тоже разделяет наш народ. // Это социальное неравенство, разное имущественное положение»* (1, с. 5).

*«Но у поднятой на форуме проблемы есть и **обратная сторона**, есть **иное прочтение**. // Не только межнациональный мир является залогом единства России. Совершенно справедливо и то, что единство России, притягательная сила нашего государства, объединяющая миссия российской цивилизации являются залогом межнационального мира на огромных пространствах Евразии» (4, с. 23).*

Следующий вариант пролепсиса включает более, чем в предыдущем случае, конкретизированные предвосхищающие элементы – это конструкции номинативного пролепсиса с **абстрактными наименованиями** в первой части (словами *мудрость, ценности, правила* и т. д.).

*«...Основа мирной жизни столь разных народов – это, конечно, мудрость веков, как мы слышали сейчас в гимне России, **«мудрость народная»**. // Люди понимают, что им никуда не деться друг от друга, и учатся взаимному уважению, вырабатывают свои способы урегулирования конфликтов, балансируют интересы, взаимной поддержки» (2, с. 10).*

*«Чуть раньше, на XV Соборе, мы сформулировали еще более широкий **перечень ценностей**, лежащих в основе национальной идентичности. // Помимо уже перечисленных, к ним относятся мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность» (6, с. 40).*

Предвосхищающим элементом в номинативном пролепсисе может быть **термин**, требующий разъяснения, или **терминологизирующееся выражение**.

*«Сегодня, описывая этот идеал (общество, построенное на основании религиозно-политического синтеза. – Авт.) на языке социальной философии, мы называем его **«солидарным обществом»**, где ради достижения общего блага тесно сотрудничают между собой различные этнокультурные, социальные, профессиональные, религиозные и возрастные группы. // В таком обществе не конфликтуют между собой народ и власть, не конфликтуют этносы и религии, и даже полиптийские партии не конфликтуют» (6, с. 41).*

Приведем теперь примеры **синтаксического пролепсиса**. В нижеследующих контекстах выделим особым шрифтом предикативные основы обеих частей пролепсиса:

*«**Те**, кто считает себя победителями в холодной войне, **внушают** всем, что определяемый ими путь развития – правильный и, более того, единственно возможный для человечества. // Доминируя в глобальном информационном пространстве, **они навязывают** миру свое понимание экономики и государственного устройства, **стремятся подавить** решимость отстаивать ценности и идеалы, отличные от их ценностей и идеалов, связанных, как мы знаем, с идеей потребительского общества» (5, с. 30).*

Обратим внимание на то, что структура предикативной основы может быть затенена синтаксическими трансформациями, приводящими к возникновению односоставных предложений, предложений с инверсией подлежащего и сказуемого, актантными трансформациями и т. д. Все эти изменения не мешают, на наш взгляд, видеть здесь соотношение кореферентных предикативных основ, различающихся уровнем абстракции.

*«**Необходимо** как можно быстрее **распабуировать** понятие „**русская национальная организация**“ в глазах государственных деятелей. // Федеральные русские **организации должны стать** полноценными участниками общественного процесса, полноправными **субъектами** национальной политики, „**гражданским скелетом**“ государственного единства нашей страны» (4, с. 27).*

Формы пролепсиса могут быть охарактеризованы не только по особенностям предвосхищающего элемента, но и по особенностям элемента предвосхищаемого. Наиболее яркой формой предвосхищаемого элемента можно, наверное, считать форму **экземплификации**. Экземплификация позволяет не только отразить движение мысли от обобщенного к конкретному, но и придать этому конкретному определенный фактологический колорит: исторический, прецедентный и т. д.

Конкретная часть пролепсиса часто вводится **типовыми лексическими средствами** (словом пример) и типовыми синтаксическими средствами (вводными словами так, например).

*«Однако нас не может не тревожить та разрушительная для национального самосознания работа, которая проводится в обширных регионах Российской Федерации, население которых всегда считалось русским. // **Так**, во время Всероссийской переписи населения 2010 года с широким размахом прошли пиар-акции «Национальность – казак» и «Национальность – сибиряк». Для популяризации новых идентичностей снимались рекламные ролики, велась настойчивая пропаганда в интернете, создавались сообщества в социальных сетях» (4, с. 26).*

Экземплификация может не иметь специальных показателей. Естественной формой такой экземплификации является **целостный нарратив**, разумеется представленный в ограниченных масштабах:

*«И тот Собор, который 400 лет тому назад избрал Михаила Феодоровича Романова на царство после Смуты, был непростым. И там пересеклись разные интересы. // Если кто не знает, я скажу, что **одним из кандидатов на царство был тот самый польский королевич Владислав, воевска которого были отброшены от Кремля Мининым и Пожарским. А сторонники этой модели остались в России, и их никто не изгнал, их пригласили на Собор. И они продвигали свою идею: заимствовать монарха из-за рубежа» (4, с. 7).***

Конкретная часть пролепсиса может «оживляться» присутствием диалогической речи, что также соответствует нарративной стратегии построения текста:

*«Если в понятие нравственности и справедливости вносится относительность, то само это понятие разрушается. // **„Хорошо то, что хорошо для великой Германии“** – известный тезис. И нравственность исчезла» (6, с. 38).*

Возможны случаи амплифицированного построения пролепсиса. Чаще всего образуется **трехактная структура**. Такие структуры довольно разнообразны по соотно-

шению абстрактного и конкретного в образующих их высказываниях. Приведем пример:

«России как стране-цивилизации есть что предложить миру. // Это наш опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений. // Не было на Руси народов-господ и народов-рабов. Россия никогда не была тюрьмой народов, здесь не было народов первого и второго сорта» (3, с. 18).

Пролепсис очень часто выступает в качестве **фигуры вмещающей**.

Феномен вмещающей фигуры описан, в частности, Аристотелем, который, разделяя виды периода на те, которые имеют противоположный смысл, или равную длину, или одинаковые звуки в одних и тех же частях фразы (ср. Горгиевы фигуры), говорит: «Но может случиться, что одна и та же [фраза] включает в себе все вместе: и противоположное, и равенство членов, и сходство окончания» (Риторика, 1409a 35 – 1410b 5)²².

В нашем случае вмещающей формой представляется форма пролепсиса, вмещаемой – другие фигуры мысли и речи. Это значит, что конкретная часть пролепсиса (чаще всего) или его абстрактная часть построены по образцу той или иной фигуры мысли.

В приводимом ниже фрагменте речей Патриарха конкретная часть пролепсиса организована с помощью *топологических фигур*. На наш взгляд, топологическими фигурами можно именовать такие модели организации текста, которые предполагают наличие в его частях элементов, в совокупности выражающих тот или иной категориальный топос: время – *раньше, сейчас, завтра*; пространство – *здесь, там* и т. д.

«Мы живем в эпоху стремительных перемен. // Если в прошлом веке мир преобразовывался научно-технически-

²² Трактат Аристотеля «Риторика» цитируется по изданию: Античные риторики. М.: Издательство Московского университета. 1978. С. 15–166.

ми достижениями, то **сегодня** его облик меняется благодаря социальным технологиям» (6, с. 44).

Возможны и другие фигуративные включения в структуру пролепсиса.

Анатомия (дигестия, эпанод, дивизия)

В риторике описана фигура мысли, суть которой состоит в таком способе именовании одного и того же явления, при котором это явление сначала называется обобщенно, а затем именуется его отдельные части. Эта фигура может обозначаться термином **анатомия** (греч. *ἀνατομή* ‘расчленение’). Г. Г. Хазагеров определяет анатомию как «анализ дела по частям для прояснения толкования или облегчения дискуссии»²⁵ и относит ее к средствам организации логической аргументации²⁴. Как частные случаи анатомии указываются **дивизия** (лат. *divisio* ‘разделение’), **дигестия** (лат. *digestio* ‘распределение’) и некоторые другие формы речи.

Разница между дивизией и дигестией состоит в наличии или отсутствии отношений альтернативы между перечисляемыми в их второй части явлениями: дивизия трактуется как «разделение доказательства на различные альтернативы»²⁵, дигестия – как «исчисление по порядку пунктов»²⁶.

Вариантом анатомии, описанным в риторической литературе наилучшим образом, можно, по-видимому, считать так называемый **эпанод** (греч. *ἐπίανοδοζ* ‘отход, отступление’), латинское соответствие – **регрессия** (лат. *regressio* ‘повторение, обратное движение’). С тем же значением употребляется также термин **разделение**.

В известной книге «Античные теории языка и стиля» приводится следующий фрагмент из труда Квинтилиана

²⁵ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 66.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 70.

²⁶ Там же.

«Двенадцать книг риторических наставлений»: «Существует и такой вид повторения, при котором слова, поставленные рядом, потом повторяются отдельно. По-гречески такая фигура называется эпанодом, а у нас – регрессией»²⁷. Следующий пример из Квинтилиана подходит под это определение: «Ифит и Пелиас со мной; Ифита тягчила старость, Пелиас, раненный Улиссом, едва идти мог»²⁸.

Современные определения эпанода (или его синонимических обозначений) в целом соответствуют этому прототипу.

Если говорить о методе, с помощью которого формируются формы анатомии, то следует отнести все упомянутые фигуры (дигестию, эпанод, дивизию) к формам фокализации, поскольку с ее помощью предмет речи подается сначала с удаленной, а затем с приближенной точки зрения.

Собственно когнитивную основу фигур анатомии (если квалифицировать эту основу в терминах риторики) образуют топосы «род и вид», «целое и части». М. В. Ломоносов писал по этому поводу: «От рода и вида можно писать о терминах, в теме включенных, пространно: <...> н. п., ежели кто хвалит добродетель, тот может похвалить чистоту, воздержание, милость и прочие добродетели подробно. Подобным образом целое и части к распространению служат <...>, н. п., ежели кто хочет описать пространный и прекрасный город, тот может сперва изобразить его величину, красоту, положение места и множество народа, а после того части, то есть стены, публичные строения, церкви, площади и прочая»²⁹.

Эти же топосы, как уже говорилось, лежат в основе пролепсиса. Отличие пролепсиса и фигур анатомии оче-

²⁷ Античные теории языка и стиля / Под общей редакцией О. М. Фрейденберг. М.; Л.: ОГИЗ: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 265.

²⁸ *Квинтилиан М. Ф.* Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. Часть 2. Кн. 9. С. 155.

²⁹ *Ломоносов М. В.* Краткое руководство... § 46–47.

видно. Оно состоит в том, что если постпозитивная часть пролепсиса представляет собой единое высказывание, то постпозитивная часть фигур анатомии непременно является соединением равноправных компонентов, которые либо обобщенно названы, либо кратко перечислены в первой части таких фигур.

На формы анатомии накладываются такие явления, как *энумерация* и *абecedарий*⁵⁰

Теперь рассмотрим употребление форм анатомии в исследованных нами речах Патриарха. В наших источниках есть контексты, когда первая и вторая часть анатомии содержат симметричные наборы контекстуальных синонимов. Примеры такого рода наиболее близки к «классической» форме *эпанода*:

*«Нынешний, 2015 год имеет особое символическое значение. Мы будем отмечать две значительные для нас исторические даты: **1000-летие со дня кончины** крестителя Руси, святого **князя Владимира**, и **70-летие** великой **Победы** нашего народа. // **Одно из этих событий** отсылает нас к религиозному выбору Руси, **другое** – к его последствиям, когда наш народ, воспитанный на тысячелетних православных идеалах справедливости и братства, избавил мир от порабощения нацистами, назначившими себя «расой господ», а другие народы – сборищем недочеловеков, обреченных на вечное рабство» (6, с. 42).*

В большинстве случаев конструкции, относящиеся к разновидностям анатомии, включают в себя в первой части обобщенное наименование того, что во второй части этой фигуры делится на части, т. е. могут быть названы формами *дигестии*.

Заметную группу среди таких конструкций составляют высказывания, в которых вторая их часть представляет собой беглое перечисление неких персон, фактов, качеств и т. д. (т. е. *последовательности однородных членов*). Это, если можно так сказать, экономный способ органи-

⁵⁰ См. подробнее в Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 891.

зации дигестии, позволяющий очертить границы затрагиваемой темы максимально широко, но лаконично. Например:

*«Одно перечисление **выдающихся имен русских и зарубежных исследователей**, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. // В этом списке окажутся очень разные люди – такие, как **Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер**» (3, с. 17).*

Следующий вариант построения анатомии представляют контексты, в которых во второй части ранее названный объект рассмотрения представлен в виде ряда противопоставленных друг другу объектов. Такие контексты могут квалифицироваться как примеры *дивизии*. Например:

*«Сегодня нередко **слышатся голоса**, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески крипикую значение других периодов. // **Кто-то идеализирует** дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего, кроме гонений на Церковь и политических репрессий. **Другие утверждают**, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого – лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость» (5, с. 31).*

Усложнение разделенной части анатомии компенсируется появлением при ней *энумерации*. Энумерация также является отражением иерархических отношений внутри разделенной части анатомии:

*«При этом я хотел бы подчеркнуть, что ни один человек, принадлежащий к другому народу в России, не должен быть ограничен в своих правах и возможностях. // Одним из непременных условий межнационального согласия должно быть, **во-первых**, осуществление права народов нашей страны на этнокультурное развитие, при котором государствообразующий русский народ не может быть исключен из процесса. И **во-вторых**, формирование многонациональной гражданской и цивилизационной общности, осознание всеми людьми,*

принадлежащими к различным этносам и народам, своей сопричастности к единому обществу, к единой стране, чтобы каждый мог гордиться тем, что он является гражданином свободной России» (3, с. 22).

Эпимона

Следующая фигура повтора – *эпимона* (греч. *ἐπιμονή* ‘упорство, постоянство, задержка, остановка’). Она представляет собой текст, который состоит из нескольких частей, близких по смыслу, но отличающихся в формальном отношении. Отличие эпимоны от пролепсиса и анатомии очевидно: в ней нет четкого разграничения на абстрактное и конкретное или обобщенное и составленное из частей.

Коснемся кратко вопроса о том, как описывается эпимона в риторических исследованиях. По словам Деметрия Фалерского, греческого ратора, время жизни которого определяется неоднозначно (либо III в. до н. э., либо I в. н. э.), эпимона нужна для того, чтобы делать стиль изложения живым и выразительным, хотя и способным вызвать упреки в излишнем многословии³¹. Деметрий приводит любопытный пример использования эпимоны: «Один мидийский воин, некто Стриангей, в схватке сбросил с лошади женщину-сакидянку – а надо сказать, что женщины в Сакии сражаются на скаку, подобно амазонкам. Пораженный красотой и юностью сакидянки, он дал ей возможность спастись. А после того как заключено было перемирие, влюбился в нее, но ответа не получил, и тогда он решил лишиться себя жизни, но прежде написал письмо к этой женщине и так укорял ее: „Ведь это я спас тебя, ведь мною ты спасена, и вот теперь из-за тебя же погиб я“»³².

Эпимона может упоминаться в риторической литературе и под другими названиями. Так, М. Л. Гаспаров

³¹ См.: Античные риторика... С. 271.

³² Там же.

в античной системе фигур мысли выделяет фигуру под названием *задержка* (лат. *commoratio, exprolitio*), суть которой состоит в повторении одного и того же на разный лад: «*отечество стоит жертв, всякая жертва ничто перед благом отечества, как не пойти на жертву ради отечества*»⁵³.

В современных риторических исследованиях констатируется, что эпимона – «понятие, неоднозначно трактуемое в лингвистике»⁵⁴. Эпимону находят в соседних высказываниях и когда в них есть «прямой» лексический повтор или повтор предложения⁵⁵, и когда имеется повтор вариативный (ср. выше: *я спас тебя, ведь мною ты спасена*), и когда имеется повтор не столько формальный, сколько смысловой, осуществляемый с помощью синонимов, других парадигматических объединений слов и перифрастических выражений (ср.: «Рук ни на кого не возлагай поспешно и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым (1 Тим. 5: 22)»)⁵⁶. Обобщающим можно считать определение эпимоны, используемое А. А. Волковым: эпимона – это «фигура, состоящая в полном или перифрастическом повторе частей какой-либо фразы в различных контекстах и в сочетании с разными словами»⁵⁷.

Речевой феномен, названный здесь эпимоной, обнаруживается в текстуальных исследованиях, не использующих терминологию риторики. В области стилистики текста выделяются, например, так называемые *развернутые вариативные повторы* (РВП) – «специфические для научного текста средства, представляющие собой структурно-смысловые сегменты целостного повествования и соотносящиеся с ранее высказанным в тексте положе-

⁵³ *Гаспаров М. А.* Античная риторика как система... С. 449.

⁵⁴ *Культура русской речи...* С. 780.

⁵⁵ См., например, в *Хазарегов Г. Г.* Риторический словарь... С. 242.

⁵⁶ *Волков А. А.* Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. С. 236.

⁵⁷ Там же.

нием (мыслью) <...>, вариативно, с привнесением нового смысла „повторяющие“ его»³⁸.

Принцип, положенный в основу организации эпимоны, известен и в других – не собственно словесных – искусствах. Он, в частности, образует основу такого важнейшего кинематографического явления, как *монтаж*.

Эпимона, как и другие рассмотренные ранее фигуры (пролепсис и анатомия) относится к разновидностям фокализации. Она даже более наглядно, чем названные фигуры, демонстрирует основной принцип фокализации: один объект наблюдения – два разных взгляда на этот объект.

Рассмотрим самые яркие случаи использования эпимоны в речах Патриарха.

«Феномен русской монолитности объясняется тем, что в нашем национальном самосознании исключительное место занимает *связь личности с государством*. // *Этническая идентичность русских* в большей степени, чем у любых других народов, сопряжена с *идентичностью государственной*, с *российским патриотизмом* и *верностью государственному центру*» (4, с. 27).

Интересно, что мы можем прочесть этот текст не только по горизонтали, но и по вертикали, осуществив, если так можно сказать, параллельное дефинирование обсуждаемых концептов. Сделав это, мы обнаружим, что социальное трактуется здесь через национальное: *феномен русской монолитности* имеет основой *этническую идентичность русских*, а *связь личности с государством* для русского человека сопряжена с *идентичностью государственной*, с *российским патриотизмом* и *верностью государственному центру*. Подобное перекрестное прочтение допускают и другие относимые нами к примерам эпимоны компактные тексты.

³⁸ Данилевская Н. В. Вариативные повторы как средство разветвления научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.: В 3 т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. I. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 268.

Части эпимоны могут быть дифференцированы соотношением *фокусов повествования*, т. е. соотношением разных взглядов на события:

«На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. // Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения» (З, с. 17).

В этом примере части эпимоны различаются указаниями на носителей обозначенного мнения: *сам говорящий* и *кто-то из людей*.

Эпимона может быть построена на цитации, т. е. синтаксически выраженной *фокализации*.

«И конкуренция в таком солидарном обществе поощряется как соревновательность, но не как борьба за выживание. // Святой Сергей Радонежский научает нас „воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего“» (З, с. 19).

Эпимона может включать не два, а три элемента. Например:

«Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении многих веков, является идея человеческой солидарности. // Со времен Крещения Руси слова Спасителя о том, что „нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих“ (Ин. 15: 13), подобно камертону, настраивали мысли и чувства наших предков на служение евангельскому нравственному идеалу. // Иван Александрович Ильин, представитель той самой философии, о которой я сказал выше, определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его „организованным единением духовно солидарных людей“» (З, с. 18).

Эпимона чаще всего является *вещающей фигурой*.

Приведем пример такой эпимоны, в которой ее части вмещают не фигуры мысли, а фигуры речи, в данном случае *период*.

«Где нарушается принцип уважения одного народа к другим, где нарушается принцип уважения к старшим, особенно к пастырям, где забываются обычаи гостеприимства и помощи ближнему – там не помогут никакие материальные

блага, никакие достижения. // Ни хорошие дороги, ни хороший транспорт, ни хорошие гостиницы не сделают людей счастливыми и не привлекут сюда столь необходимые для развития средства» (2, с. 12).

Эпифонема

Фигурой, в известной мере противоположной проlepsису и эпаноду, является так называемая **эпифонема** (греч. *ἐπίφωνμα*, от *ἐπί* ‘после’ + *φώνημα* ‘звук, речь’).

Роль этой фигуры в организации текста выразительно описана в книге Деметрия «О стилях»: «106. Так называемая эпифонема, определяемая как украшающий словесный оборот (*lexis*), в высшей степени способствует величавости, ведь одни словесные обороты служат [выражению мысли], а другие [употребляются] для украшения. [Приводимая фраза] служит для [выражения мысли]: „...Как гиацинт на полях, что в горах пастухи попирают ногами“, а заключение служит для украшения: „и – памятный – к земле цветок пурпурный никнет“, ведь оно явно придает стройность (*cosmos*) и красоту (*callos*) предшествующим стихам...»³⁹ За пределами цитаты Деметрий сравнивает эпифонему с разнообразными архитектурными украшениями, например карнизами зданий. Итак, у Деметрия эпифонема – это прежде всего средство украшения, а сама она представляет собой некое афористическое выражение, некую сентенцию по поводу сказанного.

В современных риторических справочниках эпифонема квалифицируется с некоторыми разночтениями, касающимися в основном включающего ее родового понятия. О. С. Ахманова описывает эпифонему как фигуру речи⁴⁰, В. П. Москвин – как психологический прием⁴¹,

³⁹ Античные риторика... С. 256.

⁴⁰ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. С. 527–528.

⁴¹ См.: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 905–906.

А. П. Сквородников относит ее к стилистическим приемам плеонастического типа⁴², Г. Г. Хазагеров – к фигурам плеонастической группы⁴³. Приведем определение, предложенное Г. Г. Хазагеровым, полностью: эпифонема – «фигура плеонастической группы, состоящая в прибавлении к высказыванию заключительного предложения, часто моралистического, афористического характера, не добавляющего ничего в информативном отношении, но служащего эмоциональным заключением»⁴⁴.

Кажется все-таки, что утверждать, будто эпифонема абсолютно ничего не добавляет к ранее высказанному сообщению, – значит противоречить примерам ее употребления. Какие же смыслы выражает эпифонема?

Во-первых, она нужна для оценочной/модальной квалификации сообщаемого – и в этом, по-видимому, ее главная роль. Оценочности и модальности как более широкому явлению посвящена огромная лингвистическая литература⁴⁵, и поэтому мы не будем касаться этого вопроса. Назовем только основные типы модальности. В. С. Руднев выделил следующие: 1) *алетическая* (от др.-греч. *ἀληθής* ‘истинный’) модальность необходимости, возможности и невозможности. Все аксиомы математики и логики являются необходимо истинными, например: $2 \times 2 = 4$; 2) *деонтическая* (от др.-греч. *δέοντος* ‘должное, необходимое, обязанность’) модальность нормы. Она предписывает, что должно, что разрешено и что запрещено; 3) *аксиологическая* (от др.-греч. *ἀξιολόγος* ‘значительный, замечательный’) модальность, своим содержанием имеющая выражение негативной, позитивной и нейтральной оценки; 4) *эпистемическая* (от др.-греч. *ἐπιστήμη* ‘научное

⁴² См.: Культура русской речи... С. 783.

⁴³ См.: Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 244.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См., например: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988; Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

знание, наука') модальность знания, незнания, полага-
ния; 5) *временная* модальность (*прошлое, настоящее, буду-
щее*); 6) *пространственная* модальность (*здесь, там, нигде*)⁴⁶.
На наш взгляд, в этот список из шести модальностей мож-
но добавить *количественную* или *квантитативную* модаль-
ность (*много, мало, достаточно*).

Во-вторых, постпозитивные суждения также часто передают какое-либо общее правило, характеризуют нор-
му, рамки, фон или дают другую пояснительную инфор-
мацию, проясняют релевантность данной истории для той ситуации, в которой она рассказывается⁴⁷.

Именно такое комплексное содержание мы будем вкладывать в понятие эпифонемы. Соответственно, рас-
пределить их попытаемся на основании их самого яркого признака – способности выражать оценку.

В текстах Патриарха находим целый ряд эпифо-
нематических конструкций, выражающих *алетическую*
модальность (модальность необходимости, истинности,
«фактичности» того, о чем идет речь, возможности):

*«Для всех народов России их страна – это их родной дом,
другого нет»* (5, с. 33).

*«Велика ошибка тех политиков, которые игнорируют рели-
гиозный фактор в государственных делах. Как нередко он являет-
ся созидющим и во многом решающим фактором в формировании
человеческой общности, так он может быть и разрушительным.*

И история это подтверждает» (7, с. 50).

Как нам кажется, мы можем констатировать осо-
бую роль алетической модальности в речах Патриарха:
это модальность нужна для установления незыблемости,
безусловности некоторых выдвигаемым им положений.
Декларирование аксиоматичности таких положений,
как мы хорошо понимаем, на некоем глубинном уровне

⁴⁶ См.: Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 174–177.

⁴⁷ См. подробнее в Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуни-
кация... С. 210–213.

является средством полемики, поскольку аксиоматичность этих положений признается не всеми, более того, отрицается оппонентами Патриарха и представляемой им идеологии и философии жизни.

Приведем примеры эпифонематических конструкций, несущих модальность долженствования – *деонтическую* модальность.

«На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. <...> Нельзя повторять ошибки тех, кто, по меткому выражению Александра Зиновьева, „целился в коммунизм, а попал в Россию“» (5, с. 31).

Обратим внимание на наличие в этом контексте так называемого прецедентного выражения. Их наличие обусловлено тенденцией к афористичности, которая проявляется в эпифонеме.

Деонтическая модальность может быть выражена типизированными конструкциями.

*«На примере этих сопоставлений видно, что именно духовно осмысленный, ценностный подход лучше всего помогает понять единство и непрерывность нашей истории. Мы видим, что Россия оставалась Россией во все века, при всех формах правления и всех политических режимах. **Дай Бог, чтобы это было всегда**»* (6, с. 42).

В данном случае эпифонема оформлена посредством диалогической фигуры – *адхортации* (лат. *adhortatio* ‘ободрение, поощрение’), или *призыва*. Это вполне нормальное и закономерное явление, поскольку диалогические фигуры, подобные призыву, хорошо «приспособлены» для выражения оценки.

Теперь приведем примеры эпифонем, содержащих аксиологическую и квантитативную модальность.

*«Он (плюрализм. – Авт.), как бы об этом ни говорили, раздробляет общество. **И мы знаем, что эта множественность, этот плюрализм небезобидны, особенно в предвыборное время, когда общество напрягается, когда борьба кандидатов проецируется на все общество**»* (1, с. 5).

«На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. **Черно-белой** схемы здесь явно недостаточно» (5, с. 31).

Эпифонема, как и пролеписис, анатомия и эпимона, может быть организована как вмещающая фигура.

Лигатура

В теории текста хорошо известен такой способ организации текстовой когезии, как цепная и параллельная связь⁴⁸. Основу обоих типов связи исследователи находят в особом превращении уже известного в новое, затем превращении этого нового в уже известное и последующем его дополнении каким-либо «новым новым» и т. д. Динамика уже известного и нового в тексте образует так называемую **тема-рема-тическую прогрессию**. Существует две ее разновидности. Одна может быть схематически изображена следующим образом (далее используем сокращения *Тема* – *T*, *Рема* – *P*):

$T^1 - P^1. (P^1 = T^2) T^2 - P^2. (P^2 = T^3) T^3 - P^3. (P^3 = T^4) T^4 - P^4. (P^4 = T^5) T^5 - P^5. (P^5 = T^n) T^n - P^n...$

Другая – так:

$T^1 - P^1.$

$T^2 - P^2.$

$T^3 - P^3.$

$T^n - P^n...$

На когнитивном, т. е. глубинном, уровне прогрессия, по-видимому, осуществляется путем отражения в новой теме не только «старой» ремы, но всего тема-рема-тического комплекса, представленного в предыдущем предложении. Ссылаясь на Л. Н. Мурзина, В. Н. Мещеряков пишет, что «в динамике текстообразования темой каждого последующего предложения становится содержание каждого предшествующего предложения (т. е. его темы

⁴⁸ См. об этом, например, в Мещеряков В. Н. Актуальное членение предложения // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 11–14; Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1997. С. 8–16.

и ремы)»⁴⁹. Таким образом, вопрос о формальном выражении прогрессии переходит в вопрос о языковых трансформациях. Это очень обширная проблема⁵⁰. Естественно, мы не можем ее касаться подробно в силу ограниченности объема работы. Позволим себе только отметить, что механизм задействованной в образовании текста прогрессии должен опираться на все возможные языковые преобразования, отраженные в описаниях парадигматически организованных ресурсов языка, таких как: анафорическая замена (*человек – он*), синонимы, гипонимы и гиперонимы, слова одной лексико-семантической и тематической групп, результаты словообразовательных и грамматических трансформаций, перифразы, соотношение номинаций, представляющих экстенционал и интенционал высказывания, и т. д.).

Вот здесь и находится корень необходимости придумать для текстовой прогрессии новое риторическое наименование. «Старые», существующие в риторике, – отметим это, несколько забегаая вперед, – концептуализации тема-рематической прогрессии «завязаны» на самые очевидные *лексические повторы*, при этом вся гамма возможностей языковых преобразований, которые тоже могут быть задействованы в организации тема-рематической связи предложений в составе текста, риторикой, как представляется, игнорируется.

Мы в своем анализе стараемся выйти за рамки лексического повтора и предлагаем принять существование такой фигуры мысли, которая концептуализирует построение текста на основе тема-рематической прогрессии, выражающейся разными способами, не только «про-

⁴⁹ См. об этом, например, в *Мещеряков В. Н.* Актуальное членение предложения // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 11–14; *Солганик Г. Я.* Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1997. С. 8–16.

⁵⁰ См. об этом, например, в *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

стым» повтором одинаковых слов. Назовем эту фигуру *лигатура* (лат. *ligatura* 'связь'). Этот термин, как известно, используется в лингвистике для обозначения «сросшихся» букв: $A + E = \mathcal{AE}$, применение его для обозначения текстового явления, построенного по тому же принципу, т. е. по принципу сращения соседствующих частей знака, кажется обоснованным. В нашем случае, возможно, следует также говорить о *риторической* или *текстовой лигатуре*.

Теперь дадим определение обсуждаемой фигуре: лигатура – это фигура мысли, которая состоит в организации текста посредством объединения составляющих его высказываний на основе тема-рематической прогрессии. Средствами связи предложений в рамках лигатуры выступают все имеющиеся в языке субституционные формы одного содержания.

В области риторики тема-рематическая прогрессия и, соответственно, лигатура соотносится с таким явлением, как *контактный упорядоченный повтор*. В наибольшей степени лигатуре соответствует так называемый *анадиплозис* (греч. *αναδιπλωσις* 'сдвоенность, извилистость'), понимаемый как «повтор в начале одного предложения (или другого отрезка речи) слова, стоящего в конце предыдущего предложения (или другого отрезка речи)»⁵⁴, вариант термина – *анадиплосис*, синонимы – *подхват*, *стык*, *реприза* (фр. *reprise* 'возобновление') и некот. др. Процитированное определение в принципе дублируется и в других источниках. Отметим коренное различие лигатуры и анадиплозиса. Последний, как видно из его определения, замыкается на уровне лексического (или фонетического), т. е. всегда «буквального», повтора. В лигатуре, как уже тоже говорилось, повтор может быть не только «буквальным». Разновидностью лигатуры можно считать фигуру *хиазма* (от названия греч. буквы χ – хи). Анадиплозис представляет собой спецификацию лигатуры, потому что в его основе лежит лексический повтор стыковых

⁵⁴ *Хазарев Г. Г. Риторический словарь...* С. 159.

элементов конструкции. Хиазм можно рассматривать как спецификацию анадиплозиса, поскольку в нем требуется не только единство стыковых элементов, но и единство элементов «крайних».

Путем повторения анадиплозиса образуется так называемый *цепной повтор*. Г. Г. Хазагеров так и определяет не сам феномен, но его наименование – как «русский термин для продолженного, пространного анадиплозиса, когда следующая фраза начинается с того, чем закончилась предыдущая»⁵². В цитируемом словаре приводится и самый, наверное, знаменитый пример цепного повтора, в котором излагается земная генеалогия Иисуса Христа из первой главы Евангелия от Матфея:

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его; <...> Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос» (Мф. 1: 2–16).

При определении содержания анадиплозиса (и, соответственно, цепного повтора) указывают две основные его функции: во-первых, он нужен для «демонстрации логической последовательности»⁵³, во-вторых, для «живописной демонстрации последовательных действий, событий, мыслей»⁵⁴. То же самое, очевидно, могло быть сказано и относительно цепного повтора.

На наш взгляд, анадиплозис нужен прежде всего не для демонстрации логической последовательности (если понимать ее как последовательность вывода), а для демонстрации *концептуальной* последовательности. Взгляд (и мысль) говорящего как будто скользит по ярусам и этажам соответствующего концепта, при этом взгляд этот непрерывен, отмечает точки сопряжения составных частей концепта, выстраивает их в виде цепи. Вот так

⁵² Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 235.

⁵³ Там же. С. 159.

⁵⁴ Там же.

и получается текст, который мы пытаемся сейчас определить с помощью термина *цепной повтор*. А вот если говорящий наденет на этот текст «узду» логических коннекторов, то получит уже превращенный анадиплозис, логическую фигуру, т. е. *сорит* (см. ниже).

Все перечисленные формы организации текста восходят к некоему образцу, некоей протофигуре, которую мы назвали *риторической лигатурой*. Отметим, что в риторике выделяются и другие фигуративные варианты текстовой лигатуры.

Теперь обратимся к текстам Патриарха. Надо здесь сразу сказать, что риторическая лигатура является его излюбленной фигурой, воплощается во множестве контекстов и самыми разными способами содержательно и формально варьируется.

Лигатура может иметь две, три, четыре ступени и даже более. В силу недостатка места рассмотрим только один из самых распространенных примеров лигатурной последовательности в речах Патриарха.

*«Еще одной важной темой, которую я хотел бы сегодня непременно затронуть, является положение **христиан** на Ближнем Востоке и в Северной Африке. // Они оказались там фактически брошенными на произвол судьбы и **подвергаются гонениям** со стороны экстремистов. // Совершенно беспрецедентные **притеснения** терпят **наши братья** и сестры в Сирии и Ираке. // **Христиане** массово **покидают Ближний Восток** - // то самое место, где возникло христианство. // **Такая ситуация** грозит обернуться полной **потерей христианского присутствия** в регионе.*

*Русская Православная Церковь обращает внимание мирового сообщества на эту катастрофу, **старается оказывать** страждущим **разностороннюю помощь**. // В этой сфере весьма ценным является **взаимодействие Церкви и государства**. // И одна из **ведущих ролей** в этом процессе принадлежит **Российскому парламенту**. // 14 ноября прошлого года **Государственная Дума** приняла **важное заявление** „О грубых и массовых нарушениях прав религиоз-*

ных и национальных меньшинств в связи с обострением ситуации в Сирии и Ираке»». // **Этот документ** стал важным свидетельством особой роли России в защите **страждущих христиан Ближнего Востока**. // **Последние страждущие христиане там сегодня видят надежду на спасение только в России** и говорят нам об этом на самом высоком уровне, на уровне патриархов, руководителей христианских общин» (6, с. 47).

Этот текст представляет собой последовательность двух лигатур. Покажем их экспликацию.

Первая последовательность:

- 1) важная тема – положение христиан на Ближнем Востоке;
- 2) они (христиане) – подвергаются гонениям со стороны экстремистов;
- 3) притеснения – терпят наши братья и сестры в Сирии и Ираке;
- 4) христиане – покидают Ближний Восток;
  - 4') Ближний Восток – место, где возникло христианство;
- 5) такая ситуация – потеря христианского присутствия в регионе.

Вторая последовательность:

- 1) Русская Православная Церковь – старается оказывать помощь страждущим;
- 2) в этой сфере – ценным является взаимодействие Церкви и государства;
- 3) одна из ведущих ролей роль в этом процессе – принадлежит Российскому парламенту;
- 4) Государственная Дума – приняла заявление;
- 5) этот документ – свидетельство защиты страждущих христиан;
- 6) последние страждущие христиане – видят защиту только в России.

В первой последовательности обнаруживаем феномен расходящейся лигатуры: мысль христиане – покидают Ближний Восток закономерно продолжается мыслью Ближний

Восток – место, где возникло христианство. Опорным элементом здесь является номинация *Ближний Восток*. А вот следующая мысль связывается не с этим опорным словом, а со всем предшествующим высказыванием: *такая ситуация* (т. е. то, что христиане покидают Ближний Восток) – *потеря христианского присутствия в регионе*. Подобную лигатуру мы называли *расходящейся* на том основании, что предшествующий элемент обуславливает возникновение двух (в принципе – и более) следующих элементов последовательности.

Обратим также внимание на то, что и в данном случае лигатурные последовательности могут приобретать *циклический характер*, т. е. реализовывать фигуру *хиазма*. Ср.:

они (христиане) – подвергаются гонениям со стороны экстремистов;

притеснения – терпят наши братья и сестры в Сирии и Ираке.

Лигатура, как и другие фигуры повтора, может включать в качестве строевых элементов иные фигуры мысли.

Логические фигуры

Общее представление о логических фигурах

В предыдущей части исследования мы пытались показать, как используются Патриархом Кириллом фигуры повтора, призванные сформировать у слушателя целостное впечатление о предмете речи.

В этой части остановимся на фигурах, которые важны для оратора в несколько ином отношении. Любая концепция должна быть доказана и противопоставлена другим концепциям. Для выполнения этих двух задач нужны так называемые **логические фигуры**. Разбору этих фигур и будет посвящена данная часть.

Логические фигуры мысли – это конструкции, в которых реализуются так называемые логические отноше-

ния. В состав последних, как известно, включаются отношения *конъюнкции, дизъюнкции, отрицания, импликации, эквиваленции*.

Для нас особую актуальность имеют отношения импликации, конъюнкции и эквиваленции.

Отношения импликации выражаются в так называемых *силлогистических фигурах*. Эти фигуры формируются с помощью наложения на конструкцию из двух (минимум) пропозиций отношений логической импликации, или, если оперировать фактами естественного языка, отношений, выражаемых союзами и аналогами союзов *потому что, так как, поэтому* и некоторыми другими словами.

В лингвистике импликативные отношения указанного типа исследуются в рамках теории функциональной грамматики и именуется обычно *отношениями обусловленности* или *каузальными отношениями*⁵⁵.

Теперь коснемся истории представления силлогистических фигур в специальной литературе. В центре группировки силлогистических фигур находится *силлогизм* (греч. *συλλογισμός* ‘подытоживание, рассуждение’ < гл. *συλλογίζομαι* ‘подытоживать, умозаключать’ < предлог *σύν* ‘с, вместе, совместно’ + *λογίζομαι* ‘считать, рассчитывать’ < *λόγος* ‘слово, речь, разум, мнение’). Опреде-

⁵⁵ См. подробно в *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.; *Евтюхин В. Б.* Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. С. 143–145; *Евтюхин В. Б.* Категория обусловленности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995.; *Евтюхин В. Б.* Категория обусловленности в современном русском языке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997.; *Евтюхин В. Б.* Обусловленность в тексте // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 208–217.

ление его Аристотель повторяет несколько раз в своих «Аналитиках». Самое раннее таково: «Силлогизм <...> есть речь, в которой если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного, в силу того что положенное есть» (Аналитика 1-я, 24b 17–20)⁵⁶.

В современной логике силлогизмом называется форма дедуктивного умозаключения, в которой из двух высказываний (посылок) субъектно-предикатной структуры следует новое высказывание (заключение) той же логической структуры⁵⁷.

Среди множества разновидностей силлогизмов Аристотель выделяет и силлогизм риторический. После подробного анализа перестановок терминов в силлогизме он пишет: «...не только диалектические и доказывающие силлогизмы получают через ранее указанные фигуры, но также силлогизмы риторические и вообще всякий способ убеждения, каким бы он ни был. Ибо мы всегда убеждаем или через силлогизм, или путем наведения» (Аналитика 1-я, 68b 10–15).

Рассуждая об уместности «мудрствований» в дружеском письме, Деметрий отмечает, что Аристотель, изобретатель силлогизмов, мог создавать логические доказательства «подходящим для письма образом»: «Например, желая дать поучение [своему воспитаннику], что следует оказывать благодеяния одинаково и большим и малым городам, он говорит: „*Боги равны и в тех, и в других городах, а поскольку Хариты – богини, они будут благосклонны к тебе равным образом и в тех, и в других [городах]*“». Мысль, которую он здесь хочет доказать, уместна в письме так же, как и само доказательство⁵⁸. В пересказе Аристотеля силло-

⁵⁶ Трактаты Аристотеля по логике цитируются по изданию *Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.*

⁵⁷ См.: *Философский энциклопедический словарь. М.: Энциклопедия, 1983. С. 606.*

⁵⁸ *Античные риторика... С. 274.*

гизмами размышляют и мифологические персонажи. Так, в его «Поэтике» один из способов реализации особой повествовательной категории – узнавания, а именно узнавание через умозаключение, иллюстрируется следующим примером из трагедии Эсхила «Хоэфоры»: «Пришел кто-то похожий [на меня], но похож [на меня] Орест, стало быть, это пришел Орест» (16, 1455а 5–10)⁵⁹.

Отметим также, что о превращении логического силлогизма в риторический отдельно писал Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике»: «§ 119. Три части силлогизма располагать можно разным порядком, присовокупляя к ним причины и украшая их тропами и фигурами, для того чтобы они риторический, а не логический вид имели».

Кроме силлогизма Аристотель констатирует наличие такой разновидности убеждения, как *наведение*. В современной логике наведение трактуется как *индуктивное умозаключение*. Определяя разницу между силлогизмом и наведением, Аристотель пишет, что «в первом случае принимают [посылки] как бы от знающих, а во втором общее доказывается на основании того, что очевидно частное» (Аналитика 2-я, 71а 6–7). Аристотель справедливо отмечает, что хотя умозаключение через обычный силлогизм «...первое и более известно, но для нас умозаключение через наведение более наглядно» (Аналитика 1-я, 68b 35–37).

Наглядность умозаключения, как нам кажется, связана с одним «снятым» моментом структуры рассуждения. Нагляднее то, что соответствует наведению (индуктивному доказательству), т. е. помещает итог доказательства в постпозиции, после приведенных аргументов. В данном случае слушатель и/или читатель как бы приглашается автором речи к совместной работе, целью которой является отыскание некоего нового знания из знания уже

⁵⁹ Текст «Поэтики» цитируется по переводу М. Л. Гаспарова: *Аристотель. Сочинения*: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 645–680.

имеющегося. Таким образом, исходным в последующем анализе риторических силлогистических фигур будем считать два их типа. Первый тип – это силлогизм и его формы, второй – наведение. В силлогизме аргументы даются, как несколько туманно указывает Аристотель, как бы от знающих. В наведении очевидно частное, и из него делается какой-то вывод. Это деление логическое. Деление собственно лингвистическое построим на другом, «снятом» моменте силлогизма и наведения – порядке расположения аргумента и тезиса.

Для нас силлогизм и его производные – это не столько способы получения нового, которое «вытекает» из старого, сколько компактный текст, структура которого определяется обязательным наличием (которое, впрочем, может быть выражено имплицитно) некоторых отношений между его частями. Вот это лингвистика, все остальное логика.

В каких конкретно формах выражаются силлогизм и наведение в риторическом тексте, покажем ниже, однако уже сейчас можно сказать, что это так называемые *энтимемы*.

В логике выделяют также логические структуры, которые состоят из нескольких силлогизмов. Они именуются *полисиллогизмами* (от греч. *πολύ* ‘много’). Уместно, на наш взгляд, рассматривать полисиллогизмы и как риторические феномены.

Кроме силлогистических структур в состав логических фигур входят *антитеза* и *определение*, которые тоже будут рассмотрены далее.

Энтимема

Чаще всего представителем силлогизма в риторическом тексте является так называемая *энтимема* (греч. *ἐνθύμησις* < *ἐν θυμῷ* ‘в уме’).

В 1-й «Аналитике» Аристотель определяет энтимему через понятие незаконченного сообщения или знака: «Энтимема есть именно силлогизм из вероятного или

из знака» (Аналитика 1-я, 70а 10–12). Как конвертируется энтимема в силлогизм и как происходит обратный процесс, Аристотель показывает достаточно ясно. Он пишет: «Если же высказана будет лишь одна посылка, то получается один знак; если же прибавлена и другая посылка, то получается силлогизм, как, например, что Питтак щедр, ибо честлюбивые щедр, Питтак же честлюбив» (Аналитика 1-я, 70а 24–27). В самом деле: уберем из аристотелевского силлогизма последнюю часть – получим энтимему «*Питтак щедр, ибо честлюбивые щедр*», поставим опущенную посылку на ее место – опять получится полный силлогизм.

Следует подчеркнуть: в «Риторике» Аристотель, по сути дела, произносит хвалебную оду энтимеме: «До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное не что иное, как аксессуары (*prosthēcai*). Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу» (Риторика, 1354а 10–20)⁶⁰. И несколько ниже: «...способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда более в чем-нибудь убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вообще говоря, есть самый важный из способов убеждения...» (Риторика, 1355а 5–10). Положение дел, описанное выше, было во многом характерно и для последующих этапов развития риторики, хотя, разумеется, не было абсолютным: известен интерес преподавателей риторики к построению так называемых *свазорий* и *контроверсий* – особых аргументативных речей в Древ-

⁶⁰ Текст «Риторики» цитируется по переводу Н. Платоновой в издании: Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С.15–166.

нем Риме⁶¹, в Новое время преподаватели риторики всегда отличались «любовью» к построению хрии – особой квазилогической формы рассуждения (см. о хрии ниже), сейчас издаются труды по проблемам аргументации⁶², переиздаются и пишутся новые работы по церковной гомилетике⁶³. Так что об «аксессуарях» говорится по-прежнему много, но и о сути доказательств тоже немало, хотя здесь и остаются ощутимые лакуны, одну из которых мы пытаемся заполнить, рассматривая фигуры мысли – основной материал всякого рассуждения.

Современные словари риторических терминов, как правило, игнорируют энтимему. Исключением здесь является словарь Г. Г. Хазагерова, который включает энтимему в раздел «Логические основы аргументации» и определяет как «сокращенный силлогизм, в котором один из терминов опускается»⁶⁴. Как видим, определение действительно дается не лингвистическое, а логическое.

Мы рассматриваем энтимему как фигуру мысли вообще и как развитие структурных фигур в частности: семы высказываний, соответствующих аргументу и выводу, безусловно, находятся в определенном соотношении, которое может быть описано с помощью риторических топосов: *настоящее* и *последующее*, *действие* и *страдание*, *действие (состояние)* и их *причина*. Важнейшей конституирующей особенностью энтимемы, однако, является не соотношение топосов, а именно отношение вывода одной информации из другой, т. е. отношение вывода, как бы наложенное на изначальное топологическое отношение.

⁶¹ См. подробнее в *Козаржевский А. Ч.* Античное ораторское искусство. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

⁶² См., например: *Москвин В. П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д: Феникс, 2008; *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008.

⁶³ См., например: *Игумен Тарасий (Ланге).* Искусство церковной проповеди: Учебно-методическое пособие по гомилетике. Смоленск: СПДС, 2013.

⁶⁴ *Хазагеров Г. Г.* Риторический словарь... С. 81.

Ср.: *Книга имела большой успех. Следствием этого успеха стал выход продолжения книги* – это топологическая фигура; *Книга имела большой успех, поэтому автор написал продолжение* – энтимема.

Итак, примем следующее *определение* энтимемы: энтимема – это фигура мысли, состоящая из двух частей: положения, которое доказывается или выводится, и доказательства, или аргумента. Тезис и аргумент соединяются в энтимеме посредством особой ментальной операции, не сводимой только к констатации действительности, но осуществляющей некую ментальную ее трансформацию. Показателем доказательности или выводимости в энтимеме являются эксплицитные или имплицитные коннекторы типа *потому что, следовательно* и др.

Мы ориентируемся на языковой материал, поэтому выделим два типа энтимем. В первом случае тезис уже как будто известен заранее и только подкрепляется доказательствами. Во втором случае тезис мыслится как не известный заранее и выводится из неких аргументативных положений. В первом случае тезис препозитивен, во втором – постпозитивен. Иначе говоря, разделим выявленные в рассмотренных текстах энтимемы на два типа: фигуры, организованные по *дедуктивному принципу* – с препозитивным тезисом, и фигуры, организованные по *индуктивному принципу* – с постпозитивным выводом. Такой подход позволит нам остаться в пределах риторики и лингвистики и не «замахиваться» на собственно логический анализ проанализированных текстов. Соответственно, в дальнейшем мы будем говорить о *дедуктивных* и *индуктивных* энтимемах.

В наших источниках выделяется ряд **дедуктивных энтимем** как с эксплицитным, так и имплицитным коннектором:

Идея абсолютного ценностного приоритета свободы, свободы выбора, подчеркиваю, и отказа от приоритета нравственной нормы стала для западной цивилизации своего рода бомбой замедленного действия, поражающий эффект которой ста-

новится в полной мере очевидным лишь нам, людям XXI века, **потому что** наши предшественники, находясь под обаянием темы свободы, с легкостью поддерживали различного рода новшества, в том числе и законодательные, не задумываясь о том, что абсолютизация свободы выбора в отрыве от нравственных установок смертельно опасна для человека и общества, потому что **выбрать-то можно и зло**» (6, с. 38).

«Сегодня предпринимаются агрессивные попытки дестабилизировать межнациональные и межрелигиозные отношения в регионе. <**Потому что**> Некоторым внешним силам не дают покоя геостратегическое положение Северного Кавказа и Закавказья, мирный настрой людей, здесь живущих» (2, с. 14).

Дедуктивная энтимема с эксплицитными и имплицитными коннекторами может включать в себя усложненные аргументативные структуры. Вот пример энтимемы, аргументативная часть которой оформлена с помощью антитезы:

«Происходящее там (в обществах других стран. – Авт.) связано с попыткой подвергнуть сомнению фундаментальные, непреложные, Богом заложенные в человеческую природу, а потому абсолютные и универсальные нормы морали, пересмотр которых грозит серьезными опасностями для человеческого общества, **потому что** в результате границы между добром и злом размываются, а понятие справедливости, по укорененности в нравственной природе человека являющееся универсальным, интерпретируется в соответствии с господствующими философскими и даже политическими установками» (6, с. 37).

В следующем примере аргументативная часть оформлена как трехчастная эпимона:

«...Сибирь в рамках Российского государства изначально развивалась как пространство межнационального мира, взаимного уважения и соработничества разных народов. <**Потому что**> Российская стратегия освоения Сибири коренным образом отличалась от западноевропейских моделей колонизации. // Здесь не знали геноцида и резерваций, здесь не было деления на народы господ и народы рабов. // Русские переселенцы всегда

относились к коренным жителям северной Азии по-христиански, как к равным, стремясь устроить совместную жизнь к общему благу» (4, с. 25).

В оформлении аргументативной части принимают участие и фигуры речи – в нижеследующем контексте это период.

«Мы прекрасно понимаем, что сохранить наше Отечество – Россию – можно, только обеспечив межнациональный мир и взаимопонимание всех народов, ее населяющих. <Потому что> Если брат поднимет руку на брата, если каждая нация начнет обособляться от других, выкраивая из единого государственного организма лоскуты этнических уделов, то страну ожидает катастрофа, о чем достаточно красноречиво свидетельствует наша давняя и недавняя история» (4, с. 23).

О внешнем, факультативном характере периода по отношению к энтимеме пишет Деметрий: «...энтимема – это некоторое риторическое умозаключение (sillōgismos), тогда как период – нисколько не способ рассуждения, а только определенный порядок слов»⁶⁵.

Смысловой разновидностью дедуктивной энтимемы можно считать так называемое **доказательство от противоположного** (син. *argumentum a contraria*) – доказательство, построенное на отрицании противоположного суждения»⁶⁶. М. Л. Гаспаров приводит близкую по смыслу фигуру мысли – *дозволение* (лат. *permissio*, греч. *επιτροπή*), суть которой состоит в показном представлении позиции противника: *сделай так, как ты предлагаешь, и ты увидишь, как плохо это кончится!*⁶⁷

Приведем пример такого построения из наших источников.

Убеждён: *«не следует идею свободы противопоставлять другим фундаментальным ценностям. <Потому что> Те, кто хотел бы предать их забвению или принизить их,*

⁶⁵ Античные риторика... С. 243.

⁶⁶ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 71.

⁶⁷ Гаспаров М. Л. Античная риторика как система... С. 447.

должны понимать, что ослабляют сложившийся веками общественный уклад, который создал наше общество и делает его стабильным» (6, с. 40).

В «Риторике» Аристотеля содержится утверждение, что «...риторическим речам наведение не свойственно» (Риторика, 1394а 10–15). Доказывается это предположением, что оратор вряд ли начнет речь с длинного списка примеров, чтобы потом вывести из них некое положение. Высказанное здесь мнение не кажется таким уж безусловным. В любом случае конструктивный принцип наведения, или индуктивного доказательства, очень широко применяется в современной ораторской прозе вообще и в наших источниках в частности. Заключается он, как уже говорилось, в препозитивном расположении аргументов и в постпозитивном расположении вывода.

Индуктивная энтимема, как и дедуктивная, может строиться с помощью эксплицитных и имплицитных коннекторов. Приведем примеры.

«Феномен русской монолитности объясняется тем, что в нашем национальном самосознании исключительное место занимает связь личности с государством. Этническая идентичность русских в большей степени, чем у любых других народов, сопряжена с идентичностью государственной, с российским патриотизмом и верностью государственному центру.

Вот почему *чрезвычайно важно развитие национальных общественных организаций, основанных на традиционной для русских лояльности к своему государству»* (4, с. 27).

«Ценность любой цивилизации – в том, что она несет человечеству. И <поэтому> перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствованиях, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?» (3, с. 18).

Энтимема, как любая другая рамочная фигура, относительно безразлична к внутреннему строению своих частей – в данном случае аргумента и вывода. Происходит это потому, что образующее ее отношение между этими

частями – в данном случае логическое отношение импликации – как бы накладывается на уже сформированный текст. Конкретным выражением такой «двойной» структуризации энтимем, как и двойной структуриации других фигур мысли, является их способность включать в себя другие разнообразные фигуры мысли.

Вот, например, энтимема, в которой аргумент построен с помощью *лигатуры*, а вывод – с помощью *антитезы (акротезы)*, на которую «наложена» фигура *периода*):

*«Народ, разделившийся в понимании своей истории, становится неспособным сохранить **единство**. **Единство** и традиция как сила, передающая, в том числе, ценности и культурный код нации, являются неременным условием того, чтобы общество в любой исторический период сохраняло свою целостность и единство. <...> **Поэтому** вопрос единого подхода к истории, вынесенный в название нашего Собора, надо рассматривать **не как частный вопрос, не как проблему одной из научных дисциплин** – преподавания истории в школе, **но как** чрезвычайно важный вопрос государственного и национального бытия» (5, с. 31).*

Интересной особенностью речей Патриарха является употребление *диалогизированных энтимем*. К рассуждениям такого типа мы отнесем конструкции, та или иная часть которых оформляется в виде реплики диалога и, соответственно, того или иного речевого акта с формально выраженной иллокутивной составляющей⁶⁸.

«Не было на Руси народов-господ и народов-рабов. // Россия никогда не была тюрмой народов, здесь не было народов первого и второго сорта. // Не в этом ли кроется глубинное народное противление фашизму, который предлагал совершенно иную концепцию межнациональных отношений?» (3, с. 18).

⁶⁸ О типологии речевых актов см. в *Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 156–165.*

Разновидностью индуктивной энтимемы является **доказательство по аналогии** (греч. *ἀναλογία* ‘пропорция, соответствие, соразмерность’) трактуется в риторике следующим образом: «Рассуждение по аналогии – вид индуктивного рассуждения, когда на основе сходства предметов по одним признакам, делается заключение о сходстве их по другим признакам»⁶⁹.

Аристотель в «Риторике» пытался зафиксировать типы семантических связей, возводимых к аналогии. Ср.: «Еще один [топ получается] из взаимного отношения двух предметов <...>, как, например, [говорил] откупщик податей Диомедонт о податях: если вам не стыдно продавать – и нам не стыдно покупать» (1397a 23–27); «Еще один [топ получается] из понятия большего и меньшего, например: если даже боги знают не все, то едва ли [все знают] люди. <...> А [заключение], что бьет своих близких тот, кто бьет своего отца, [вытекает] из того, что если есть меньшее, то есть и большее, ибо реже бьют своих отцов, чем своих близких» (1397b 10–17). Широта возможностей аналогии определяет и ее отрицательное свойство: как отмечает Аристотель, в случае аналогии «возможно и неверное заключение» (1397a 27). Видимо, по этой причине рассуждений по аналогии в наших материалах немного. Вот одно из них:

«В свое время умные люди предупреждали и говорили: нельзя поворачивать [реки], не шутите с природой, в нашей терминологии – не шутите с Божиим замыслом, все в природе сбалансировано. <Поэтому> Нельзя, опираясь на современные достижения науки, шутить с Божиим замыслом в отношении человека» (6, с. 44).

В данном случае основа рассуждения – аналогия между запретом «шутить» с природой и аналогичным запретом, действующим в отношении человека, в принципе возводимая к описанному Аристотелем типу количественных соотношений в аналогии.

⁶⁹ Хазангеров Г. Г. Риторический словарь... С. 66.

Комбинированная энтимема

Энтимемы, совмещающие препозитивное положение доказываемого тезиса и постпозитивный вывод, рассматриваются в работах по логике как формы организации мысли, а в работах по риторике как отдельные феномены обычно не упоминаются, сам же принцип соединения тезиса, аргумента и вывода трактуется как элемент диспозиции⁷⁰.

Мы будем считать, что **комбинированная энтимема** – это выражение, содержащее в себе и логические коннекторы причинности (*потому что*), и логические коннекторы следствия, выводимости (*поэтому*).

Достаточно частотны комбинированные энтимемы в посланиях апостолов. Например:

«Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе.

Ибо, хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь.

Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда будет похвала от Бога» (1-е Кор. 4: 3–5).

«Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих.

Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов: я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.

Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1-е Кор. 4: 14–16).

Приведем примеры комбинированной энтимемы из наших источников:

«Важно обратить внимание на заботу о природных ресурсах. <Потому что> Рекреационный потенциал Кавказа огромен, но сегодня он используется без должной заботы о вос-

⁷⁰ См.: *Ивин А. А.* Риторика: искусство убеждать. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 43; *Маковельский А. О.* История логики. Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. С. 145; *Хазангеров Г. Г.* Риторический словарь... С. 66.

становлении экосистемы. <Поэтому> Должны вестись научные исследования в сфере охраны природы Кавказа, необходимо реализовывать программы по утилизации отходов, восстановлению флоры и фауны» (2, с. 13).

«Но рубежи России, как не раз говорилось на нашем Соборе, не сводятся лишь к географическому понятию, равно как и к заставам, пропускным пунктам, зонам таможенного контроля. // **Ведь** Россия – это не просто государство со своими границами, законами и учреждениями. // Это – страна-цивилизация, чьи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями. // **Потому** нашими рубежами являются и наши мировоззренческие установки, стоящие на страже нашей цивилизационной идентичности» (7, с. 49).

Структура, проявившаяся в комбинированной энтимеме, расширяясь, но оставаясь в рамках фигуративных явлений, порождает такой риторический феномен, как хрия (см. подробно ниже). Эта же структура может проявиться и на уровне целого текста.

Эпихейрема (контаминированная энтимема)

В рассмотренных текстах находим энтимемы с несколькими посылками, причем семантика этих посылок такова, что не позволяет рассматривать их как амплификацию одной посылки. Такие энтимемы, следовательно, можно рассматривать в качестве «наследниц» не одного, а нескольких (чаще всего двух) силлогизмов. В силу этого они обладают особым интересным качеством. Это качество состоит в том, что при наличии двух посылок из двух разных силлогистических структур такие энтимемы имеют и два вывода. В действительности обычно имеется только один, второй только подразумевается, при этом он, как правило, осознается слушателями, поскольку все-таки эксплицирован в одной из посылок.

Подобного рода построения можно именовать *эпихейремой* (греч. *επιχείρημα* 'довод, аргумент'). В источни-

ках, описывающих этот феномен организации рассуждения, единства мы не находим.

В словарях по логике эпихейрема трактуется как «сокращенный силлогизм, в котором обе посылки представляют собой энтимемы»⁷¹.

Аристотель не предлагает четкого определения эпихейремы. Он говорит об этой фигуре, когда рассуждает о том, что доказательство может включать несколько доводов – от первых, очевидных, до последних, неочевидных. Он утверждает, что доказательство должно производиться непрерывной цепью доводов. Если же какие-либо доводы пропущены, то «эпихиримы будут казаться софистическими» (Тописка, 158а, 30–35)⁷². Несколько ниже Аристотель упоминает эпихейрему в следующем контексте: «Когда приведенный довод есть доказательство чего-то, тогда, в том случае, если [доказывается] нечто другое, совершенно не относящееся к заключению, [которое должно быть выведено], умозаключения об этом не будет; если же оно кажется умозаключением, то оно софизм, а не доказательство» (162а, 10–15).

В «старых» риториках отражены оба упомянутых Аристотелем качества эпихейремы: и ее многоэлементность, которая в полном виде проявляется на уровне ее глубинной структуры, т. е. на когнитивном уровне, и ее неполнота на поверхностном уровне. Именно эта неполнота предопределяет двусмысленность эпихейремы, т. е. то, что она оказывается способна внушить слушателю некоторые не полностью выраженные смыслы.

Способность эпихейремы подразумевать некий дополнительный смысл положена в основу ее определения в латиноязычном трактате «О риторическом искусстве...», изданном в Белоруссии. Автор риторики пишет:

⁷¹ Горский Д. П. и др. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. С. 200.

⁷² Трактат Аристотеля «Тописка» цитируется по: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 347–532.

«Эпихерема – это сокращенная энтимема, два основных тезиса которой соединяются в один. Так, Цицерон <...> в речи в защиту Дейотара: *Без причины раб обвиняет хозяина*. В этом одном основном тезисе содержатся два: раб не должен необдуманно и без причины обвинять хозяина. Следовательно, раб Дейотара не должен его обвинять перед Цезарем»⁷³.

Современные словари риторических терминов, как правило, игнорируют феномен эпихейремы. Исключение здесь – словарь Г. Г. Хазагерова⁷⁴.

Мы, в соответствии с логической и риторической традициями, зафиксированными в цитированных источниках, примем следующее рабочее определение этой фигуры: *эпихейрема* – это доказательство, составленное из нескольких энтимем, отдельные части которых могут быть опущены, но восстанавливаются по контексту.

Покажем теперь, как строятся и используются эпихейремы Патриархом. При этом в силу недостатка места ограничимся одним примером, но разберем его подробно. Во-первых, представим экспликацию эпихейремы – запись, выявляющую ее мыслительную аргументно-выводную структуру. Во-вторых, покажем, из каких именно энтимем эта эпихейрема сложилась.

«...Цели (церкви. – Авт.) должны быть ясно сформулированы. Сегодня народ грамотный. Каждая партия у нас формулирует цели, но одни с ними соглашаются, а другие выступают против. <Поэтому> Нужно так формулировать цели и задачи общенародной жизни, стратегического развития нашего общества, чтобы это объединяло людей независимо от политических, социальных, этнических, возрастных и прочих границ» (1, с. 6).

Экспликация эпихейремы:

⁷³ Латиноязычные риторика на Беларуси: Полоцкий трактат «О риторическом искусстве..» 1788, 1799 годов издания. Мн.: РИВШ, 2006. С. 227.

⁷⁴ См.: Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... с. 81.

Цели церкви должны быть ясно сформулированы; политические партии не стремятся к объединению людей; <поэтому> цели церкви должны быть сформулированы так, чтобы объединять людей.

На наш взгляд, эта энтимема сложилась из двух энтимем. Одна из них реализовалась полностью, другая – только аргументом, вывод же лишь подразумевается. Приведем эти энтимемы, выделив жирным шрифтом то, что подразумевается.

«Состоявшаяся» энтимема:

- *...цели (церкви) **должны быть ясно сформулированы;***
- *нужно так формулировать **цели и задачи** общенародной жизни, стратегического развития нашего общества, чтобы это **объединяло** людей независимо от политических, социальных, этнических, возрастных и прочих границ.*

«Несостоявшаяся» энтимема:

- *каждая партия у нас формулирует цели, но **одни с ними соглашаются, а другие выступают против;***
- *политические партии способствуют расколу общества.*

Нетрудно заметить, что в реальном тексте выражен только один вывод – «Нужно так формулировать цели и задачи... чтобы это **объединяло** людей...» Второй вывод – политические партии способствуют расколу общества – имплицитен.

Особенность эпихейремы состоит в том, что она сочетает структуру доказательства с таким явлением, как *умолчание*.

О значении умолчания хорошо сказал Деметрий: «Вот в этом и состоит убедительность (ранее упоминались два качества убедительности: ясность и привычность (synēthēs). – *Авт.*), и сюда же мы отнесем слова Феофраста о том, что не следует дотошно договаривать до конца все, но кое-что оставить слушателю, чтобы он подумал и сам сделал *вывод* (выделено нами. – *Авт.*). Ведь тот, кто понял

недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если все втолковывать слушателю, как дураку, то будет похоже, что [вы] плохого мнения о нем»⁷⁵.

Хрия

Термин *хрия* (греч. *χρεία* ‘изречение, меткое выражение’ < *χραω* ‘возвещаю’) хорошо известен филологам.

В современной риторической практике хрия – это прежде всего упражнение, поэтому наиболее адекватным этой практике считаем определение хрии, предложенное Л. К. Граудиной и Г. И. Кочетковой в книге «Русская риторика»: «Хрия... 1) речь, рассуждение на заданную тему, составленные по определенным правилам, приемы составления такой речи, рассуждения; 2) квазилогическая схема аргумента, в которой обоснование представляет собой определенную последовательность доводов»⁷⁶.

Это определение касается не только риторической специфики хрии, но и ее лингвокогнитивного статуса. Хрия, согласно этому определению, с одной стороны, представляет собой модель речи или ее фрагмента (это риторический аспект хрии), а с другой – характеризует тип построения аргументации (это ее лингвокогнитивный аспект).

В так называемой пространной риторике М. В. Ломоносова структура хрии представлена следующим образом: 1) *приступ*, 2) *парафразис* (изъяснение темы), 3) *причина* (*astilogia*), 4) *противное* (*amplificatio a contrario*), 5) *подобное* (*a simili*), 6) *пример* (*ab exemplo*), 7) *свидетельство* (*a testimonio*), 8) *заключение* (*conclusio*)⁷⁷.

⁷⁵ Античные риторики... С. 273.

⁷⁶ Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. Русская риторика. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2001. С. 380.

⁷⁷ Цит. по: Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. Русская риторика... С. 380.

Представления о хрии обнаруживают известное содержательное сходство с представлениями о рассуждении, сформированными в русле так называемой «новой риторики», или «неориторики». Похожая на хрию схема рассуждения представлена в книге английского философа Стивена Тулмина «Использование аргументов» (*The Uses of Argument* (1958, 2003)). Рассуждение, построенное по этой схеме, включает ряд этапов:

А – исходные данные;

В – подтверждение;

b – поддержка подтверждения, т. е. еще один «глубинный» аргумент;

c – ограничение или исключение;

М – модификатор (слова типа *может быть; вероятно; очевидно; кажется, что...; можно предположить, что...; я думаю* и т. д.);

С – вывод⁷⁸.

И риторическая хрия, и система аргументации, по Тулмину, суть попытки объективировать феномен комплексного рассуждения, в котором имеется соотношение, условно говоря, позитивной и негативной аргументации и которое существует, разумеется, независимо от всяких риторик как явление мысли. Подтверждением этому является тот факт, что подобные рассуждения встречаются в разных по происхождению и времени написания памятниках, в том числе и тех, которые далеки от античной риторической традиции.

В посланиях апостолов находим целый ряд конструкций с разворачиванием аргументации интересующего нас типа. Вот, например, контекст из Первого послания Коринфянам апостола Павла:

«Благодарю Бога, что никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия,

Дабы не сказал кто, что крестил я в мое имя.

⁷⁸ См.: *Филлипов К. А.* Лингвистика текста. СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 2007. С. 274–275.

<...>

Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.

Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия.

Ибо написано: „погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну“⁷⁹ (1-е Кор. 1: 14–19).

В данном случае имеется первый «самоочевидный» аргумент: *«Дабы не сказал кто, что крестил я в мое имя»*. Второй аргумент поддерживает первый: *«Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова»*. Третий аргумент содержит обращение к явлениям противоположным: *«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия»*. Наконец, четвертый аргумент содержит свидетельство: *«Ибо написано: „погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну“*». Как видим, сходство с разобранными выше когнитивными моделями налицо.

Исходя из всего сказанного, считаем необходимым квалифицировать выявленные в наших источниках текстовые конструкции, включающие аргументы «pro» и «contra», исходный тезис и постпозитивный вывод вместе или частично, в качестве отдельной фигуры мысли. Эту фигуру мысли, за неимением лучшего термина, будем именовать *хрией*. При этом будем помнить, что термин *хрия* приложим к двум типам текстовых феноменов: к тексту, ограниченному пределами сложного синтаксического целого и, как правило, одного абзаца, и к тексту достаточно пространному, так называемому *целому тексту*. Последнее обстоятельство не мешает относиться к хрии как к фигуре мысли, поскольку любые фигуры мысли имеют фрактальный характер, т. е. способны проявляться на разных в количественном отношении текстовых пространствах.

⁷⁹ Ис. 29: 10–14.

Один из самых пространных в наших источниках пример хрии (которым мы вынуждены ограничиться) на удивление легко может быть проанализирован с помощью методики Тулмина. Приведем этот пример, выделив жирным шрифтом его «несущие» части и отметив их буквенными обозначениями в соответствии с упомянутой схемой.

<А> Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? Двенадцать лет назад, в 2001 году, на VI Соборе, который проходил под названием «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох», мы уже обращались к этому вопросу. **<М> На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. <М> Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения.**

<В> Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди – такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии – яркого, самобытного направления в гуманитарной науке – не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку свое слово? Неслучайно сегодняшние мыслители и политические деятели обращаются к мудрости тех, кто сформировал корпус этой замечательной религиозной философии конца XIX–XX века.

<б> Безусловно, еще более вескими аргументами, нежели философские работы и теоретические выкладки историков, являются реальные дела, то есть исторический опыт России, ее выдающиеся достижения в культуре и технике, ее способность давать неповторимый национальный ответ на вызовы времени, ее уникальная роль в переломные моменты человеческой истории.

<М> Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших

цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. <С> Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат» (3, с. 17).

Позволим себе в экспликации этого рассуждения убрать инверсию.

<А> *Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю?*

<В> *Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно.*

<б> *Безусловно, еще более вескими аргументами, нежели философские работы и теоретические выкладки историков, являются реальные дела, то есть исторический опыт России.*

<М> *На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным.*

<М> *Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения.*

<М> *Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ.*

<С> *Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат.*

Обратим внимание на то, что элемент (М) – *модификатор* – в данном случае мультиплицирован и выражает не предположительную, как обычно бывает, а утвердительную модальность, кроме того, его фрагменты расположены дистантно. Напротив, элемент (с) – *ограничение* или *исключение* – вообще изъят из структуры рассуждения. Подобные изменения продиктованы, очевидно, полемическим характером речи. Отметим также практически идеальную разработку аргументативной части хрии – элементов (В) и (б).

Сорит

Сорит, или *соритес* (от греч. *σωρός* 'куча'), представляет собой «вид сложносокращенного силлогизма, в котором опущена или большая, или меньшая посылка»⁸⁰. Это определение взято из словаря терминов логики. В современных риторических справочниках сорит, как правило, игнорируется, и только в словаре Г. Г. Хазагерова он упомянут и определяется сходным образом, как «цепочка сокращенных силлогизмов, в которых пропущена большая или меньшая посылка»⁸¹.

Аристотель о сорите не пишет, хотя выявленная в нем форма рассуждения была известна еще софистам. Само ее название – *сорит* 'куча' – предопределено содержанием так называемого *софизма о куче*. Вот что пишет о нем В. Минто: «Предполагая, что можно сказать, сколько камней составляют кучу, вы начинаете с вопроса: составляют ли кучу три камня? Если ваш собеседник дает отрицательный ответ, вы спрашиваете, составляют ли ее четыре камня, затем пять и т. д. Ваш собеседник приходит в затруднение: он никак не может указать, когда именно прибавка одного камня делает кучей то, что до этого не было ею. Или вы можете начать вопросом: составляют ли кучу двадцать камней, затем девятнадцать, восемнадцать и т. д.? Здесь сложно определить, в какой момент перестает быть кучей то, что только что было ею»⁸².

Сорит представляет собой явное свидетельство усложнения исходной фигуры мысли путем добавления к ней новых структурно-семантических качеств. В данном случае берется фигура повтора – лигатура, к ней добавляется система отношений логической импликации, и получается сорит.

Риторический сорит, на наш взгляд, свободнее, чем сорит логический. Неизменным остается наличие двух

⁸⁰ Горский Д. П. и др. Краткий словарь по логике... С. 176.

⁸¹ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 78–79.

⁸² Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Мн.: Харвест, 2002. С. 95.

типов связанности, формы же осуществления логической связи могут быть разными.

Пример сорита с четко выстроенной логической «арматурой» и контактным повтором находим в посланиях апостола Павла:

«И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе.

Я питал вас молоком, а не твердою пищею, **ибо** вы были еще не в силах, да и теперь не в силах,

Потому что вы еще плотские. **Ибо**, если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете?

Ибо, когда один говорит: „я Павлов“, а другой: „я Аполлосов“, то не плотские ли вы?» (1-е Кор. 3: 1–4).

В наших источниках примеров сорита относительно немного (лигатура используется несравненно чаще). Вместе с тем сорит Патриархом тоже используется. Приведем пример построений такого рода.

*«Сегодня, в год 70-летия Великой Победы, мы должны еще раз подчеркнуть: нам нельзя идти этим обманчивым путем, нельзя ставить земные ценности, особенно материальные, не просто выше ценностей духовных, надмирных, вечных, но и нивелировать эти духовные вечные ценности, оттеснять их на периферию под натиском исключительно материальных устремлений. **Потому что** эти духовные ценности придают земной жизни бесконечный смысл, предотвращая превращение человека в животное, как бы это животное ни обустроивало свое стойло. Человек без приоритета духовных ценностей превращается в животное, **потому что** разрушаются все табу, вырастающие из авторитета нравственного начала, заложенного Богом в человеческую природу» (7, с. 51).*

Экспликация фигуры:

*Нельзя ставить материальные ценности выше духовных, **потому что** духовные ценности препятствуют превращению человека в животное, которое происходит,*

***потому что** разрушаются табу, вырастающие из авторитета нравственного начала.*

Антитеза

Антитеза (греч. *αντίθεσις* ‘противопоставление’) входит в перечень самых древних риторических фигур, выделенных ритором Горгием. «Античная традиция приписывает Горгию „изобретение“ словесных фигур, в особенности трех: антитезы, симметрии слогов и созвучия их»⁸³.

В кругу Горгиевых фигур у антитезы особая роль. В то время как другие фигуры «работают» над внешней стороной речи: над ее плавностью и благозвучием, антитеза развивает еще и собственно мыслительную сторону речи, она позволяет соединить в одном высказывании возможное и реальное, ожидаемое и действительно произошедшее, оцениваемое положительно и оцениваемое отрицательно.

Аристотель рассматривает антитезу и как фигуру *периодическую*, и как фигуру *силлогистическую*. В 9-й главе 3-й книги «Риторики» он пишет о периодическом стиле, оформляющем антитезу: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они [еще] понятнее, а также потому, что [этот способ изложения] походит на силлогизм, так как изобличение есть соединение противоположностей» (1410a 20–24).

Квинтилиан возвращает антитезу в область форм речи и предлагает ее «модельное» определение: «противопоставляются друг другу и отдельные слова, и пары, и целые фразы»⁸⁴. Вот пример из Аристотеля, в котором находим все эти противопоставления: «Одни из них ужасно погибли, другие позорно спаслись» (Риторика, 1410a 10–15).

Ценное для нас определение антитезы находим в полочке трактате «О риторическом искусстве...». Ее автор расставляет все точки над *i*, определяя антитезу и как фигуру речи, и как фигуру мысли: «Антитеза – это фигура,

⁸³ Античные теории языка и стиля... С.148.

⁸⁴ Там же. С. 273.

когда слова словам или фразы фразам противопоставляются. Поэтому относится как к фигурам слова, так и [фигурам] мысли»⁸⁵.

Фигура мысли здесь определяется как соотношение двух высказываний, а не соотношение слов в составе одного высказывания. С этим, как показывает опыт предшествующего анализа фигур мысли, нельзя не согласиться.

Приведем несколько современных определений антитезы. Предельно широко ее толкование в словаре Квятковского: «Антитеза – стилистическая фигура контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т. п. в художественной или ораторской речи»⁸⁶. Сходным образом определяется антитеза в словаре «Культура русской речи»: «Антитеза – стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т. п.»⁸⁷. Обобщенно, но в принципе так же квалифицирует антитезу Г. Г. Хазагеров: антитеза – «объединение в одном высказывании контрастирующих представлений»⁸⁸. Гораздо уже определение В. П. Москвина, он пишет, что антитеза – это «фигура контраста, основанная на противопоставлении антонимов»⁸⁹.

Как и раньше, все возможные разночтения в определениях антитезы мы списываем на то, что в них фиксируются отдельные стороны такого крупного явления, как фигура мысли, основанная на противопоставлении и называемая антитезой.

Дадим собственное рабочее определение этой фигуры. *Антитеза* – фигура мысли, которая состоит из отдель-

⁸⁵ Латиноязычные риторика... С. 263.

⁸⁶ Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 40.

⁸⁷ Культура русской речи... С. 56.

⁸⁸ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 166.

⁸⁹ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 127.

ных высказываний, между которыми устанавливаются отношения контраста (противопоставления и сопоставления). Антитеза как общая модель контраста проявляется в ряде конкретных разновидностей. Наиболее грамматикализованным способом выражения антитезы является соответствующий союз.

Рассмотрим, в каких разновидностях антитеза присутствует в речах Патриарха.

В наших источниках выделяется заметная группа примеров, в которых отражаются особым образом представленные действия и процессы. Как правило, первый такой процесс представлен как продолжающийся и развивающийся, второй же становится некоей преградой на пути первого. Иначе говоря, второе высказывание обозначает нечто ограничивающее проявление того, о чем шла речь в первом высказывании, некий предел – лимит действия. Назовем эту разновидность антитезы **лимитативной антитезой**.

Примеров лимитативной антитезы в наших источниках довольно много, она, пожалуй, составляет один из излюбленных способов построения антитегического противопоставления в речах Патриарха:

*«Мы с вами являемся свидетелями того, как то здесь, то там по разным причинам возникает напряжение на межнациональной почве. **Однако** до сих пор эти инциденты, по милости Божией, купировались совместными действиями народов Руси, сознающих принципиальную важность сохранения межнационального мира» (4, с. 25).*

*«Сегодня в России наблюдается невиданная за минувшие три десятилетия консолидация общества. **Однако** нас не может не тревожить та разрушительная для национального самосознания работа, которая проводится в обширных регионах Российской Федерации, население которых всегда считалось русским» (4, с. 26).*

Предназначение антитезы этого типа, очевидно, состоит в попытке полемического истолкования происходивших ранее и происходящих сейчас общественных процессов.

Другой распространенной разновидностью антитезы в речах Патриарха является так называемая **акротеза** (греч. *ακρος* ‘крайний’ + (анти)*теза*) – фигура, в которой содержится «подчеркнутое утверждение одного из признаков предмета или явления за счет отрицания противоположного»⁹⁰.

В приводимых ниже примерах выделим особым шрифтом как грамматические средства выражения акротетического противопоставления, так и то, в чем выражается контекстуальная «поддержка» этого противопоставления, если это будет необходимо.

*Ценность любой цивилизации – **не в том**, во сколько миллиардов долларов оценивается ее совокупный продукт за истекший год, и **не в том**, сколько у нее приверженцев на сегодняшний день. Ценность любой цивилизации – **в том**, что она несет человечеству»* (3, с. 18).

*«Гармонизация межнациональных отношений возможна **не на пути отказа** от национальных чувств или подавления национального сознания, **а на пути осознания** принадлежности наших народов к общей, созданной совместным трудом цивилизации, которая не упраздняет ничьей национальной идентичности и не умаляет ничего национального достоинства»* (4, с. 28–29).

Как показывают приведенные примеры, акротеза используется в основном в тех случаях, когда требуется выдвинуть новое положение, заменив им отвергаемое «старое».

Еще один особый тип отношений между противопоставляемыми объектами воплощен в фигуре, именуемой **парадиастолой** (греч. *παράδιαστολή* ‘различение’ < *παρα* ‘около, возле, между’ + *διαστολή* ‘расширение, различение, обстоятельство’). Эти отношения градационные. Указание этих отношений между компонентами парадиастолы появляется в некоторых определениях данной фигуры как будто факультативно. Показательной в этом смысле

⁹⁰ Культура русской речи... С. 57.

является статья о парадиастоле из словаря В. П. Москвина. Читаем в ней, что парадиастола – это «1. Фигура контраста, основанная на противопоставлении синонимов <...>: *Сквозь легкое **лицо** просупает – **лик*** (М. Цветаева)»⁹¹. Далее в этой статье упоминается, что лежащий в основе антитезы феномен контраста «представляет собой понятие градуируемое»⁹².

На наш взгляд, градуированность и есть то главное, что определяет парадиастолу как фигуру мысли. Соположение двух мыслей, связанных отношениями градуированного противопоставления, – это парадиастола – фигура мысли. Объединение в одном контексте противопоставленных синонимов – это основа существования парадиастолы – фигуры речи. Отметим также, что парадиастолу иногда выводят за пределы антитезы на основании специфики отношения между ее компонентами⁹³, мы рассматриваем антитезу как широкое явление, поэтому следуем традиции включения в нее парадиастолы.

Приведем примеры из наших источников.

*«Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. **Но** мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее „Россией без русских“, лишенной национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства»* (3, с. 22).

*«Россия – это **не просто** государство со своими границами, законами и учреждениями. Это – страна-цивилизация, чьи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями»* (7, с. 49).

⁹¹ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 522.

⁹² Там же. С. 523.

⁹³ См.: Корюкина Е. С. Парадиастола как риторический прием // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 426–428.

Основная задача парадиаголы тоже вырисовывается достаточно ясно, это развитие уже имеющихся концепций: к тому, что представляется очевидным, оратор добавляет новое и актуальное. Фигура парадиаголы в данном случае демонстрирует свою эффективность.

В работах по риторике упоминается такое явление, как **антипептон** (греч. *αντίθετον* 'противопоставление'). Суть этой фигуры состоит в акцентуации того, что в принципе заложено в любой антитезе: противопоставляемые элементы всегда должны быть в чем-то едиными, иначе противопоставления не будет. Если в других разновидностях антитезы подчеркивается именно противопоставление, то в антипептоне на это противопоставление (точнее, его более обобщенный вариант – сопоставление) накладывается представление о некоем едином целом, в котором сопоставляемые/противопоставляемые части выступают как стороны одного явления.

В следующем контексте, выбранном нами для примера, противопоставляются разные подходы к одному явлению – отношению к национальному русскому началу в организации жизни в нашей стране.

«Это проблема, которая должна решаться не только в рамках Министерства образования и науки. Мы все должны принимать участие в обсуждении этих решений, чтобы не нанести через систему образования такой ущерб народной жизни, который потом будет очень тяжело и, может быть, даже невозможно исправить.»

Между тем именно это происходило в сфере национальной политики в 1990-е годы, когда группой ученых и политиков постулировалось искусственное противопоставление „русского“ и „российского“. В то время чиновники получали неафишируемые указания не использовать в публичных выступлениях и официальных документах слово „русский“, якобы ослабляющее единство нации» (5, с. 34).

Уступление (уступка, концессия (лат. *concessio* 'уступка')) в старых риториках трактовалось как фигура мысли (см. выше). В современных риторических справочниках

его относят преимущественно к явлениям психологического порядка. Л. Ю. Иванов не квалифицирует уступление как какой-либо таксономический риторический феномен (фигура, троп, прием и т. д.). Он пишет о том, что уступка риторическая – это согласие с менее сильной негативной оценкой или признание более слабого контраргумента, пункта обвинения и т. п., чтобы на этой основе отвергнуть более сильную негативную оценку, более серьезное обвинение⁹⁴. В. П. Москвин определяет концессию как психологический прием, состоящий в незначительной уступке реальному или воображаемому оппоненту⁹⁵. Москвин в данном случае ссылается на мнение П. Фонтанье, полагавшего, что те, кто использует эту фигуру, «делают небольшую уступку противнику для того, чтобы затем получить более значительное преимущество»⁹⁶. Из определений уступления вырисовался «портрет» этого явления в его самых заметных частях. Среди них: а) наличие уступительных отношений, б) наличие отношений *тезис – аргумент*, в) наличие антитетических отношений. Исходя из сказанного, мы отнесем *уступление* к формам антитезы, в которой между противопоставляемыми элементами имеются отношения *обратной* причинно-следственной обусловленности, т. е. уступки.

Вот типичный пример использования фигуры уступления из речей Патриарха:

«Что только не говорится по поводу новой России. А ведь именно в новой России мы стали делать акцент на правах человека, на правах людей, на человеческом достоинстве, на свободах» (6, с. 40).

В данном случае хорошо заметно, что «неприятный» аргумент, который оратор не может не признать, действительно малосущественен. В самом деле: важно ли,

⁹⁴ См.: Культура русской речи... С. 731–732.

⁹⁵ См.: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 336.

⁹⁶ Там же.

что по поводу новой России много чего говорится. Важнее то, что Россия существенно изменяется в лучшую сторону.

Антитетические построения могут соседствовать в *одном контексте*. Этот риторический феномен известен давно, хотя теоретически, кажется, не описан.

Объединение в одном контексте разных форм организации антитезы находим, например, в ярком высказывании Иоанна Крестителя:

«Я частный человек, а не царь; я овца, а не пастырь; я человек, а не бог; я от нижних, а не от высших... я благовествую вам, сидящим во тьме неведения; придите от рабства к свободе, от тирании к царству, от тления к нетлению»⁹⁷.

Здесь, как можно полагать, соединены акротеза и антитетон.

В речах Патриарха довольно часто находим такие антитетические построения, которые как бы накладываются друг на друга, образуя некое среднее звено (выделим его подчеркиванием).

«А если в основе понятия – универсальная истина, то она превышает возможности человеческого ума, человеческой инициативы и даже коллективного разума народов и сообществ. Однако сегодня справедливым, а значит нравственным, стало считаться только то, что находится во взаимодействии с новыми господствующими философскими и политическими установками. И, напротив, всяческому порицанию, вплоть до отказа в праве на существование, подвергается иной взгляд, который демонизируется политически и идеологически ангажированными СМИ» (6, с. 38).

В этом контексте одна антитеза «плавно перетекает» в другую: правый элемент первого антитетического построения становится левым элементом второго. Сначала в этом контексте представлена, очевидно, лимитативная антитеза, затем – антитетон.

Антитетическое противопоставление может накладываться на другие, уже «состоявшиеся» риторические

⁹⁷ Цит. по: Козаржевский А. Ч. .... С. 53.

построения. Этот феномен мы уже неоднократно встречали. Как и ранее, и в данном случае он служит созданию впечатления интеллектуально насыщенной речи. Сейчас мы можем выделить один очень важный способ вложения. Речь идет о своеобразном поглощении антитезой основных силлогистических фигур, а именно энтимем. Возможно, такой антитезе даже следует дать свое терминологическое обозначение, например **силлогистическая антитеза**. Часто встречается силлогистическая антитеза в евангельских текстах. Вот, например, известное рассуждение апостола Павла о ничтожности человеческой мудрости по сравнению с мудростью Божьей:

«Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?»

Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в мудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.

Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости;

А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие,

Для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость;

Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее *человеков*» (1-е Кор. 1: 20–25).

Модель, по которой построен приведенный и подобные ему контексты, такова:

Энтимема ← Антитеза → Энтимема

В речах Патриарха находим реализацию этой же модели. Вот характерный пример:

«Полагаю, что в обществе, традиционном для России, если хотите – в солидарном обществе, политические партии должны конкурировать не в смысле противопоставления различных ценностей – например, свободы и справедливости, державности и достоинства, – а в смысле их гармонизации, одновременного осуществления, воплощения в конкретных политических действиях и законодательных актах. <...> **Поэтому** сфера политики – это надстроечная сфера. **<В то время как>** Базис-

ная сфера – это сфера ценностей. И этот ценностный базис ни одна партия в России не должна разрушать, потому что тогда не будет России» (6, с. 41).

Первая часть антитезы представляет собой довольно сложно устроенную конструкцию: здесь и акроте́за (*не противопоставление, а гармонизация ценностей*), и энтимема, в которую эта акроте́за входит на правах аргумента, а вывод оформляется с помощью коннектора *потому* (*потому сфера политики – это надстроечная сфера*). Само «генеральное» противопоставление в данном случае эксплицитным союзом не выражено (мы его восполнили – *в то время как*). Вторая часть антитезы представляет собой энтимему с союзом *потому что* и тезисом, выраженным лигатурой (*...это сфера ценностей. И этот ценностный базис...*).

Определение

Определение представляет собой особую разновидность фигур мысли. Точнее было бы его назвать *субфигурой*, т. е. *подфигурой*, поскольку определение всегда выступает в качестве элемента энтимемы или какой-то другой конструкции. С другой стороны, определения традиционно квалифицируются как фигуры мысли (см. выше) и, самое главное, они обладают особой смысловой наполненностью и формальной организацией, делающими их отдельным феноменом текста. Хотя определение не является в полном смысле слова самостоятельным текстом, оно «стремится» к этому⁹⁸.

О том, как формировался феномен логического определения, замечательно говорит Аристотель, рассказывая об одном из своих философских предшественников – Антисфене: «Поэтому не без основания возникало затруднение, смущавшее антисфеновцев и других столь

---

⁹⁸ О феномене так называемого однофразового текста, уже «доказавшего» свою самостоятельность, см. в *Береговская Э. М. Стилистика однофразового текста: На материале русского, французского, английского и немецкого языков. М.: Ленанд, 2015.*

же необразованных людей: нельзя-де дать определение того, чем является вещь (ведь такое определение – только ее длинное описание), но возможно научить, какова она в качественном отношении. Нельзя, например, сказать, в чем сущность серебра, но можно сказать, что оно похоже на олово» (Метафизика, VIII, 3, 1043b 23)⁹⁹.

В современной логике определением считается конструкция, в которой определяемый предмет не описывается, а возводится к родовому понятию, которому затем придаются видовые определения, как бы возвращающие эту конструкцию к определяемому предмету. Например: *Сократ = философ (родовое понятие) + великий, греческий (видовые определения, характеризующие Сократа)*.

Авторы использованных нами риторических словарей не всегда обращают внимание на феномен определения. Исключение здесь – В. П. Москвин, который в статье «Логическая дефиниция» квалифицирует определение как точную логическую перифразу, используемую для определения значений слов¹⁰⁰. На наш взгляд, это слишком узкая трактовка определения, поскольку его предметом может быть не только слово.

В речах Патриарха Кирилла находим определения, построенные точно по описанному выше образцу. Выделим поэтому в нижеследующих примерах видовые и родовые понятия особым шрифтом.

«Основой для совместной жизни и совместных действий является фундамент общих, базовых ценностей, в том числе и тех, которые попытался сформулировать XV Всемирный Русский Народный Собор в 2011 году» (3, с. 19).

«Сегодня, описывая этот идеал (идеал общества. – Авт.) **на языке социальной философии, мы называем его „солидар-**

⁹⁹ Цит. по: Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984. С. 106.

¹⁰⁰ См.: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи... С. 362.

ным обществом“, где ради достижения общего блага тесно сотрудничают между собой различные этнокультурные, социальные, профессиональные, религиозные и возрастные группы. В таком обществе не конфликтуют между собой народ и власть, не конфликтуют этносы и религии и даже политические партии не конфликтуют» (6, с. 41).

Другой тип определений подразумевает тавтологичность видового и родового понятий, отчего главное в нем – видовой признак. Модель такого определения можно представить следующим образом: *А – это А, наделенное данным признаком*. Чаще всего тавтология в тексте устраняется и указываются только признаки рассматриваемого явления, поэтому указанная модель реализуется в трансформированной форме: *А обладает данными признаками*.

Например:

«Мир, в котором мы с вами живем, нередко именуется постхристианским, а иногда и пострелигиозным» (7, с. 37).

«Роль Православия заключается в том, чтобы строго и бдительно защищать свой собственный народ от любой духовной агрессии, при этом никогда не притесняя иноверцев» (7, с. 50).

Определения подвергаются амплификации, что отражает сложность процесса дефинирования. В следующем примере сначала амплифицируется видовое определение в рамках одной дефиниционной структуры:

«Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат...»

Этот контекст продолжается, и в нем видим уже амплификацию целых дефиниций, объединенных вокруг интересующего автора понятия. Интересно, что в данном случае Патриарх использует слова *формулировать, дефиниция*, т. е. подчеркивает «творимость» определений, актуальность этого процесса:

«И, формулируя этот набор ценностей, мы исходили из анализа своей собственной истории, потому что заниматься

подобного рода дефинициями в отрыве от реального исторического контекста всегда опасно....

Древняя Русь, Святая Русь – **доминанта свято-сти** и **высоты** человеческого духа. Мы обозначили эту ценность словом «вера».

Российская империя, превратившая небольшую страну в колоссальную мировую империю от океана до океана. И мы нашли слово, которым покрывается эта реальность, – **державность**.

Затем **революция**. Ни у кого не было стремления и желания представить лубочную картину этого страшного явления. Но возникает вопрос: а было ли что-то хорошее, или только кровь, только влияние иностранных центров, только навязывание России иного, не свойственного ей в то время образа жизни? А было ли что-то положительное, или только глупое, извините, тупое следование указаниям из-за рубежа через соответствующие политические силы внутри страны? Мы ответили: было **стремление людей к справедливости**. Если бы этого стремления не было, то никакая бы пропаганда не работала.

А в **советское время**? Как только начинаем говорить о советском времени – одни сразу идеализируют его, другие демониизируют. А было ли нечто такое, что это время породило и что сегодня мы смело можем принять, включив в свою собственную философию жизни? Было – **солидарность**. И никогда не надо забывать подвиг нашего народа, и не только военный подвиг. А те самые комсомольцы, которые на целину ехали, БАМ строили, не получая за это никаких наград и привилегий? Это чувство локтя, желание общими усилиями сделать добро для своей страны. И так, **солидарность**.

И, наконец, **новая Россия**. Что только ни говорится по поводу новой России. А ведь именно в новой России мы стали делать акцент на правах человека, на правах людей, на человеческом достоинстве, на свободах. Разве можно это игнорировать и сказать, что все плохо? Мы обозначили эту эпоху словом „**достоинство**“ (6, с. 39–40).

Сделаем экспликацию этого амплифицированного определения:

Древняя Русь – государство, наделенное святостью;

Российская империя – государство, наделенное державностью;

революционная Россия – государство, наделенное стремлением к справедливости;

Советская Россия – государство, наделенное стремлением к солидарности;

«Новая» Россия – государство, наделенное стремлением к достоинству.

Как видим, определения могут терять свою «каноническую» форму и не следовать на уровне формы своей приведенной выше модели. С другой стороны, на уровне содержания это следование сохраняется, определения могут быть так или иначе оформлены, но они «обязаны» отразить соотношение видового и родового понятий и видового определения.

Определение способно не только амплифицировать свои части, но и структурно их организовывать, т. е. включать другие фигуры мысли, при этом оставаясь рамочной структурой всего компактного текста.

Довольно часто вмещаемой фигурой является антитеза (в нижеследующем примере парадиастола):

«Ведь Россия – это не просто государство со своими границами, законами и учреждениями. Это – страна-цивилизация, чьи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями» (7, с. 49).

Одна из основных функций определения состоит в том, чтобы быть составной частью энтимем и других силлогистических фигур:

«Домыслы о гетерогенности русского народа – это миф, имеющий сугубо политическую природу. <Потому что> По мировым масштабам русские – исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты» (4, с. 27).

В данном случае определение входит в состав тезиса: *домыслы о гетерогенности русского народа – это миф –*

и в состав аргументативной структуры: *русские – исключительно цельная, единая нация*. Из этих частей образуется энтимема.

Диалогические фигуры

Диалогические фигуры мы здесь подробно не рассматриваем, но кратко их охарактеризовать считаем необходимым. Диалогическим фигурам посвящена огромная литература, включающая как работы древних авторов¹⁰¹, так и исследования авторов современных¹⁰².

Как уже говорилось, мы считаем диалогические фигуры дискурсивной трансформацией фигур, объективированных ранее, – структурных и логических.

Диалогические фигуры довольно активно используются Патриархом. Приведем несколько примеров их употребления.

Рационация (фигура вопроса к себе и ответа на него):

¹⁰¹ См., например: *Блаженный Августин*. Христианская наука, или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия. СПб.: ВІВЛІОПОЛІС, 2006. С. 128–129; Античные риторики... С. 284; *Квинтилиан*... С. 129–130.

¹⁰² О разных аспектах теории диалогических фигур см. в *Богданов В. В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 156–165; *Дускаева Л. Р.* Категория диалогичности // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 130–139; *Жинкин Н. И.* Вопрос и вопросительное предложение // *Жинкин Н. И.* Язык – Речь – Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998. С. 87–103; *Канафьева А. В.* Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011.; *Шведова Н. Ю.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // ВЯ. 1956. № 2. С. 13–19 – и мн. др.

«И мы, и наши потомки еще долго будем задаваться вопросом: как могла произойти такая подмена ценностей? Пожалуй, одна из важнейших тому причин – это приоритет материального над духовным, горделивого ума над открытым Богу сердцем, жажды власти над смиренномудрием» (7, с. 51).

Сделаем здесь одно попутное замечание. Мы уже говорили, что определяем место диалогических фигур в общей системе фигур мысли по их вторичному – дискурсивному – признаку, который накладывается на то, что «было раньше»: на топологическую и логическую структуры. Это можно легко показать на приведенном примере (и на других нижеследующих). «Уберем» из него диалогичность, «отменим» еще несколько трансформаций исходного текста, которые идут с диалогизацией («в комплекте»), и получим логическую фигуру: *Подмена ценностей произошла, потому что был признан приоритет материального над духовным.*

Антиципация (вопрос «со стороны» и ответ):

«Русских иногда называют народом мягкотелым, недостаточно пассионарным, не умеющим давать сдачи. А ведь именно эти качества, сформированные в первую очередь под влиянием Православной Церкви, и привели к тому, что вместе с этим народом, без всяких рисков потерять свою национальную самобытность, свое достоинство, трудятся многие и многие народы» (6, с. 25).

Субъекция (вопрос аудитории и «подсказываемый» ответ):

«Что было бы, если бы русские не имели этой мягкой открытой души, сформированной Православием? Они оттолкнули бы своей силой очень многих и никогда не стали бы ядром огромной многонациональной страны» (4, с. 25).

«А теперь давайте попытаемся понять: а что уравнивает эти многочисленные потенциалы разделения в нашей стране? Подскажите, пожалуйста. Может быть, кто-то лучше меня разбирается в этом вопросе. Я не вижу такой системы. Традиционно такой системой была Церковь» (1, с. 6).

Функциональные фигуры

Следующей группировкой фигур мысли, о которой мы не сможем подробно сказать, но которая хорошо представлена в речах Патриарха, является совокупность фигур, определяемых по **функциональному критерию**. Выделим среди них фигуры двух типов. Во-первых, это фигуры **метатекста**. Само это понятие было, как известно, введено в широкий научный оборот Анной Вежбицкой¹⁰³, об этом явлении говорили и до появления ее работ, о сходном текстовом феномене писал, например, Ролан Барт¹⁰⁴. Современная литература о метатексте тоже весьма обширна¹⁰⁵.

Параллели метатекстовых фигур имеются и в классической риторике, ср. фигуру под названием *предупреждение* (лат. *praeparatio*, греч. *προπαρασκευή*): *я докажу вам*

¹⁰³ См.: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–424.

¹⁰⁴ См.: Барт Р. Дискурс истории / Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. С. 427–441.

¹⁰⁵ См., например: Андриященко Т. Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы организации речевого общения. М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1981. С. 127–151; Ким Хён Ён. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // Acta Slavica Iaponica, Tomus 24, 2004. Pp. 202–213. Электронный ресурс: www.sceol.com. (дата обращения – 08.08.2012); Шаймиев В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. Русско-американский журнал по русской филологии. № 4. Санкт-Петербург (Россия); Лоуренс (США); Дэвел (США), 1996. С. 80–92; Шаймиев В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку... (На материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб., 1999. С. 68–76; Якобсон Р. О. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–319 и др.

*то-то, то-то и то-то*¹⁰⁶. Уже из одного примера, иллюстрирующего употребление этой фигуры, видно, что назначение фигуры метатекста состоит в регулировании прохождения ораторской речи и в моделировании реакции публики с помощью выражений типа: *остановлюсь на этом вопросе; теперь перейду к следующей проблеме; вернусь к вышесказанному; приведу примеры; в заключение скажу; можно сказать и иначе; примем в качестве определения такую формулировку* и т. д. Особенностью метатекстовых выражений является их системный характер, т. е. они сосуществуют в тексте в совокупности, проще говоря: если есть в тексте выражение *рассмотрим следующую проблему*, то ожидаются и выражения *приведем примеры, сделаем вывод*. Соответственно, особенностью метатекста как фигуры является дистантный характер расположения ее частей.

Нельзя не заметить, что фигуры метатекста хорошо укладываются в нашу систему поэтапно модифицируемых фигур мысли: выражение *это положение иллюстрируется примерами* можно перевести в форму, «удобную» для диалога, – *приведем примеры*, это выражение в рамках не диалога, но риторического монолога автоматически приобретает функцию руководства читательским вниманием, т. е. функцию метатекста.

В речах Патриарха фигуры метатекста встречаются достаточно часто. Вот некоторые примеры:

«Есть такая модель <...>, но я не хочу эту модель никак характеризовать, я просто констатирую тот факт, что политический плюрализм всегда оборачивается внутренним напряжением в обществе» (1, с. 5).

«При этом я хотел бы подчеркнуть, что ни один человек, принадлежащий к другому народу в России, не должен быть ограничен в своих правах и возможностях» (3, с. 22).

«Позвольте мне с самого начала сказать, что под Россией следует подразумевать культурное многонациональное образование в совершенно конкретных исторических

¹⁰⁶ См.: Гаспаров М. Л. Античная риторика как система... С. 447.

и географических измерениях, которое связано с Древней Русью» (3, с. 16).

Хотелось бы сказать о еще одной функциональной фигуре мысли. Проблема с ней состоит в том, что она более чем непоследовательно выделяется в риторических трудах, однако реально существует. Эту фигуру в качестве элемента индуктивной хрии выделял Н. Ф. Кошанский. Он, как известно, в качестве примера индуктивной хрии использовал отредактированную речь Кузьмы Минина перед нижегородцами о необходимости идти на Москву и освобождать ее от поляков. Речь эта невелика по объему (ее литературный вариант сильно отличается от оригинала), поэтому приведем ее полностью: (приступ) *«Сограждане! Отечество гибнет!»*; (доказательство тезиса) *«Свирепость врагов неимоверна, они заняли Москву»*; (связь) *«Если падет Москва, падем и мы»*; (тезис) *«Пожертвуем всем, заложим жен и чад наших и искупим отечество. Вождь Пожарский укажет нам путь к Победе»*; (заключение) *«Сограждане! Решите, что ожидает нас – рабство или свобода»*¹⁰⁷.

В данном случае фигура, которую мы назовем не очень удобным термином *связь*, представляет собой условно-категорическое суждение, т. е. относится к сфере логических фигур, конкретнее, является примером аналогии. Первой частью это высказывание соотносится с предшествующим текстом, второй – с текстом последующим. В этом и состоит главное в функциональной нагрузке данной фигуры: реализующие ее контексты выступают в виде своеобразных медиаторов между уже осуществившейся и еще только готовящейся осуществиться частями текста.

Приведем несколько примеров употребления этой фигуры из речей Патриарха.

«Я хотел бы выразить глубокое удовлетворение тем, что мой визит в Ставрополье, о котором я уже давно думал, к которому готовился и который я связываю с участием в очень важных мероприятиях, начался именно с форума Всемирного Русского Народного Собора.»

¹⁰⁷ Цит. по: Михальская А. К. Основы риторики... С. 228.

Совершенно очевидно, что Всемирный Русский Народный Собор как одна из самых мощных общественных организаций современной России не мог не поставить на повестку дня национальную и религиозную темы, особенно здесь, на Северном Кавказе...» (2, с. 9).

Фигура связи в данном случае включает апелляцию к предшествующему тексту – это упоминание о форуме Всемирного Русского Народного Собора; она также содер­жит именование тем последующего обсуждения.

«Каждый христианин в своей жизни задается или, по крайней мере, должен задаваться вопросом: „Что, Господи, Ты повелеваешь мне сделать в жизни? Каков замысел Твой обо мне и о моей жизни?“ Но тот же вопрос можно поставить и о человеческих сообществах: например, каков замысел Божий о России? Что Бог повелевает нам как наследникам, продолжателям единой Святой Руси и традиций Русского мира совершить в то время, которое Он нам дал? Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю?» (3, с. 16–17).

В этом примере фигура связи включает слово *вопрос*, прозвучавшее в предшествующем тексте, и выражение *человеческие сообщества*, открывающее новое обсуждение.

Как представляется, формы выражения рассматриваемой фигуры мысли, ее место и роль в тексте могут еще дополнительно исследоваться, сейчас, однако, мы этим заниматься не можем.

* * *

Итак, мы рассматривали тексты Патриарха Московского и всея Руси Кирилла – тексты умные, полезные, яркие, вдохновенные и, как всякие тексты такого уровня, представляющие собой сложно организованный континуум мыслей, мнений, оценок, концепций, воплощенных в словах, предложениях, сверхфразовых единствах и, собственно, целых текстах – речах. Мы позволили себе эти речи расчленить на фрагменты, которые назвали

компактными текстами. Далее в этих компактных текстах мы выделили их когнитивные, или речемыслительные, основы. Эти основы сгруппировали – и получили некий очерк системы фигур мысли, существующей в идиостиле Патриарха и в русском языке.

Мы ни в коей мере не претендуем на то, что нам удалось «закрыть тему». Она слишком сложна для этого. Вместе с тем надеемся, что нам удалось показать целесообразность научного внимания к проблеме фигур мысли, перспективность обращения к ней и тех, кто говорит, и тех, кто учит говорить. В любом случае значение нашей работы определяется хотя бы ее материалом, который сам по себе представляет ценность и концептуальную, и риторическую.

Обратимся теперь непосредственно к итогам работы. Рассмотренные выше контексты из речей Патриарха представляют собой, как уже говорилось, часть системы фигур мысли, существующей в русском языке.

В центре этой системы – фигуры, определяемые на основании своих структурно-семантических особенностей, – **фигуры повтора**. В центре же фигур повтора находится так называемый *пролепис*, на периферии – его вариации (*анатомия*, *эпимона*, *эпифонема*). Особняком среди фигур повтора стоит *риторическая лигатура*. На фигуры повтора «накладываются» **логические фигуры**. Для их оформления применяется специальный механизм *добавления* элементов – логических коннекторов типа *потому что*, *поэтому*. Логические фигуры, как и фигуры повтора, образуют систему, в центре которой находятся явления элементарные – *энтимемы*, на периферии – явления более сложные: *комбинированная энтимема*, *контаминированная энтимема* (*эпихейрема*), *сорит*, самой сложной из логических фигур мы считаем *хрию*. Кроме силлогистических фигур в состав логических фигур входят *антитеза* и *определение*.

В систему фигур мысли входят также фрагментарно описанные **диалогические** и **функциональные фигуры**, которые представляют собой дальнейшее усложнение исходных фигуративных образований.

Патриарх Кирилл: образ ратора – анализ публичных речей

В данной главе представлен фрагмент исследования образа современного русского ратора на материале публичных речей Главы Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Исследование ведется в русле развивающегося лично ориентированного подхода современной лингвистики и направлено на изучение речевой деятельности языковой личности в риторическом аспекте. Риторический образ Патриарха Кирилла анализируется на основе метода изучения речевой деятельности конкретной языковой личности с применением конструкта *образ ратора*.

Материалом исследования послужили видеозаписи с расшифровкой текстов публичных речей Патриарха Кирилла, имевших место в течение одного календарного года (2014), – всего 170 текстов.

В основании нашей концепции находятся следующие положения: 1) категория «образ ратора» является конструктом, реализуемым в триаде этос – пафос – логос, который служит инструментом исследования публичной речевой деятельности конкретной языковой личности; 2) первый уровень анализа компонентов образа ратора, составляющий категорию риторического этоса, – экстралингвистические условия речи, заключающиеся в особенностях личности ратора и аудитории как участников коммуникации, исторического и социокультурного контекста речевой деятельности ратора, а также определяемые

контекстом виды/жанры речи; 3) второй уровень анализа образа ратора – уровень риторического пафоса – представляет собой исследование выражающихся в речевом поведении внутренних установок и состояний ратора, таких как замысел и намерения, интенция в отношении преодоления противоречий и направленность эмоционального воздействия речи; 4) третий уровень исследования образа ратора – уровень риторического логоса – состоит в изучении индивидуального стиля содержательной и формальной лингвистической составляющих речевых произведений ратора, выражающихся в особенностях риторического изобретения, расположения, элокуции – с выделением лексического и синтаксического аспекта – и исполнения – с выделением просодического аспекта.

Риторическая категория образ ратора восходит к «Риторике» Аристотеля, трудам классиков отечественной риторической науки (М. В. Ломоносов, Н. Ф. Кошанский, К. П. Зеленецкий и др.), работам по теории образа автора В. В. Виноградова, к теории риторики Ю. В. Рождественского, исследованиям современных ученых (А. А. Волков, В. И. Аннушкин, А. П. Романенко, В. В. Смолененкова и др.).

Проводимый с использованием конструкта образа ратора анализ публичной речевой деятельности Патриарха Кирилла позволяет выделить и описать пять основных видов публичной речи Предстоятеля и их особенности, которые, соответственно, задают характерные черты пяти составляющих единого риторического образа Патриарха:

1. Проповеди – образ проповедника – духовного пастыря
2. Напутствия – образ наставника священнослужителей-архиереев
3. Обращения общецерковные – образ руководителя церковной организации
4. Обращения к общественности – образ общественного деятеля
5. Выступления в СМИ – медийный образ миссионера

Некоторые аспекты общего экстралингвистического контекста речевой деятельности Патриарха Кирилла

В день интронизации, 1 февраля 2009 года, Патриарх Кирилл произнес речь, в которой сказал: «Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного, частного: он сам и вся его жизнь без остатка принадлежат Богу и Церкви»¹, – и обозначил главные приоритеты своей будущей Первосвятительской деятельности: сохранение внутреннего единства Церкви и чистоты веры, укрепление духовных связей на пространстве «исторической Руси» и сохранение системы ценностей «единой православной цивилизации Святой Руси», «церковная проповедь духовно-нравственных идеалов применительно к реалиям современной жизни», диалог между Церковью, государством и обществом, усовершенствование всеправославного сотрудничества, забота о духовном состоянии молодежи, социальное служение и благотворительность².

Со времени начала Патриаршего служения особое внимание Патриарх Кирилл уделяет вопросам формирования митрополий, увеличения числа епископов и открытия новых епархий, религиозно-образовательной деятельности и формированию целостной системы богословского образования, в рамках которой была создана Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, усилиями Церкви теология утверждена в России как научная специальность, в программу средних общеобразовательных школ во всех регионах России включен предмет «Основы православной культуры». Как одну из важнейших

---

¹ *Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание / Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). М.: Эксмо, 2010. С. 276–279.

² Там же. С. 276–279.

задач Церкви Патриарх определяет развитие миссионерства³.

Предстоятель говорит: «Труден Патриарший крест. <...> Но одновременно Господь сопровождает это служение и великими радостями. И главной радостью для меня является возможность совершать Божественную службу в любом храме Русской Православной Церкви, в любом монастыре, у великих святынь, посещать замечательные святые места нашей Церкви, соприкасаясь с Божественной благодатью, проистекающей от тех святынь, и напоая свой разум и свою душу всем тем, что исходит от реальной церковной жизни, впитывать эти очень важные для Патриарха сигналы, которые идут от народа, от паствы, от архипастырей, от монашествующих»⁴.

Рассуждая о культуре российского общества, Патриарх отмечает: «Базисная культура нашего народа сформирована в значительной мере под влиянием Православия. Этот культурологический факт, я думаю, сегодня признают православные и неправославные, верующие и неверующие...»⁵ Вместе с тем в обществе существуют различные традиционные культуры, а также субкультуры, одной из которых, в частности, является сложившаяся узкоцерковная субкультура Русской Православной Церкви, но, по мнению Патриарха, «Церковь не является вместилищем одной субкультуры. <...> Задача Церкви состоит в том, чтобы духовно оплодотворять любую субкультуру, за исключением, ко-

---

³ Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения 22.05.2016)

⁴ Слово после Божественной Литургии в Храме Христа Спасителя в пятую годовщину интронизации 01.02.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3550769.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3552232.html> (дата обращения 22.05.2016)

⁵ Сайт Православие и мир. Электронный ресурс URL: http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_4047.html (дата обращения 22.05.2016)

нечно, антикультуру». По словам Патриарха, «подлинной является только такая культура, которая воздвигает человеческую личность; если же культура разрушает личность и нравственное начало, то она превращается в антикультуру. <...> Конечно, Церкви не по пути с антикультурой, Церковь призвана ее обличать, но не грозно указывая перстом, а достигая человеческого сознания, воли и чувств, чтобы люди были способны не принимать эту пагубную и разрушительную для их жизни антикультуру»⁶.

Патриарх отмечает «множественность и противоречивость существующих в обществе взглядов и убеждений» и то, что перед каждым человеком стоят «сложнейшие мировоззренческие и этические вопросы современности», ответы на которые, по мнению Патриарха, людям можно искать, соединяя «православную веру и евангельскую мораль с повседневными мыслями, чаяниями и надеждами»⁷. В отношении существования различных взглядов, мнений среди членов Церкви и необходимости сохранения церковного единства Патриарх видит свою задачу в том, чтобы «не допускать перерастания разномыслий, которым, по слову апостола, „надлежит быть“ (1 Кор. 11: 19), в расколы, нестроения и лжеучения. Патриарх должен заботиться о том, чтобы каждая личность во всей ее неповторимости находила свое место в церковном организме и в то же время чтобы разномыслия не нарушали духа любви и не ослабляли общих усилий по созиданию дома Божия. „В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь“ – эти слова святого Викентия Леринского должны оставаться руководящим принципом церковной жизни»⁸, – убежден Патриарх.

⁶ Сайт Православие и мир. Электронный ресурс URL: http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_4047.html (дата обращения 22.05.2016)

⁷ *Иларион (Алфеев)*. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание / Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). М.: Эксмо, 2010. С. 277.

⁸ Там же. С. 277.

Образ проповедника – духовного пастыря

Проповеди

Центральное место в речевой деятельности Патриарха Кирилла занимает проповедь. Среди всех произнесенных Патриархом публичных речей проповеди составляют большую часть. «Проповедь, – говорит Патриарх Кирилл, – слово Божие, обращение к людям – передача в том числе и своего внутреннего духовного опыта. Это очень важная миссия, которая стоит и стояла перед священником во все времена, а сегодня особенно востребована нашим обществом»⁹. В широком понимании вся деятельность человека, облеченного священным саном, является проповедью. В настоящей работе проповедь рассматривается как вид устной гомилетической речи, которая следует за богослужебным действием и неразрывно с ним связана, произносится в форме монолога и адресована собравшимся на богослужение.

Непосредственная аудитория проповеди Патриарха Кирилла представляет собой сосредоточенную ораторскую аудиторию, преимущественно среднюю или большую по объему, однородную с точки зрения общности мировоззрения и принадлежности к одной конфессии: все участники богослужения являются членами Православной Церкви, – и разнородную по возрасту, профессиональной принадлежности, уровню образования, культуре, духовной зрелости. Как правило, аудитория отличается положительным настроением к предмету речи и к произносящему речь, а также высокой мотивацией слушателей.

Суть проповедей Патриарха Кирилла составляют концептуальные мировоззренческие категории религии, среди которых такие понятия, как *Бог и человек, Христос, вера, спасение, Церковь и ее миссия, христианское служение*. Тематика проповедей зависит от ряда факторов, основ-

⁹ Митрополит Кирилл. Свет добра // Российская газета. 23.01.2009.

ными из которых являются регламент церковного календаря, определяющего события, к которым приурочены богослужения, актуальные события церковной и общественной жизни, а также то или иное место богослужения, что обусловлено практикой посещения Патриархом храмов и монастырей в различных епархиях.

Главный пафос проповедей Патриарха – пафос формирования человека, в основе которого лежит замысел утверждения истин веры, духовного просвещения и приведения человека к норме знания, данного в Откровении Священного Писания и Священного Предания Церкви, намерение побудить человека изменить свое поведение путем сообщения ему и объяснения норм высшего нравственного закона, суть которого отражена в евангельском послании, а также стремление подвигнуть человека к оценке своего духовного состояния, испытанию души, осмыслению и анализу внутренней жизни.

Наряду с пафосом формирования человека для проповедей Патриарха характерен пафос поддержания устойчивости, который выражается в стремлении побудить человека к сохранению веры, системы традиционных духовно-нравственных ценностей и духовного единства членов Церкви, в частности, на пространстве «исторической Руси» и в мире. Важным аспектом пафоса проповеди Патриарха является соединение в содержании вопросов веры и духовности с актуальными проблемами современности и призыв к каждому человеку соотносить свои действия в реальной повседневной частной и общественной жизни с евангельскими истинами. Пафос проповедей Патриарха характеризуется эмоциональностью содержания и стремлением разделить собственные чувства со слушателями, вызвав у них ответные эмоции.

Особенности формирования логоса проповеднической речи Патриарха Кирилла целесообразно характеризовать на основе анализа конкретного речевого произведения. Рассмотрим содержание и речевую структуру проповеди, произнесенной в Храме Христа Спасителя

7 января 2014 года после великой вечерни в праздник Рождества Христова¹⁰.

Речь начинается с обращения к присутствующим в храме церковным иерархам, священнослужителям, монашествующим и мирянам. Патриарх выражает свое отношение к собравшимся, применяя высокий регистр речи, проявляющийся в использовании церковно-религиозной торжественно-возвышенной лексики в обращении: *«Ваше Высокопреосвященство, владыка митрополит Ювеналий! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Всечестные отцы, мапушки игумении, дорогие братья и сестры!»* Вступительная часть речи продолжается благодарностью к тем, кто собрался, чтобы вместе с Патриархом провести праздничный вечер и *«прославить Господа»* за богослужением в Храме Христа Спасителя. Эмоционально-возвышенный характер речи придают эпитеты во фразах *«святой вечер»* и *«разделить эти замечательные праздничные чувства, которыми переполняются наши сердца»*. С помощью амплификации, синтаксически выражаемой повтором слов, раскрывается мысль о причинах появления этих чувств: *«Переполняются, потому что сердце, обращенное к Богу, не может не трепетать при воспоминании о событиях, которые изменили течение человеческой истории»*. Метафоры во фразах *«чувства, которыми переполняются наши сердца»* и *«сердце не может не трепетать»* используются для образного выражения общего возвышенного отношения риторика и аудитории к одному из центральных событий евангельской истории – Рождеству Христову. Вступление завершается формулировкой развернутого положения: *«Действительно, говоря о пришествии в мир Бога, соединении Бога с человеческой природой, непостижимой тайне, которая никогда и никем в этой земной жизни не будет разгадана, мы проникаемся*

---

¹⁰ Слово после великой вечерни в праздник Рождества Христова в Храме Христа Спасителя 07.01.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3501648.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3504105.html> (дата обращения 22.05.2016)

глубочайшим убеждением в том, что благой и совершенный промысл Божий действует в мире – в мире, который наполнен не только радостями, но и скорбями». Высокий смысл данного тезиса, основанного на истинах веры, закрепленных в церковных догматах, подчеркивается использованием возвышенной церковно-религиозной и книжной лексики во фразах «пришествие Бога», «соединение Бога с человеческой природой», «промысл Божий», «тайна земной жизни», «мир наполнен не только радостями, но и скорбями» и возвышенных эпитетов в словосочетаниях «непостижимая тайна», «глубочайшее убеждение», «благой и совершенный промысл».

В качестве первого аргумента этого положения ритор предлагает аудитории тот факт реальной действительности, что с появлением христианства «чисто с человеческой – внешней, культурной, политической или социологической точки зрения» произошли «грандиозные перемены в жизни людей», обусловленные тем, что «синтез дохристианской культуры с Божественной нравственной истиной, провозглашенной Спасителем, имел очень большое воздействие на умы и сердца людей. Этот синтез сформировал то, что до сих пор называется христианской цивилизацией». Аргументация усиливается утверждением, что под влиянием христианства главная философия жизни выростала из того факта – составляющего одно из основных догматических положений верования, – что «в центре человеческого бытия – Бог, ставший Человеком». Предполагая возможные возражения, ритор вводит в речь элементы диалогизма и – сначала – формулирует предупреждение таких возражений: «Но, с другой стороны, если посмотреть на жизнь людей, то конфликтов не стало меньше, скорбей не стало меньше, греха не стало меньше. Все сказанное не требует никаких доказательств, особенно для современных людей и тех, кто, зная историю, может сравнить прошлое с настоящим», – а затем задает вопрос: «А что же по существу принес Христос людям? Только ли новую философию, новую культуру, новую нравственность, новые стимулы для развития искусства и многих других сторон человеческой жизни?» Ответ на этот вопрос звучит в форме восклица-

ния: *«Конечно, нет!»* – и утверждения: *«Господь принес нечто большее»*.

В следующем фрагменте речи приводятся изложение и толкование отдельных эпизодов евангельской истории и, в частности, дается описание Личности Христа в Его земной жизни. Это описание строится в форме анафоры с повтором слова «Он» в начале каждого предложения: *«Он рождается слабым и беззащитным младенцем в Вифлеемской пещере. Он проводит жизнь простого человека, плотника, также беззащитного, Которого очень легко схватить, арестовать, подвергнуть пытке и казнить. Он не опирается ни на какую силу, даже на Божественную силу свыше»*. Далее используется прием цитирования евангельского текста с заменой прямой речи на косвенную: *«Именно в этом смысл Его ответа Пилату, когда Он говорит, что мог бы сделать так, чтобы легион ангелов встал на Его защиту (Ин. 18: 36). Он не призывает эту силу»*. Толкование данного текста начинается вопросом: *«Почему же это происходит?»* – и на вопрос дается следующий ответ: *«А именно потому, что Бог требует от человека в отношении к Себе не действий по принуждению, будь то под влиянием человеческой или даже Божественной силы. Он требует от человека свободных действий. Каждый сохраняет свободу верить или не верить, принять Христа или не принять Христа, принять образ жизни, который Он предлагает, или отвергнуть его; и нет никакого давления»*.

В продолжении речи еще раз утверждается основное положение проповеди: *«Господь действительно становится одним из нас, Он входит в жизнь рода человеческого, Он входит в историю»*. После этого повторного утверждения в речь опять включаются элементы диалогизма, и звучит вопрос: *«Что же, Он входит как тот, кто не сумел справиться со стоявшими перед ним задачами?»* – за вопросом следует ответ-отрицание: *«Отнюдь нет»*, – и далее в ответе приводится довод единой для всех собравшихся веры, грамматически подчеркнутый формой множественного числа «мы знаем», в высокие евангельские истины: *«...и мы знаем, что иначе и быть не могло. Если Сам Бог воплотился и стал*

Человеком и вошел в человеческую историю, то это означает, что Он вошел в нее как победитель, потому что другого быть не может, ибо Божественная сила превышает всякую человеческую силу. И эта победа Христа над злом, над дьявольской силой, явленная в ночь Воскресения, была продолжением Вифлеемской ночи и связана с пришествием в мир Господа».

Следующий фрагмент речи начинается вопросом о влиянии евангельских событий на современную жизнь: *«Что же мы сегодня имеем?»* Ответ на этот вопрос представлен в виде развернутого рассуждения с элементами диалогизма в отношении довода о «победе Христа над злом». Рассуждение начинается с утверждения: *«Мы живем в особую эпоху – в эпоху после пришествия в мир Христа Спасителя, когда явлена победа Бога над темной силой и над всякой человеческой неправдой. Это означает, что совершено уже величайшее действие Божественной справедливости и Бог победил зло».* Принимая во внимание возможные возражения и полемический настрой части слушателей по отношению к данному утверждению, ритор формулирует предупреждение, включающее в себя прямую речь предполагаемых оппонентов: *«Наверное, очень многие, кто меня сейчас слышат, удивляются и говорят: „Ну как же так, выйдите на улицу, посмотрите, что творится, – преступность, в том числе этническая, межнациональные конфликты, коррупция... Ну какая же здесь победа Христа?“* – и, как бы присоединяясь и разделяя позицию воображаемых оппонентов, развивает доводы возражения, усиливая эмоционально-экспрессивное воздействие при помощи соединения фигур аккумуляции и анафоры риторического восклицания со словом «сколько»: *«А сколько каждый из нас испытывает на себе несправедливости и в большом, и в малом! Сколько обид, сколько скорбей, сколько болезней, сколько конфликтов и, переходя от личной, семейной, даже общественной жизни к жизни планеты, сколько войн, сколько несправедливости, сколько разного рода скрытых стратегий, направленных на утверждение зла в роде человеческом!»* В качестве своеобразной кульминации выражения предполагаемой позиции несогласия

повторно звучит риторический вопрос: *«Где же здесь победа Христа?»* – после чего идет объяснение этой позиции и существующих у людей различных взглядов на центральную фигуру евангельской истории: *«Потому многие и не принимают Господа. Для многих Он действительно представляется неким древним моралистом, учителем достойных вещей, которые никогда не могли быть реализованы. Для кого-то Он просто лидер, духовный предводитель группы людей, которая сегодня не составляет большинства населения земного шара».*

Далее речь продолжается опровержением позиции и взглядов воображаемых оппонентов и объяснением возможных причин возникновения противоречий: *«Но все это неправда. И неправда не потому, что люди сознательно эту неправду совершают в отношении миссии, начавшейся в Вифлеемской пещере, а потому что не видят, а может быть, и не могут видеть того, что реально произошло с родом человеческим через пришествие в мир Спасителя».* За опровержением следует повтор утверждения о «победе Христа над злом», которое усиливается фигурой метафорического сравнения «зла» с «виртуальной реальностью»: *«Господь победил зло, а значит, все наше человеческое зло, которое так тяжело давит на каждого из нас, – это некая виртуальная реальность, тесно связанная с нашим внутренним миром, это всё внутри нас».* Данный довод раскрывается посредством фигуры сложной антитезы, в которой на первом плане противопоставляются субъективное и объективное, а внутри этого плана субъективность восприятия происходящих событий подчеркивается фигурой анафоры словосочетания «это мы», которая оформляет ряд антитез второго уровня с повторениями союза «или», образующими фигуру многосоюзия: *«Нам кажется, что события объективны, а на самом деле их восприятие субъективно. Это мы радуемся или скорбим, это мы совершаем дела благородные, честные или подлимаем. Это мы идем по жизни в соответствии с нравственными принципами или становимся преступниками в прямом или переносном смысле этого слова. Это всё внутри нас. А объективно, если гово-*

речь в масштабах человеческой истории и даже метаистории, то есть того, что выходит за границы истории, – там только победа Христа».

Приведя все доводы, ритор обращается к собравшимся с вопросом: «*Что же это означает для всех нас?*» – после которого дается объяснение значения факта принятия человеком истин христианской веры, а использованный в данном объяснении прием четырехкратного повтора ключевого слова «сила» подчеркивает главный смысл ответа на поставленный вопрос: «*А это означает, что мы, ставшие рядом со Христом, стоим на стороне силы, хотя эта сила представляется невероятной слабостью очень многим. Мы стоим вместе с Богом, сила Которого превышает всякую человеческую силу*». Объяснение продолжается указанием на долг и призвание тех, кто «стоит на стороне силы», и побуждением следовать этому призыванию, смысл которого раскрывается и усиливается в речи путем повторения словосочетания «утверждать правду» и слова «служить»: «*И наш долг, в первую очередь служителей Церкви, но не только, долг каждого, кто называет себя христианином, – утверждать Божию правду, борясь со злом, временным и преходящим, очень часто субъективным и виртуальным, но приносящим реальную скорбь людям* (фигура синонимии парных эпитетов, выделенная постпозицией по отношению к определяемому слову, в данном фрагменте подчеркивает мысль о несущестственности «зла»). *Мы призваны утверждать Божию правду и в больших, и в малых делах, и в личной, и в семейной жизни, и в жизни нашего общества* (сочетание фигур расширения и многосоюзия используется для выделения и раскрытия мысли о сферах и масштабах служения). *Служить Воскресшему Христу, служить Младенцу, родившемуся в Вифлееме, и означает утверждать Его правду о мире и о человеке, и это величайшее призвание*». Прием анафоры с повтором слова «служить» в сочетании с синонимией «Христу» – «Младенцу, родившемуся в Вифлееме» и определяющий высоту «призвания» эпитет в форме превосходной степени прилагательного «величайшее» создают возвышенное

настроение у собравшихся и направлены на укрепление их в деле «служения», «утверждения Божией правды», исполнения «долга христианина».

Словами поддержки всем, кто призван к служению, в речи звучит цитата из Евангелия от Иоанна, за которой следует толкование евангельских слов и побуждение следовать этим словам, выраженное конструкцией, содержащей ряд императивов: *«И потому „да не смущается сердце ваше – веруйте в Бога и в Меня веруйте“, – говорит Господь Своим ученикам (Ин. 14: 1). Эти слова из последней Его беседы с апостолами накануне страданий обращены и к каждому из нас: не смущайтесь, не пугайтесь, будьте тверды, с вами Божия правда»*. Приведенные слова Евангелия определяют отношение верующих к празднику Рождества Христова как празднику надежды, и смысл этого отношения раскрывается в представленном далее в речи объяснении: *«Вот почему мы называем Рождество Христово праздником надежды, потому что через соприкосновение с этим событием мы обретаем великую надежду на то, что явлена будет и нам, и другим, и всему миру Божия правда – рано или поздно, через радость или через скорбь, через мир душевный или через страдания (параллельные конструкции, которые содержат противопоставления и фигуру многосоюзия, подчеркивают мысль о различных путях «явления Божией правды»); и не существует ничего, что было бы сильнее этой правды»*.

В завершающей части проповеди звучит обращение к собравшимся в эмоционально окрашенной форме «мои дорогие» с призывом хранить веру, метафорически называемую фундаментом достойной жизни человека: *«И в день Рождества Христова, обращаясь ко всем вам, мои дорогие, я призываю хранить веру в сердце, хранить ее крепко, неповрежденно, потому что это реальный фундамент для созидания жизни, достойной человека»*. Обобщая сказанное выше, ритор еще раз утверждает мысль о реальности «победы Христа» и выражает общую надежду на проявление этой победы в «деяниях» всех людей, используя в речи фигуру расширения с повторами слова высокого книжного

стиля «деяния»: *«Верим и надеемся, что победа Христа, уже совершенная, уже ставшая реальностью, отобразится и в наших деяниях, в деяниях каждого человека, в деяниях народа нашего и нашего Отечества».* Проповедь заканчивается предложением всем собравшимся – с усилением путем повтора во фразе «еще и еще раз» – обратиться ко Христу с общей просьбой о мире и процветании России, «исторической Руси» и ее народов, Церкви и каждого верующего: *«Исполненные этой Рождественской надеждой, еще и еще раз испросим у родившегося в Вифлееме Младенца мира и процветания Отечеству нашему, всей исторической Руси и ее народам, Церкви нашей и каждому, особенно тем, кто, храня веру в сердце, стремится жить в соответствии с этой верой. Аминь».* Особый эмоционально-возвышенный характер финальному фрагменту проповеди придает лексика высокого книжного и церковного стиля в словосочетаниях *«исполненные надеждой», «испросим мира и процветания», «у родившегося в Вифлееме Младенца», «Отечеству нашему», «Церкви нашей», «храня веру в сердце», «жить в соответствии с верой»,* а также завершающая формула *«Аминь»* по окончании проповеди, подтверждающая в соответствии с религиозной традицией истинность и верность всего сказанного.

Проанализировав содержание и структуру проповеди, можно отметить ряд особенностей индивидуального стиля проповеднической речи Патриарха Кирилла.

Характерной чертой проповеди Патриарха является двуплановость выражения субъекта речи, представленного, с одной стороны, «я»-формой, обозначающей Предстоятеля и Главу Церкви, который обращается к своей пастве, а с другой стороны – «мы»-формой, обозначающей Предстоятеля в единстве с его паствой, составляющих вместе Церковь как единое человеческое сообщество. Сравним: *«Я хотел бы всех вас поблагодарить за то, что вы собрались, <...> чтобы вместе со мной прославить Господа»* или *«Обращаясь ко всем вам, мои дорогие, я призываю хранить веру в сердце»* и *«А сколько каждый из нас испытывает на себе несправедливости и в большом, и в малом!»* или *«Мы призваны утверждать Божию правду».*

С точки зрения лексического стилистического ресурса речь отличается использованием средств литературного языка, которые сочетают элементы нейтральной межстилевой лексики (*посмотреть, жить, знать, сравнить, прошлое, настоящее, неправда*); общекультурной лексики (*нравственная идея, воздействие на умы, объективные события, субъективное восприятие, миссия, бытие, метаистория, цивилизация*); лексики церковно-религиозного стиля (*Божественная сила, прославлять Господа, пришествие Бога, промысл Божий, служители Церкви, Воскресший Христос, Аминь, братья и сестры*); лексики и фразеологии публицистического стиля (*«чисто с человеческой – внешней, культурной, политической или социологической точки зрения», «стимулы для развития искусства», «грандиозные перемены в жизни людей», «конфликтов не стало меньше», «этническая преступность, межнациональные конфликты, коррупция»*); научного стиля (*«синтез имел воздействии», «синтез сформировал», «не требует доказательств»*); стиля языка информационных технологий (*«виртуальная реальность»*); а также разговорного стиля (*«ну как же так...», «посмотрите, что творится...», «ну какая же здесь победа...»*).

Эмоционально-экспрессивный образ речи создается благодаря использованию эмоционально-возвышенной лексики (*дорогие мои, святой вечер, замечательные праздничные чувства, испросим мира и процветания Отечеству нашему*); церковно-религиозной торжественно-возвышенной лексики (*Ваше Высокопреосвященство, владыка, всечестные отцы*), а также тропов и фигур, среди которых наиболее распространены: метафора, эпитет, повтор, анафора, антитеза, сравнение, многосоюзие, расширение, синонимия, аккумуляция, реприза. Еще одной характерной чертой проповеднической речи Патриарха является диалогичность. Среди используемых фигур диалогизма можно выделить: предупреждение, ответственность, цитирование, риторическое восклицание, риторический вопрос, риторическое обращение.

Особенностью синтаксической организации проповеднической речи Патриарха является сочетание простых

и сложных периодов, а также асимметричность построения сложных периодов с точки зрения объема протасиса, соответствующего теме, и аподосиса, соответствующего реме. Сложные периоды, как правило, состоят из двух или трех колонов и входящих в них вставных конструкций. Такая своего рода неравномерность и насыщенность структуры способствует повышению внимания слушателей и ведет к усилению воздействия на аудиторию. Рассмотрим в качестве примера фрагмент проповеди, состоящий из шести периодов.

«Чисто с человеческой – внешней, культурной, политической или социологической точки зрения можно сказать, что христианство принесло роду человеческому и почему мы называем новой ту эру, которая началась после Вифлеемской ночи». Сложный изъяснительный период состоит из трех колонов, выражающихся главным (протасис) и двумя придаточными предложениями с вставной конструкцией в виде третьего – определительного – придаточного предложения (аподосис). *«Действительно, это были грандиозные перемены в жизни людей».* Простой период. *«Христианская нравственная идея оплодотворила римское право и греко-римскую культуру».* Простой период. *«Этот синтез дохристианской культуры с Божественной нравственной истиной, провозглашенной Спасителем, имел очень большое воздействие на умы и сердца людей».* Простой период, протасис которого осложнен вставной конструкцией – причастным оборотом. *«Этот синтез сформировал то, что до сих пор называется христианской цивилизацией».* Простой период, состоящий из главного предложения (протасис) и придаточного изъяснительного (аподосис). *«Можем много говорить о влиянии христианства на искусство и особенно на философию, потому что в центре размышлений о мире и о человеке после пришествия в мир Христа Спасителя был Бог и главная философия жизни выросла из этого факта: того, что в центре человеческого бытия – Бог, ставший Человеком».* Сложный каузальный период, состоящий из трех колонов, которые выражаются главным предложением (протасис) и двумя придаточными

причины с вставной конструкцией в форме третьего – определительного – придаточного предложения, распространенного причастным оборотом (аподосис).

Наряду с лексическими и синтаксическими средствами выразительность проповеднической речи Патриарха определяется использованием просодических средств, среди которых можно особо выделить вариативность интонации, громкости, паузации, а также логических и психологических ударений. Как правило, в проповеди, и в частности в приведенном выше фрагменте, для интонационного оформления протасиса характерно повышение тона, а для оформления аподосиса – понижение.

Рассмотрим еще один пример: при исполнении следующего фрагмента эмоционально-экспрессивное воздействие усиливается соединением фигур аккумуляции и анафоры риторического восклицания со словом «сколько» с нарастающим повышением тона и усилением громкости при произнесении выделенных слов: «**А сколько** каждый из нас испытывает на себе несправедливости и в большом, и в малом! **Сколько обид, сколько скорбей, сколько болезней, сколько конфликтов** и, переходя от личной, семейной, даже общественной жизни к жизни планеты, **сколько войн, сколько несправедливости, сколько** разного рода **скрытых стратегий**, направленных на утверждение зла в роде человеческого!»

Следующий фрагмент иллюстрирует, как для создания выразительности в речи используются паузы и логические ударения (знаком «/» будут обозначаться паузы между тактами; знаком «//» – паузы внутри периода, выделяющие наиболее важные смысловые элементы; знаком «///» – паузы между периодами; полужирным шрифтом с подчеркиванием будут отмечены слова, выделенные при произнесении речи логическим ударением). «*Каждый сохраняет свободу **верить** или **не верить**, / **принять** Христа или **не принять** Христа, / **принять образ жизни, который Он предлагает**, / или **отвергнуть его**; // и нет никакого давления, / а если когда-то в истории / и были попытки силой*

*государства, // силой **права**, // силой **закона** // принуждать людей к вере, / то все эти попытки оказались тщетными, / потому что ничто не может извне / повлиять на человеческий выбор, / если **сам** человек с этим выбором не согласен. ///»*

Указанные выше просодические средства используются в речи для выделения важных в смысловом и эмоциональном отношении мест проповеди, вместе с тем в целом проповедь выдержана на одном уровне громкости, в одном темпе, и ее исполнение характеризуется свободным выражением мысли и естественной, слегка аффектированной, манерой произнесения.

Патриарх обращается к слушателям, стоя на амвоне, одной рукой опираясь на патриарший жезл и глядя прямо в аудиторию, как бы адресуя свою речь одновременно всем присутствующим и каждому в отдельности. Торжественная обстановка богослужения, священное облачение Патриарха, чувство уверенности и внутренней силы, исходящее от Предстоятеля, высокое назначение и содержание проповеди создают сильный эффект воздействия на слушателей и обеспечивают убедительность речи.

Образ наставника священнослужителей-архиереев

Напутствия

Напутствие при вручении архиерейского жезла – вид речи Патриарха, который по ряду признаков близок проповеднической речи. Так же как и проповедь, напутствие Патриарха является видом устной гомилетической речи, осуществляемой в форме монолога, которая следует за богослужебным действием и неразрывно с ним связана. Особенностью напутственной речи является то, что она произносится после окончания Литургии, во время которой совершалось рукоположение нового архиерея, и сопровождает завершающий этап посвящения в архиерейский чин – вручение Патриархом новорукоположен-

ному пастырского жезла. Непосредственным адресатом напутственной речи является новопоставленный архиерей, вместе с тем во время напутствия, которое происходит в центре храма, присутствуют все участвовавшие в хиротонии и все собравшиеся на богослужение.

Характерным признаком напутственной речи Патриарха является сочетание пафоса лидерства и пафоса формирования человека, в основе которого – назидание и ориентирование новорукоположенного архиерея в предстоящем служении. основополагающий императив речи – дать Первосвятительские наставления Патриарха как Главы Церкви новопоставленному архиерею и сообщить ему о главных приоритетах будущей деятельности. Возвышенный эмоциональный пафос напутственной речи характеризуется стремлением передать глубину внутренних чувств в отношении высокого призвания и не менее высокой ответственности архиерейского служения.

Рассмотрим особенности формирования логоса напутственного слова Патриарха Кирилла на основе анализа речи при вручении архиерейского жезла Преосвященному Стефану (Кавтарашвили), епископу Тихорецкому и Кореновскому, которая прозвучала 25 февраля 2014 года за Божественной литургией в Богоявленском кафедральном соборе города Москвы⁴¹.

Напутственная речь начинается с обращения к новопоставленному епископу в среднем регистре, выражающемся в использовании стандартной для церковного языка формулы: *«Преосвященный епископ Стефан!»*

Во вступительной части констатация факта рукоположения выражается в эмоционально-возвышенной форме во фразе, полностью выдержанной в высоком церковно-религиозном стиле: *«Милостию и щедротами Единого*

---

⁴¹ Слово при вручении архиерейского жезла Преосвященному Стефану (Кавтарашвили), епископу Тихорецкому и Кореновскому 25.02.2014. Электронный ресурс URT: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3580685.html> (дата обращения 22.05.2016)

родного Сына Божия и благоволением Небесного Отца Святой Дух Утешитель снизошел ныне на твою главу через возложение рук преосвященных архипастырей». Далее формулируется главное положение напутствия – о великом долге, который теперь предстоит исполнять новому епископу. Высокий смысл исполнения этого долга подчеркивается в речи двумя цитатами – косвенной и прямой – из книг апостольских посланий Нового Завета: «Отныне ты – епископ Русской Православной Церкви, и твоя жизнь должна быть подчинена ее интересам, и прежде всего – исполнению благой и совершенной воли Божией (ср. Рим. 12: 2), состоящей в том, чтобы „все люди спаслись и достигли познания истины“ (1 Тим. 2: 4)». Высокое призвание и высокая ответственность епископского служения выражены в речи возвышенными эпитетами и метафорой «великий и ответственный жребий продолжателя апостольского делания», а обстоятельства, приведшие к данному событию, названы «дивным промыслом Вседержителя и Владыки мира».

Основная часть напутствия выдержана в высоком и среднем регистрах. В начале основной части сообщается о месте предстоящего служения нового епископа и о соблюдении преемственности в управлении епархией. Возвышенный характер содержания выражается в использовании лексики высокого книжного и церковного стиля: «Ныне тебе предстоит нести попечение о новообразованной Тихорецкой епархии, входящей в состав Кубанской митрополии. Здесь тебе необходимо стать достойным продолжателем трудов Преосвященного митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора, участвовавшего ныне в твоей архиерейской хиротонии».

Следующий фрагмент начинается в среднем регистре, характеризующемся использованием элементов официального стиля, здесь объясняются «происходящие преобразования в пределах Московского Патриархата, связанные, в том числе, с открытием новых епархий», которые имеют «единственную цель: сделать более успешным осуществление Церковью Христовой ее спасительной миссии». Мысль

о цели преобразований развивается уже в высоком регистре с использованием возвышенных метафор и лексики книжного и церковного стиля: *«Мы все трудимся для того, чтобы как можно более глубоко вспахать почву нашей национальной духовной жизни, чтобы посеянные на ниве Господней семена дали во время благопотребно добрые всходы и принесли обильный плод во славу Божию и во утверждение Святого Православия»*.

Далее в речи излагаются семь наставлений, определяющих приоритеты будущего служения епископа. Особенностью стилового оформления наставлений являются вариации высокого и среднего регистров речи, а также сочетание элементов различных стилей в зависимости от содержания каждого конкретного наставления.

Первое наставление содержит указание вести активную проповедническую деятельность: быть *«продолжателем дела апостолов»* и исполнять *«святую обязанность»* епископа – *«хранить чистоту веры»* и *«научать людей заповедям Христовым»*. Это наставление полностью выдержано в высоком регистре с использованием эмоционально-возвышенных эпитетов, книжной и церковной лексики, а также прямого цитирования одного из апостольских посланий Нового Завета. *«Тебе надлежит быть ревностным исполнителем слов апостола, обращенных к поставленному им епископу: „Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием“ (2 Тим. 4: 2). Внимая сему наставлению, помни о том, что учительство находится в центре служения епископа»*.

Второе наставление указывает на первоочередную задачу епископа – *«заботиться о приобщении людей к вере, о созидании всех необходимых условий для того, чтобы слово Истины звучало открыто и невозбранно и Господь посредством Евангельской проповеди „прилагал спасаемых к Церкви“ (Деян. 2: 47)»*. Это наставление является продолжением и дополнением предыдущего и также выдержано в высоком регистре с использованием возвышенной книжной лексики и цитаты из книги «Деяния Апостолов» Нового Завета.

В третьем наставлении отмечаются проблемы современного общества и указывается, что проповедь *«имеет особое значение в контексте противостояния индустрии порока, засилью ложных идеалов эгоизма, удовольствий и комфорта, активно навязываемых человеку сегодня»*. В связи с этим определяется еще один приоритет – *«правильная организация систематической и широкомасштабной деятельности в сфере миссионерства, катехизации, молодежной работы и благотворительности»*. Третье наставление выполнено преимущественно в среднем регистре, который реализуется в сочетании лексики публицистического и официального стиля с некоторыми элементами высокого книжного и церковно-религиозного стиля, выражающегося, в частности, в образном определении проповеди как *«возвещения правды Божией»* или в определении призвания жизни и служения епископа как *«зримого свидетельства о Христе Распятом и Воскресшем»*. Сочетание элементов вышеуказанных стилей отчетливо прослеживается в следующем фрагменте третьего наставления: *«Не ограничиваясь возгласием Слова Божия с амвона, используй для проповеди все возможности, которые способны предоставить современные средства связи и информации. Привлекай к таковому деланию и наиболее талантливых и способных клириков и мирян своей епархии. При этом всегда напоминай таковым, что священнослужитель, выступая публично, никогда не должен создавать впечатление, что его частное субъективное мнение является мнением всей Церкви»*.

Четвертое наставление начинается в высоком регистре с упоминания содержания одного из апостольских посланий и приведения прямой цитаты: *«Никогда не преступай апостольского наказа: „Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах; храни себя чистым“ (1 Тим. 5: 22)»*. Далее можно наблюдать переход к среднему регистру для выражения мысли о значении слов апостольского послания применительно к обстоятельствам сегодняшнего дня: *«Данные слова приобретают особую актуальность в связи с масштабами церковного стро-*

ительства, осуществляемого ныне на всем пространстве канонической ответственности Московского Патриархата, в связи с необходимостью активизации церковной деятельности по самым разным направлениям, в связи с глобальностью задач, стоящих сегодня перед нами. Постоянно заботься о поддержании отношений доброго сотрудничества с представителями светской власти и общественных институтов». В этом фрагменте, как и в третьем наставлении, прослеживается сочетание элементов официального, публицистического, книжного и церковного стилей.

Пятое наставление касается необходимости частого проведения совместных богослужений с участием духовенства епархии. Это наставление выдержано в высоком регистре, что выражается в использовании возвышенной церковно-религиозной лексики: «Божественная литургия», «Евхаристический престол», «Причащение из общей Чаши», «сослужители алтаря Господня», «соборное служение архипаствы с клириками», «внутреннее каноническое единство» – и эмоционально-возвышенных эпитетов: «братский дух», «христианская любовь», «живой образ». Выразительность данному фрагменту речи придает выполненный в высоком стиле прием сравнения «местной Церкви во главе с епископом» с «живым образом Христа Спасителя, окруженного ликом апостолов».

В шестом наставлении содержится указание «быть доступным» не только «для подведомственных клириков», но и «для мирян, для простых людей». Значение общения епископа с простыми людьми раскрывается во фразе, которая содержит в себе элементы, свойственные разговорному стилю: «может помочь тебе иначе взглянуть на привычную ситуацию», – и элементы книжного стиля: «почувствовать чаяния и озабоченности паствы, ради блага которой ты и поставлен ныне во епископа». Таким образом, в данном фрагменте снова наблюдается ситуация смешения стилей – официального, книжного, церковного и отчасти разговорного.

Последнее, седьмое наставление касается развития социального служения и реализуется в речи сочетанием

высокого и среднего регистров. Так, назначение этого служения обозначается как *«совершение добрых дел»*, к которым *«мы призываемся самим Божиим словом, ибо, – и далее приводится цитата из апостольского послания, – „вера без дел мертва есть“ (Иак. 2: 20)»*. Социальное служение метафорически определяется как *«проповедь добрыми делами»*, которая характеризуется как *«гораздо более эффективная»* в сравнении с проповедью, представляющей собой *«изысканные и пафосные речи»*. Высокий смысл заботы о нуждающихся выражен в следующем фрагменте: *«Мы не только облегчаем их страдания, помогаем преодолеть временные испытания, но и свидетельствуем им о Христе, помогая приблизиться к познанию Евангельской истины, привлекая к жизни по Богу, ведущей к блаженной вечности»*.

Завершающая часть напутствия, выдержанная в высоком регистре книжного и церковного стиля, сопровождается вручением жезла, который именуется *«символом епископской власти над словесным стадом Христовым»*, и содержит в себе побуждение помнить о высокой ответственности епископа: *«Господь взыщет с тебя ответ за каждую душу, вверенную твоему попечению»*. В конце напутственного слова звучит призыв новорукоположенному архиерею преподать благословение собравшимся: *«А теперь от избытка даров Духа Святого, полученных при совершившемся ныне Таинстве, благослови народ православный, собравшийся в храме и молитвенно участвовавший в твоей епископской хиротонии. Аминь»*.

Рассмотрев структуру и содержание напутствия, можно сделать некоторые выводы об особенностях индивидуального стиля Патриарха в данном виде речи.

Основная характерная черта напутственной речи – назидательность, которая выражается в императивности и использовании модальных конструкций необходимости и долженствования, при этом обращение к объекту назидания происходит в форме второго лица единственного числа: *«помни о том, что учительство находится в центре служения епископа»*; *«используй для проповеди все возмож-*

ности»; «не преступай апостольского наказа»; «стремись как можно чаще совершать Божественную литургию»; «старайся быть доступным»; «особое внимание обращай на развитие социального служения»; «необходимо ясно осознавать»; «тебе надлежит быть ревностным исполнителем слов апостола», «вся твоя жизнь должна быть подчинена <...> исполнению благой и совершенной воли Божией».

Так же как и в проповеди, в напутствии можно наблюдать двуплановость субъекта речи, при этом «я»-форма используется в речи один раз – в предложении «Вручаю тебе сей жезл», а «мы»-форма, подчеркивающая единство и общность служения Патриарха и всех архиереев Церкви, встречается неоднократно, – в частности, во фразах: «мы все трудимся для того, чтобы как можно более глубоко вспахать почву нашей национальной духовной жизни»; «это служение в первую очередь предполагает совершение добрых дел – тех добрых дел, к которым мы призываемся самим Божиим словом»; «заботясь о нуждающихся, мы не только облегчаем их страдания, помогаем преодолеть временные испытания, но и свидетельствуем им о Христе».

Лексическое своеобразие стиля напутственной речи заключается в сочетании элементов различных стилей, – в частности, нейтральной межстилевой лексики (сделать, помнить, собирать, помогать, внимание, чтобы, никогда); общекнижной лексики (осознавать, миссия, наставление, служение, познание, благо); церковно-религиозной лексики (Божественная литургия, Евангельская проповедь, заповеди Христовы, Преосвященный митрополит, епископ, епархия, митрополия, архиерейская хиротония, Московский Патриархат, литургические песнопения, катехизация, проповедь, духовенство, алтарь, Аминь); лексики и фразеологии официального стиля («организация систематической и широкомасштабной деятельности», «необходимость активизации деятельности по разным направлениям», «преобразования имеют цель», «сделать более успешным осуществление миссии», «глобальность стоящих задач», «подведомственные клирики»); публицистического стиля («контекст противостояния индус-

стрии порока, засилью ложных идеалов эгоизма, удовольствий и комфорта», «частное субъективное мнение», «представители светской власти и общественных институтов»); разговорного стиля («взглянуть на ситуацию», «быть доступным», «простые люди»).

Высокий смысл речи, ее эмоционально-возвышенный и торжественный характер выражаются лексикой и фразеологией высокого книжного стиля (*нести попечение, стать достойным продолжателем трудов, внимать наставлению, верить попечению, зримо являть, чаяния, испытания, созидание*); возвышенного церковно-религиозного стиля («*милостию и щедротами Единородного Сына Божия и благоволением Небесного Отца Святой Дух Утешитель снизошел ныне на твою главу*», «*исполнение благой и совершенной воли Божией*», «*дивный промысел Вседержителя и Владыки мира*», «*Слово Божие*», «*Евангельская истина*» «*ответственный жребий продолжателя апостольского делания*»); архаической лексикой высокого стиля (*ныне, отныне, сей, посему, ибо, дабы, благопотребно*); возвышенными эпитетами (*дивный, благой, совершенный, обильный, блаженный, ревностный*) и метафорами («*вспахать почву национальной духовной жизни*», «*посеянные на ниве Господней семена*», «*принесли обильный плод*»), а также цитатами из книг Нового Завета.

Особенностью синтаксической структуры напутствия является то, что в виде сложных периодов оформлены главные смысловые элементы речи – положение во вступительной части и побуждение в завершающей части. При этом основная часть преимущественно состоит из простых периодов, осложненных вставными конструкциями – придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами. Осложненные простые периоды сочетаются в речи с неосложненными, вставные конструкции осложненных периодов могут распространять как протасис, так и аподосис, – такие вариации построения синтаксической структуры создают разнообразие речевой конструкции, усиливают внимание слушателей, делают речь выразительной и запоминающейся.

Образ руководителя церковной организации

Обращения общецерковные

Важное место в публичной речевой деятельности Патриарха Кирилла занимают обращения, связанные с руководством церковной организацией. Поводом для данных обращений является участие Главы Церкви в организационных мероприятиях – заседаниях, собраниях, съездах, посвященных различным вопросам церковного управления. Среди таких мероприятий можно выделить: заседания Высшего Церковного Совета, Всецерковные съезды епархиальных миссионеров, собрание игуменов и игумений Русской Православной Церкви, заседания Наблюдательного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры, заседания попечительских советов по восстановлению монастырей и строительству храмов, заседания Координационного комитета по поощрению социальных, образовательных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской Православной Церкви и т. д.

Обращение Патриарха к собравшимся происходит в начале мероприятия в форме монолога и представляет собой разновидность ораторской совещательной речи: вступительное слово-доклад.

Непосредственную аудиторию обращений Патриарха составляют церковные иерархи, монашествующие, служители и сотрудники Русской Православной Церкви; в аудиторию попечительских, наблюдательных советов и координационных комитетов наряду с церковнослужителями и сотрудниками РПЦ входят государственные и общественные деятели, представители органов власти, бизнес-структур, благотворительных организаций. Аудитория является сосредоточенной и, в зависимости от масштаба мероприятия, может быть малой (заседания), средней (собрания) или большой (съезды). Аудитории свойственна однородность с точки зрения заинтересованности в решении существующих проблем и стоящих на повестке дня

вопросов, общий настрой аудитории характеризуется конструктивным отношением к предмету речи и повышенным вниманием к высказываниям Патриарха.

Основной пафос общецерковных обращений Патриарха – пафос лидерства, главным компонентом которого является пафос формирования человека, заключающий в себе замысел утверждения истин веры и духовного просвещения как главную цель деятельности Церкви. С точки зрения руководства церковной организацией в речи сочетаются пафос управления, связанный с поддержанием эффективно функционирующих структур, и пафос развития, в основе замысла которого изменение существующих условий, требующих усовершенствования, и формирование новых элементов в церковных структурах. Пафос управления и пафос развития непосредственно связаны с пафосом решительности, а также с пафосом формирования намерений, направленных на осуществление замысла в конкретных будущих действиях. Эмоциональный пафос обращения характеризуется намерением разделить с аудиторией чувство важности предпринимаемых действий и предлагаемых инициатив, чувство неудовлетворенности тем положением дел, которое имело или имеет место и требует усовершенствования, а также чувства удовлетворенности и радости от успешно реализованных замыслов.

Рассмотрим особенности формирования логоса общецерковного обращения Патриарха Кирилла на основе анализа вступительного слова к участникам заседания Наблюдательного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которое состоялось 16 декабря 2014 года в Патриаршей резиденции Данилова ставропигиального монастыря¹².

---

¹² Слово на заседании Наблюдательного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры 16.12.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3880748.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3881871.html> (дата обращения 22.05.2016)

В заседании приняли участие председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополит Волоколамский Иларион, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе А. Д. Беглов, председатель Императорского православного палестинского общества С. В. Степашин, также в числе участников – руководитель Департамента культурного наследия города Москвы А. В. Кибовский, генеральный директор Государственной корпорации «Росатом» С. В. Кириенко, старший советник президента ОАО «РЖД» и директор Благотворительного фонда «Транссоюз» В. В. Чернышов, председатель Совета директоров ОАО «Протек» В. С. Якунин, председатель Совета директоров ПАО «Аврора» В. Н. Жимиров, генеральный директор Благотворительного фонда «Лукойл» И. А. Бекетов, председатель Совета директоров «Промсвязьбанка» А. Н. Ананьев, председатель Совета директоров ОАО «Группа ЛСР», заместитель генерального директора ОАО «Россети» А. В. Демидов, помощник генерального директора госкорпорации «РОСТЕХ» по вопросам спонсорства и благотворительности Ю. А. Воронова, советник министра юстиции Российской Федерации Ю. В. Зудов, советник полномочного представителя Президента России в Центральном федеральном округе М. Н. Белогубова. Присутствовали проректоры Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия протоиерей Владимир Шмалий и иеромонах Иоанн (Копейкин), сотрудники ОЦАД¹⁵.

Вводная часть вступительного слова начинается с указания на события, послужившие поводом к появлению в Русской Православной Церкви такого учебного за-

---

¹⁵ Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3880715.html> (дата обращения 22.05.2016)

ведения, как Общецерковная аспирантура и докторантура: *«Скоро исполнится шесть лет с того момента, как 31 марта 2009 года, на первом после моего избрания на Патриарший престол заседании Священного Синода, было инициировано большое и важное дело – создание Общецерковной аспирантуры и докторантуры. Эта инициатива была обусловлена насущной необходимостью образования и повышения квалификации кадрового резерва нашей Церкви».* Значение данной инициативы подчеркивается эмоционально-оценочными эпитетами во фразах *«большое и важное дело»*, *«обусловлена насущной необходимостью»*, а положение дел до ее появления выражается в эмоционально-экспрессивной форме: *«В Русской Церкви катастрофически не хватало квалифицированных богословских кадров, которые бы находились на уровне современной богословской мысли».* Вводная часть заканчивается формулировкой главного положения речи, которая предваряется указанием на общее понимание важности требующихся для развития деятельности Церкви изменений: *«Мне и моим братьям-архипастырям в то время было совершенно очевидно, что повышение квалификации высших и средних кадров Церкви, а также возвращение нового поколения ответственных служителей – это задача первостепенной важности, без решения которой мы не можем осуществлять никакого планирования, потому что все упирается в людей».* Элементы официального стиля уже в вводной части придают речи деловой и практический характер, вместе с тем индивидуальный стиль Патриарха проявляется в сочетании официальной лексики и фразеологии с церковной, – в частности, эмоционально окрашенной (*«мне и моим братьям-архипастырям <...> было совершенно очевидно»*), книжной (*«возвращение»*) и разговорной (*«все упирается в людей»*).

В начале основной части обращения обозначается главная цель предпринимаемых в Церкви инициатив, которая заключается в том, *«чтобы стимулировать общецерковное развитие, включая укрепление религиозности нашего народа и развитие всех сторон церковной жизни, в первую*

очередь, в нашей российской провинции». На достижение этой цели, в частности, направлена инициатива создания новых епархий: «Сама эта инициатива поставила вопрос о подготовке кадров, потому что архиерей несет ответственность за Церковь, за вверенных ему людей, он представляет Церковь перед лицом внешнего мира, воспитывает и несет ответственность за воспитание кандидатов в духовенство и за само духовенство».

Далее в речи формулируется первоочередная задача Церкви – *«актуализировать евангельское послание для наших современников».* В реализации этой задачи Патриарх отмечает *«большие трудности и проблемы»*, которые, по его мнению, заключаются в том, что *«общий информационный поток, который сегодня обрушивается на каждого человека, способствует не актуализации, а архаизации евангельского послания».* Говоря о важнейшей миссии Церкви в исторической перспективе, Патриарх сообщает, что *«во все времена, всегда актуализация Евангелия является главной задачей Церкви»*, и выделяет мысль о проблемах сегодняшнего дня, сравнивая в форме противопоставления условия исполнения Церковью своей миссии в прошлом с современным положением дел: *«Однако сегодня мы, возможно, сталкиваемся на этом пути с наибольшими трудностями – культурными, образовательными и иными».*

Основная часть обращения далее продолжается объяснением деталей инициативы создания новых епархий, цель которой еще раз обозначается в речи, теперь – в форме метафоры: *«глубже вспахать поле религиозной жизни в нашей стране».* В объяснении приводятся статистические данные об увеличении числа архиереев и епархий за прошедший период: *«В 2009 году в Русской Православной Церкви было 200 архиереев – участников Архиерейского Собора, сейчас их насчитывается 329 <...> В 2009 году у нас было 159 епархий, в том числе 69 – в Российской Федерации, то есть она по количеству архиереев и епархий уступала всем иным частям Московского Патриархата в совокупности. Сегодня епархий насчитывается 282, из них 179 – в России».* За ста-

тистическими данными следует описание управляющих новыми епархиями архиереев, которые характеризуются как *«люди в основном молодые»*, опытные (*«многие из них по двадцать с лишним лет трудились на разных послушаниях в глубинке: были священниками, настоятелями монастырей, благочинными, занимались образовательной деятельностью; многие состояли членами Общественных палат в регионах, имели опыт общения с властями»*), хорошо образованные (*«в основном это люди с двумя высшими образованиями – церковным и светским»*), но – далее в форме противопоставления обозначается проблема недостаточности имеющихся опыта и знаний новопоставленных архиереев для решения стоящих перед ними задач – *«15–20 лет трудов вне духовных школ и вообще системы повышения квалификации, конечно, сказываются – какой-то опыт у них появляется, но в чем-то они не приобретают ни опыт, ни знания»*.

Приведенные выше сведения предваряют сообщение о том факте, особая значимость которого подчеркивается эмоционально-оценочным характером фразы, что *«на Аспирантуру сегодня возложена очень важная обязанность: работать в плане повышения квалификации архиереев Русской Православной Церкви»*. Далее в речи дается описание архиерейских курсов повышения квалификации и определяются преимущества данной программы, среди которых выделяются: *«возможность общаться с Патриархом, задавать ему вопросы»*, встречи с членами Синода, главами синодальных учреждений, представителями государственной власти, *«тематические курсы ведущих российских специалистов – экспертов в области социологии, истории, юриспруденции, управления и финансов»*. Отмечается, что учащиеся *«перенимают живой опыт управления, знакомятся с основными тенденциями церковно-государственных, межправославных и межрелигиозных отношений»*, и сообщается о высокой оценке уровня программы и ее практической важности со стороны слушателей IV архиерейских курсов, с которыми встречался Патриарх, а также о поступившем от участников программы предложении: *«Они обратились*

к нам с просьбой еще более расширить тематику курсов, указывая на те сферы своей деятельности, в которых хотели бы получить больше знаний, а также выступили с очень интересной инициативой: создать подобные курсы для их ближайших помощников». Поддерживая данное предложение и приняв решение о его реализации, Патриарх в своей речи обращается с конкретным поручением по организации исполнения принятого решения: *«Я просил бы митрополита Волоколамского Илариона создать условия для реализации этой инициативы».*

Завершая фрагмент речи, посвященный архиерейским курсам повышения квалификации, Предстоятель акцентирует внимание на том, что *«для Патриарха повышение уровня образования, обретение новых навыков представителями епископата является делом огромной важности»*, подчеркивая свое особое отношение к данной проблематике эмоционально-экспрессивной и оценочной лексикой. Патриарх выражает убеждение, что *«курсы повышения квалификации для новопоставленных архиереев – лишь первый, но очень важный этап создания в Русской Православной Церкви разветвленной программы непрерывного повышения квалификации»*, и выдвигает предложение назвать будущую программу обучения Патриаршей программой, а также расширить ее для «всего управленческого ядра Русской Православной Церкви». Заключительным доводом в поддержку развития указанной образовательной программы является факт ее уникальности: *«Ни в одной другой Поместной Православной Церкви, а также в инославном мире не существует аналогов подобной образовательной программы».* Данный довод усиливается в речи приемом непрямого обращения: *«Владыка Иларион подтвердит, что проводимые у нас курсы вызывают очень большой интерес представителей Поместных Православных Церквей и не только»*, а также указанием на перспективу сотрудничества Русской Православной Церкви с Российской академией народного хозяйства и государственной службы, которое *«также может принести обильные и добрые плоды».*

В следующем фрагменте речи сообщается о принятом решении дать конкретное поручение в отношении реализации на базе Общецерковной аспирантуры и докторантуры ряда проектов, которые определяются эпитетом «важные», и тем самым подчеркивается их особая значимость: *«Учитывая все возрастающий потенциал Общецерковной аспирантуры и докторантуры, я считаю возможным возложить на ее ректора митрополита Илариона ряд важных общеобразовательных церковных и просветительских проектов»*. Далее в речи приводится описание поручаемых проектов.

Первый проект – *«Общецерковный диссертационный совет по защите диссертаций на соискание степени доктора богословия и церковной истории»*. Состав совета эмоционально-оценочно определяется в речи как *«цвет российской светской и церковной науки»*. Отмечается заслуга совета в том, что *«весь процесс написания и защиты диссертаций выстраивается теперь в полном соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации»*, и приводятся статистические данные о количестве проведенных защит диссертаций и готовящихся к защите работ. Патриарх выражает свое особое отношение к данному проекту и его значимости во фразе: *«Очень надеюсь, что эти диссертации внесут свой вклад в развитие богословской науки»*.

Второй проект – *«Координационный центр по развитию богословской науки в Русской Православной Церкви, задача которого – определение основных направлений такого развития»*. Патриарх сообщает о возникшей необходимости координировать *«богословские изыскания»* духовных академий и светских учреждений для того, *«чтобы не распылять кадры и консолидировать внимание на тех богословских проблемах, решение которых сегодня действительно актуально для нашей Церкви»*.

В рамках третьего проекта ректору ОЦАД поручено *«привлечение большого количества ученых к написанию принципиально новых учебников для бакалавриата Русской Право-*

славной Церкви». Патриарх отмечает, что работа над этим проектом *«становится площадкой коллективного труда сотен авторов»* и требует *«сложной структурной организации», «нестандартных решений, в том числе управленческих, а также же методических и педагогических».*

Еще одним проектом является проведение ежегодной Международной научно-практической конференции на базе Аспирантуры, которая *«стала серьезной площадкой для встреч церковных и светских ученых, иерархов и богословов со всего мира».* В качестве примера приводится конференция, *«посвященная замечательному поздневизантийскому христианскому автору и Отцу Церкви – преподобному Симеону Новому Богослову».*

Далее сообщается о проекте созданной по инициативе Патриарха Комиссии по студенческому обмену, необходимость создания которой вызвана тем фактом, что работа по координации данной деятельности ранее *«наталкивалась на очень большие трудности».* Проблемы, существовавшие в сфере студенческих обменов, иллюстрируются в речи примерами из собственного опыта Патриарха: *«Иногда мы даже не знали, кто и зачем учится за рубежом, каков результат этого обучения. Многие, проведя несколько лет за границей, просто исчезали: кто-то уходил в бизнес, кто-то занимался чем-либо еще. То есть мы направляли на обучение способных людей, а на выходе были какие-то ложные, шумные сигналы».* Отношение к неудовлетворительным результатам процесса студенческих обменов экспрессивно выражается метафорой «ложные, шумные сигналы». Необходимость изменения данного положения дел послужила причиной решения Патриарха о передаче вопросов студенческого обмена в сферу ответственности ОЦАД: *«Поэтому я стал связывать с образованием в Аспирантуре и наведение порядка в этой очень важной сфере нашей деятельности».* Далее приводятся статистические данные о количестве студенческих обменов на сегодняшний день и излагаются основные принципы работы в этом направлении, среди которых – резкое сокращение числа обучающихся за

границей в рамках бакалавриата. Патриарх формулирует в речи свою позицию по данному вопросу: *«Ехать куда-то учиться нужно только в том случае, если ты получил базисное образование у себя на родине, и тогда специализация может быть уже в другом учебном заведении, тем более что сегодня это можно легко состыковать в рамках Болонской системы»*. Вместе с тем Патриархом подчеркивается значимость устанавливаемых во время студенческих обменов *«добрых отношений»*, которые сохраняются у выпускников *«со своими альма-матер»*, *«с местными профессорами, иерархами и духовенством»*, и отмечается, что *«студенческий обмен имеет важные следствия и для внешнецерковной деятельности»*.

С внешнецерковной деятельностью связан последний из порученных ректору ОЦАД проектов – программа *«Внешние церковные связи»*, осуществляемая в рамках Аспирантуры. Патриарх сообщает, что это *«единственная такого рода специализированная программа в мировом Православии»*, и выражает свое личное отношение к этой программе: *«Она мне особенно дорога, потому что фактическим инициатором ее создания был мой духовный отец – приснопамятный митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)»*. Главной задачей образовательного цикла была *«подготовка ответственных работников в сфере церковно-общественных отношений»*. Сообщая о значимости обучения по данной программе, Патриарх приводит биографические факты: *«Через эту программу в свое время прошел и я, как и владыка Иларион и очень многие другие иерархи»*. Говоря о современной программе ОЦАД *«Внешние церковные связи»*, Патриарх сообщает, что она *«заново разработана в соответствии с требованиями текущего момента и мыслится как подготовка верных Церкви, открытых для диалога просвещенных и образованных участников межцерковных отношений»*.

В завершающей части обращения Патриарх обобщает все сказанное и подводит итоги: *«Итак, многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать. Для учебного заведения временной промежуток в пять-шесть лет – слишком малый срок, чтобы требовать больших результатов. Тем не менее такие*

результаты уже налицо». Эмоционально-возвышенное отношение к достигнутым результатам выражается во фразе, содержащей метафору в форме косвенной цитаты из евангельской притчи о сеятеле и семенах: «Я хотел бы с радостью отметить, что посеянное в 2009 году семя не заглохло, оно не пало ни на каменистую почву, ни в тернии, ни при дороге, а дало плод, и за эти пять лет – плод достойный». Патриарх поясняет свое отношение к результатам работы: «Я не имею намерения преувеличивать результаты, но и принижать их не стоит» – и формулирует побуждение: «Поэтому нужно сделать все для того, чтобы Аспирантура могла работать с еще большей отдачей». Патриарх определяет, что Общецерковная аспирантура и докторантура – это «своего рода Патриаршая академия, находящаяся под непосредственным контролем Предстоятеля Церкви», и резюмирует приоритеты будущей деятельности этой образовательной структуры: «Она, несомненно, призвана консолидировать интеллектуальные ресурсы Русской Православной Церкви, генерировать новые общественные идеи, осуществлять непрерывное образование ответственных сотрудников Церкви, служить площадкой для диалога церковной и светской науки, а также для подготовки просвещенных кадров, работающих в сфере церковно-государственных, церковно-общественных и международных отношений. Достижение всех этих целей – важная и актуальная задача».

Рассмотрев структуру и содержание обращения в форме вступительного слова-доклада, можно отметить преобладающий официально-деловой характер речи. Целью речи является формирование отношения присутствующих к поднимаемым вопросам и определение приоритетов будущих практических действий. В речи произведен анализ достигнутых результатов, текущего положения дел, приведены сведения статистического характера, произведены оценки осуществляемой деятельности и даны конкретные поручения, сформулировано видение перспектив развития.

Характерная черта индивидуального стиля Патриарха в данном виде речи – сочетание официально-делового

стиля, выражающегося, в частности, в употреблении соответствующей лексики и фразеологии (*актуализировать, было инициировано, инициатива была обусловлена, кадровый резерв, задача первостепенной важности, осуществлять планирование, стимулировать развитие, нести ответственность, разработана в соответствии с требованиями, возложена важная обязанность, систематически работать, закрепленное в договоре сотрудничество, работа над проектом, управленческое ядро, сложная структурная организация, площадка коллективного труда, находиться под непосредственным контролем, иметь важные следствия для деятельности, консолидировать ресурсы, достижение целей, актуальная задача и т. д.*), с межстилевой лексикой (*говорить, думать, работать, знать, делать, жизнь, каждый, сегодня, несколько*), лексикой и фразеологией публицистического стиля (*являться активным участником общественной жизни, сквозь призму современного информационного потока, делать блестящую карьеру, опыт общения с властями, условия жесткого прессинга и контроля со стороны государства, требования текущего момента, новые общественные идеи, площадка для диалога, сфера церковно-государственных, церковно-общественных и международных отношений*), церковно-религиозного стиля (*Патриарший престол, Священный Синод, Архиерейский Собор, Патриархат, Поместные Церкви, Предстоятель, иерарх, епархия, настоятель, благочинный, епископский сан, Отец Церкви – преподобный Симеон Новый Богослов, духовный отец, приснопамятный митрополит*), книжного стиля (*взрачивание, свидетельствовать, архангел, послание, изыскания*) и разговорного стиля (*«все упирается в людей», «работа наталкивалась на большие трудности», «многие просто исчезали», «кто-то уходил в бизнес», «чтобы не распылять кадры», «управляющие новыми епархиями – это люди в основном молодые, хотя есть и среднего возраста», «не собирались делать карьеру», «не думали об архиерействе», «по двадцать с лишним лет трудились в глубинке»*).

Эмоционально-экспрессивные средства, выражающие особое отношение Патриарха к теме и содержанию обращения, чувство важности и значимости осуществ-

вяемой деятельности, чувство неудовлетворенности положением дел, требующим изменений, чувство радости от достигнутых результатов, – те эмоции, которые Предстоятель хочет разделить с присутствующими, преимущественно представлены эпитетами (*важная и актуальная задача, большое и важное дело, очень важная обязанность, высокий уровень программы, очень большие трудности, очень интересная инициатива, очень важный этап, дело огромной важности, очень большой интерес, очень важная сфера деятельности* и т. д.) и метафорами (*«информационный поток обрушивается на каждого человека», «на выходе были какие-то ложные, шумные сигналы», «глубже вспахать поле религиозной жизни», «обильные и добрые плоды», «семя не заглохло, оно не пало ни на каменистую почву, ни в тернии, ни при дороге, а дало плод»*). А также в речи для сообщения слушателям возвышенных эмоций используется прием косвенной цитаты из Евангелия, о котором было сказано выше.

Проанализируем синтаксическую структуру фрагмента вступительного слова-доклада.

«Скоро исполнится шесть лет с того момента, как 31 марта 2009 года, на первом после моего избрания на Патриарший престол заседании Священного Синода, было инициировано большое и важное дело – создание Общецерковной аспирантуры и докторантуры». Простой период с асимметричной структурой с точки зрения объема протасиса и аподосиса. *«Эта инициатива была обусловлена насущной необходимостью образования и повышения квалификации кадрового резерва нашей Церкви»*. Простой период, состоящий из одного простого предложения.

«Мне и моим собратьям-архипастырям в то время было совершенно очевидно, что повышение квалификации высших и средних кадров Церкви, а также возвращение нового поколения ответственных служителей – это задача первостепенной важности, без решения которой мы не можем осуществлять никакого планирования, потому что все упирается в людей». Сложный период, протасис которого состоит из двух членов: главного предложения и придаточного изъяснитель-

ного, а аподосис – из трех членов: главного и двух придаточных предложений – определительного и обстоятельного причины. *«В Русской Церкви катастрофически не хватало квалифицированных богословских кадров, которые бы находились на уровне современной богословской мысли».* Простой период, протасис которого представляет собой главное предложение, а аподосис – придаточное определительное. *«И вот за прошедшие годы многое сделано для того, чтобы такие кадры появились».* Простой период, состоящий из главного предложения и придаточного цели.

«Одновременно что-то сделано и для того, чтобы стимулировать общецерковное развитие, включая укрепление религиозности нашего народа и развитие всех сторон церковной жизни, в первую очередь, в нашей российской провинции». Простой асимметричный период, в котором протасис – главное предложение, а аподосис – придаточное цели, распространенное вставной конструкцией – деепричастным оборотом. *«Именно поэтому было инициировано создание новых епархий».* Простой период, состоящий из одного простого предложения. *«Сама эта инициатива поставила вопрос о подготовке кадров, потому что архиерей несет ответственность за Церковь, за вверенных ему людей, он представляет Церковь перед лицом внешнего мира, воспитывает и несет ответственность за воспитание кандидатов в духовенство и за само духовенство».* Сложный каузальный период, состоящий из трех членов – главного предложения и двух придаточных. *«Ведь они реализуют различного рода программы, в том числе образовательные, педагогические, и от уровня образования, в том числе уровня образования архиерея, очень многое зависит».* Сложный период, состоящий из двух простых предложений в составе одного сложносочиненного.

Анализ данного фрагмента иллюстрирует, что для синтаксической организации рассматриваемой речи характерно сочетание простых и сложных периодов, а также различные способы построения внутри периодов. Такая речевая структура, отличающаяся разнообразием синтаксических конструкций, способствует поддержанию

внимания аудитории и, соответственно, улучшает восприятие речи.

Исполнение речи происходит с использованием заранее составленного в письменном виде текста вступительного слова-доклада, к которому Предстоятель обращается во время выступления и произносит предварительно подготовленные формулировки речи. В целом исполнение происходит на одном уровне громкости, в несколько ускоренном темпе, с использованием стандартной не аффектированной интонации. Выразительными средствами при произнесении преимущественно выступают паузы и логические ударения, подчеркивающие важные в смысловом и эмоциональном отношении элементы речи. Проиллюстрируем это следующим примером (знаком «/» будут обозначаться паузы между тактами; знаком «//» – паузы внутри периода, выделяющие наиболее важные смысловые элементы; знаком «///» – паузы между периодами; полужирным шрифтом с подчеркиванием будут отмечены слова, выделенные при произнесении речи логическим ударением): *«Итак, многое уже сделано, / но еще больше предстоит сделать. /// Для учебного заведения временной промежуток в пять-шесть лет / – слишком малый срок, / чтобы требовать больших результатов. /// Тем не менее такие результаты уже налицо. /// Я хотел бы с радостью отметить, что посеянное в 2009 году семя // **не заглохло**, // оно **не пало** ни на **каменистую** почву, // ни в **тернии**, // ни при **дороге**, // а дало **плод**, // и за эти пять лет // – плод **достойный** ///».*

Образ общественного деятеля

Обращения к общественности

Большую часть публичных речей Патриарха Кирилла составляют обращения к общественности. Поводом данных обращений является участие Предстоятеля в различных общественно значимых событиях, среди которых центральное место занимают мероприятия в сфере обра-

зования, культуры, социального служения и духовно-нравственного просвещения, такие как Международные Рождественские образовательные чтения, Рождественские парламентские встречи; мероприятия, приуроченные к памятным датам, в частности, к Дню народного единства, Дню славянской письменности и культуры, празднования и подготовка программ к юбилейным торжествам, посвященным почитаемым русским святым, таким как преподобный Сергей Радонежский или благоверный князь Александр Невский; мероприятия, направленные на поддержку института семьи и работу с молодежью; встречи с представителями различных профессиональных и региональных сообществ и другие события; важное место отводится участию в мероприятиях, связанных с деятельностью Всемирного русского народного собора.

Непосредственная аудитория обращений Патриарха Кирилла – это, как правило, сосредоточенная ораторская аудитория, обычно средняя или большая по объему, как однородная, включающая в себя представителей православной общественности, к которым Предстоятель обращается на таких мероприятиях, как, например, съезд православной молодежи, церемония награждения победителей Общероссийской олимпиады по Основам православной культуры, культурно-образовательный православный форум «От сердца к сердцу» и др., так и разнородная по политическим взглядам, конфессиональной, национальной и профессиональной принадлежности аудитория, присутствующая на таких мероприятиях, как Всемирный русский народный собор.

Главный пафос обращений Патриарха к общественности был выражен им в выступлении на встрече с участниками VI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово»: *«Задача Церкви одна и та же на протяжении тысячелетий, и, верим, что она сохранится неизменной до скончания века. Церковь призвана продолжать служение Господа Иисуса Христа, свидетельствовать о Божественной истине, вести людей ко спасению, и другой цели у Церкви нет.*

Все остальное, что мы делаем, – социальная работа, участие в политическом диалоге, работа с информацией и в сфере массовой информации – осуществляется Церковью лишь настолько, насколько она служит делу человеческого спасения»¹⁴. Следовательно, основополагающий пафос обращений – пафос формирования человека, который непосредственно связан с пафосом поддержания устойчивости, выражающимся в стремлении побудить человека к сохранению веры, системы традиционных духовно-нравственных ценностей, духовного единства, национального самосознания. И так, пафос формирования человека непосредственно связан с пафосом поддержания устойчивости, который выражается в стремлении побудить человека к сохранению веры, системы традиционных духовно-нравственных ценностей, духовного единства, национального самосознания. Для обращений Патриарха к общественности также характерен пафос лидерства, который заключается в сочетании пафоса управления, пафоса развития и пафоса решительности, выражающихся в реализации конкретных общественно значимых проектов в области культуры, образования, воспитания, укрепления семейных ценностей и т. д., инициируемых Русской Православной Церковью во главе с Предстоятелем и направленных на решение важнейших задач, составляющих миссию Церкви.

Эмоциональный пафос обращений Патриарха направлен на то, чтобы разделить чувства по отношению к предмету речи с аудиторией, и преимущественно связан с этической стороной переживаний человека – эмоциями должного и недолжного, а также рациональной стороной – эмоциями удовлетворенности и неудовлетворенности.

---

¹⁴ Выступление на встрече с участниками VI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово». Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3760321.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3760249.html>; (дата обращения 22.05.2016)

Таким образом, обращение Патриарха к общественности представляет собой вид монологической речи на общественно значимую тему, содержащей в себе компоненты убеждения и побуждения к действиям, полезным для общества, усиленные соответствующими доводами.

Для определения особенностей формирования логоса речи-обращения к общественности рассмотрим выступление Патриарха Кирилла перед собравшимися на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 года. Тема собора: «Единство истории, единство народа, единство России»¹⁵.

В президиуме Собора присутствовали: председатель Государственной Думы ФС РФ С. Е. Нарышкин; первый заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ А. П. Торшин; министр внутренних дел РФ генерал-полковник полиции В. А. Колокольцев; генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка; представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе А. Д. Беглов; митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; глава Республики Северная Осетия-Алания Т. Д. Мамсуров; глава Карачаево-Черкесской Республики Р. Б. Темрезов; помощник Президента РФ И. Е. Левитин; председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин; статс-секретарь – заместитель министра иностранных дел РФ Г. Б. Карасин; руководитель Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями г. Москвы Ю. В. Артюх; заместитель главы Собора, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев; председатель Центрального духовного управления мусульман, верховный муфтий России Талгат Таджуддин и другие официальные лица. Среди участников Собора –

---

¹⁵ Слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11.11.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3838162.html> (дата обращения 22.05.2016)

иерархи и священнослужители Русской Православной Церкви, представители традиционных религий и общественных организаций России, лидеры политических партий, ученые, деятели культуры и искусства, военные, спортсмены¹⁶.

Речь начинается с обращения к присутствующим официальным лицам – представителям органов власти, церковным иерархам, священникам, верующим, представителям светского общества: *«Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемый Александр Дмитриевич, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры, дамы и господа!»*

Далее в речи мы находим изложение видения современной общественно-политической обстановки в мировом масштабе: *«Мы собрались в тревожное время, когда в разных регионах планеты мирная жизнь поставлена под угрозу, когда люди гибнут от рук экстремистов на Ближнем Востоке, а междоусобный конфликт полыхает в самом сердце исторической Руси – на Украине»*. Сильное эмоциональное воздействие в данном фрагменте речи оказывают вызывающие чувства тревоги, волнения, сострадания словосочетания и фразы *«тревожное время», «мирная жизнь поставлена под угрозу», «люди гибнут от рук экстремистов», «конфликт полыхает в самом сердце исторической Руси»*. О глобальных изменениях мироустройства, происходящих в текущий момент времени, Патриарх сообщает, что *«2014 год открыл новую главу во всемирной истории, главу сложную, драматическую, ознаменовавшую окончание того, что условно можно назвать «постсоветским миром»»*, и заключает: *«Этот мир оказался хрупким. В нем не сложилось устойчивого порядка, основанного на взаимопонимании и взаимном уважении людей, относящихся к разным культурам и цивилизациям»*. Причина этого, по мнению Патриарха, состоит в следующем:

¹⁶ Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3837648.html> (дата обращения 22.05.2016)

«Те, кто считает себя победителями в холодной войне, внушают всем, что определяемый ими путь развития – правильный и, более того, единственно возможный для человечества. Доминируя в глобальном информационном пространстве, они навязывают миру свое понимание экономики и государственного устройства, стремятся подавить решимость отстаивать ценности и идеалы, отличные от их ценностей и идеалов, связанных, как мы знаем, с идеей потребительского общества».

Вступительная часть завершается формулировкой тезиса речи, содержащего в своей основе компонент побуждения: *«В этой исторической ситуации мы должны как зеницу ока хранить единство нашей страны, созданной и завещанной нам предками».* Тезис дополняется сообщением необходимых для обеспечения единства условий, представленным также в форме побуждения: *«При этом нельзя ни на минуту забывать, что это единство не может быть обеспечено лишь силой. Его надежной основой в первую очередь должна быть духовная и нравственная общность живущих в стране людей, общность ценностей».*

Первый довод, распространяющий данный тезис в основной части речи, представляет собой формулируемое с целью убедить аудиторию утверждение, что *«единство народа неразрывно связано с единым пониманием его истории: с почитанием общих героев, с сохранением общих памятников, с общим торжеством в годовщины побед и с общей печалью в годовщины трагедий».* Существование в обществе различных, зачастую диаметрально противоположных, взглядов на события истории отражается в речи в признании необходимости *«поиска и дискуссий для достижения согласия в интерпретации тех или иных событий прошлого, оценки исторических фигур».*

В развитие первого довода приводится идея, что *«единство и традиция как сила, передающая, в том числе, ценности и культурный код нации, являются непременным условием того, чтобы общество в любой исторический период сохраняло свою целостность и единство».* Доказательством справедливости данного утверждения в речи служит обращение к реаль-

ным фактам современности, свидетельствующим о том, что *«народ, разделившийся в понимании своей истории, становится неспособным сохранить единство»*. Приводится пример событий, наблюдаемых сегодня на Украине, которые характеризуются как *«трагическое разделение, происходящее тогда, когда люди теряют общее понимание своей истории, ведущее к расколу и провоцирующее гражданский конфликт»*. Исходя из сказанного, в речи формулируется побуждение рассматривать вопрос единого подхода к истории *«не как частный вопрос, не как проблему одной из научных дисциплин – как преподавать историю в школе, но как чрезвычайно важный вопрос государственного и национального бытия»*. Далее в речи звучит призыв к присутствующим: *«Давайте все об этом задумаемся. Это проблема, которая должна решаться не только в рамках Министерства образования, – и снова формулируется побуждение, усиливаемое наводимой эмоцией волнения от возможного причинения обществу непоправимого вреда в будущем из-за сегодняшнего бездействия широкой общественности: «Мы все должны принимать участие в обсуждении этих решений, чтобы не нанести через систему образования такой ущерб народной жизни, который потом будет очень тяжело и, может быть, даже невозможно исцелить»*.

В части существующих в обществе взглядов на историческое прошлое в речи приводится наблюдение, что *«сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов»*. Данное наблюдение конкретизируется в примерах двух противоположных позиций по отношению к определенным историческим периодам: *«Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего, кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого – лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость»*. Неудовлетворительность подобных ограниченных взглядов

на историю метафорически объясняется в следующем фрагменте речи: *«На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Черно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искаженную и разорванную картину истории, распадающуюся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу»*. Довод усиливается предупреждением с использованием приема цитирования: *«Нельзя повторять ошибки тех, кто, по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился в коммунизм, а попал в Россию»»*.

Далее в речи представлены утверждения, призванные убедить аудиторию сформировать взвешенную позицию по отношению к российской истории: *«В любые времена, несмотря на все реформы, революции, контрреволюции, Россия сохраняла свою цивилизационную основу. Менялись модели государственного устройства, титулатура правителей, привычки правящих классов, но русское общество, русские люди сохраняли свою национальную идентичность»*. Среди главных качеств русских людей, составляющих основу национальной идентичности, в речи называются *«любовь к родине, чувство братства и чувство долга, готовность положить „душу свою за други своя“ (цитата: Ин. 15: 13)»*. Эти качества, по мнению Патриарха, *«одинаково характерны для героев Куликова поля, Бородина и Сталинграда. Эти же свойства национального характера отличают большинство русских людей сегодня»*. Приведенные утверждения усиливаются в речи еще одной цитатой в следующей фразе: *«Именно благодаря этим свойствам, как писал социолог Питирим Сорокин, „русская нация смогла защитить себя, свою независимость, свободу и другие великие ценности“»*.

Наряду с положительными качествами, отмечаемыми в русских людях, в речи называются характерные для российской истории факты общественного настроения – *«социальных распрей»*, преодолению которых должно способствовать *«единство исторического сознания»*. Среди таких фактов выделяются: *«имущественная пропасть между „барин» и „мужиком“, как бы барин и мужик не назывались*

сегодня», а также факты «антирелигиозных гонений, преследование людей за мирно выражаемые убеждения, подавление гражданских свобод». Ритор стремится убедить аудиторию, что такое положение дел навсегда должно остаться в прошлом и что недопустимо повторение подобных фактов в будущем.

Еще одним доводом в пользу взвешенной позиции во взгляде на отечественную историю, убеждающим, что «нельзя соглашаться с теми, кто сводит нашу историю к одним лишь тяжелым и мрачным страницам», служит в речи тот факт, что «подобные эпизоды были и в истории соседних цивилизаций». Данный довод усиливается литературными примерами с использованием приемов цитирования: «Даже такой радикальный западник, как Петр Чаадаев, видевший в нашем прошлом только «тусклое и мрачное существование», говорил, что «у России не одни только пороки, а среди народов Европы – не одни только добродетели». Великий же русский писатель и религиозный мыслитель Федор Михайлович Достоевский писал: «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, до которой он может подняться, когда придет к тому срок»».

Следующий фрагмент речи начинается вопросом, обращенным к аудитории: «Что же можем сделать мы, чтобы подняться к этим духовным высотам?» В ответе на данный вопрос мы находим изложение идеи, предлагаемой в качестве основы единого понимания российской истории: «Думаю, что мы должны взять из различных исторических периодов все по-настоящему значимое и ценное. Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов Древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской

России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии „правые-левые“. Синтез, который можно описать формулой „вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность“». Прием повторов ключевого слова «синтез» в рассматриваемом фрагменте подчеркивает значимость целостного и конструктивного подхода к формированию взгляда на историю, а предложенная «формула синтеза» содержит в себе выражение ценностных ориентиров – основополагающих понятий исторического единства нации.

В развитие высказанной идеи в речи приводится мысль, что «государство, созданное на базе такого синтеза, в полной мере будет отражать идеалы библейских заповедей, лежащих в основе всех истинных представлений об этике, о должном и не должном», и цитируются заповеди «не убий», «не укради», «не лги», «не прелюбодействуй» (цитата: Исход, 20: 13–16), опираясь на которые государство «сможет решительно подавить организованную преступность, коррупцию, индустрию разврата и распление молодежи». Среди преимуществ следования идее воплощения предлагаемого подхода в государственном строительстве в речи называются возможные будущие достижения, такие как укрепление связи между свободой личности и ответственностью, гражданская самоорганизация, построение солидарного общества, обеспечение максимума социальных гарантий, создание пространства равных возможностей для людей из разных регионов, социальных слоев и профессиональных групп, развитие науки и передовых технологий, создание оптимальных возможностей для «жизни традиционных религиозных общин, для передачи духовного наследия наших предков будущим поколениям».

Ритор убеждает аудиторию, что «платформой для упомянутого синтеза должно стать единство культуры, непрерывно и преемственно развивавшейся на протяжении всей тысячелетней русской истории». Значение христианской веры для развития отечественной культуры находит метафорическое выражение в следующем фрагменте речи:

«Впитанные русской культурой христианские идеалы светили на всех крутых поворотах нашего исторического пути, как пугиводная звезда перед волхвами. Они не дадут сбиться с дороги и сегодня». В завершение раскрытия первого главного довода в речи звучит убеждающий вывод, что «важнейшим залогом сохранения единства нашей страны и нашего народа необходимо признать сохранение базовых и объединяющих нас ценностей классической русской культуры и укрепление ее духовного первоисточника – православной веры».

Второй принципиальный довод, раскрывающий тезис речи, формулируется в следующем фрагменте: *«Говоря о духовных скрепах нашего единства, мы не имеем права забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ». Данный довод распространяется во фразе, характеризующей русскую культуру и ключевые факторы ее развития: «При всей открытости нашей культуры, при всей радушной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем». Убедительность представленного довода для аудитории подтверждается реакцией согласия, выраженной аплодисментами присутствующих, прервавшими речь после приведенной выше фразы. Речь продолжилась утверждением, что «на осознании этого факта должна строиться культурная политика государства, стремящегося к сохранению своего единства».*

Довод о роли русского народа и Православной веры в сохранении единства нации дополняется в речи суждением о большой значимости других религий и народов, входящих в состав российского общества: *«Очень важным также является поддержка традиционных религий России и существующих в стране национальных меньшинств, представители которых вносят свой значительный вклад в общенародное дело – укрепления экономического, политического и культурного процветания нашей страны». Россия для всех живущих здесь народов определяется как «их страна», «их*

родной дом», после чего в речи следует утверждение, что «каждый народ должен чувствовать себя по-настоящему дома, в безопасности, в доброжелательном окружении многонационального общества».

Вместе с тем в речи высказывается мысль, что судьба русского народа, *«его благополучия, его целостность, зрелость его самосознания должны быть признаны ключевыми факторами в сохранении духовного и политического единства России»*, после чего звучит предупреждение: *«Пренебрегать этим сегодня – значит разрушать государство, закладывая под него мину замедленного действия».*

Иллюстрацией разрушительного воздействия пренебрежения «русским» фактором для единства общества в речи служат реальные примеры из отечественной истории и национальной политики 1990-х годов, *«когда группой ученых и политиков постулировалось искусственное противопоставление «русского» и «российского»». В то время чиновники получали неафишируемые указания не использовать в публичных выступлениях и официальных документах слово «русский», как якобы ослабляющее единство нации».* Другим примером – свидетельством уже сегодняшнего дня – является с сожалением констатируемый факт заявлений о том, *«что русский народ неоднороден, что его единство является фикцией, а также о существовании новых, не известных ранее наций, таких, к примеру, как „поморская“, „казачья“ или „сибирская“».* Поддержка аудиторией позиции несогласия с подобными заявлениями была выражена очередным прерыванием речи аплодисментами.

В отношении рекомендаций не использовать в публичной и официальной речи название государствообразующей нации России дается следующее объяснение: *«За попытками исключить употребление слова «русский» просматриваются идеи, которые уже давно показали свою безжизненность на Западе, где все сильнее звучат голоса, призывающие отказаться от мультикультурализма и теории „плавильного котла“».* Высказывается противоположная позиция, которая заключается в том, что *«необходимо утверждать*

право народов и религиозных общин на свою идентичность», и утверждает, что «таким правом, безусловно, обладает и русский народ, вокруг которого формируется российская нация, российская цивилизационная общность». При этом в речи подчеркивается, что «все народы страны должны иметь возможность раскрывать свою самобытность и мирно договариваться о правилах совместной жизни в рамках общей многонациональной русской цивилизации».

В подтверждение данной позиции приводится цитата авторитетного источника: *«Наш великий мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, основатель цивилизационного подхода к изучению истории, писал: „Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности существования“*». Опровержение идеологии национальной политики 1990-х годов продолжается в речи повторным утверждением принципиального момента: *«Для того чтобы граждане России жили в мире и согласии друг с другом, они вовсе не должны отказываться от своей национальной памяти»*.

В речи отмечается, что вопрос национальной памяти не лишен проблемных аспектов: *«На пути сохранения этой памяти могут возникать и, к сожалению, возникают достаточно болезненные и опасные явления»,* – среди которых выделяются *«попытки конструировать псевдорусские языческие верования»*. Объяснение негативного характера указанного явления включает в себя следующие доводы: *«С одной стороны, это крайне низкая оценка религиозного выбора русских людей, тысячу лет живущих в лоне Православной Церкви, а также исторического пути, пройденного православной Русью. С другой стороны, это убежденность в своем личном и узкогрупповом превосходстве над собственным народом»*. Такая убежденность названа в речи *«опасным заблуждением»*, так как *«человек, подчинившийся гордыне, готовит себе личную трагедию»*. Говоря об истоках возникновения данных проблем, ритор акцентирует внимание аудитории на необ-

ходимости понимания того, что *«корни описанного явления произрастают не только из внутренних особенностей отдельных личностей, но имеют общественные причины».*

Существующие в обществе проблемы национальной памяти определяются в речи как *«печальные плоды»*, которые приносит *«тенденция игнорирования значения русского народа, ревизия русской истории, пик которой пришелся на те же самые 90-е годы прошлого века и которая сумела если не подорвать окончательно, то серьезно расшатать веру в свой народ и в свою страну у многих соотечественников».* Примером, иллюстрирующим такое положение дел, служит наблюдение состояния многих людей, которые *«были вынуждены искать новое мировоззренческое пристанище: либо за границей, либо в фантастических мирах, связанных с заново выдуманной национальной или религиозной группой».* Свое эмоциональное отношение к указанным явлениям ритор стремится передать аудитории в риторическом вопросе: *«Насколько надорвано должно было быть национальное сознание, в каких пещерах мысли и духа оно должно было оказаться, чтобы кто-то, считая себя носителем русской национальной идеи, отказался от святых и героев родной истории, от подвига своих предков и сделал своими кумирами нацистов и их припешников?»*

Один из основных выводов, который следует из сказанного выше и который направлен на то, чтобы убедить аудиторию в необходимости принятия мер для изменения сложившейся ситуации, заключается в том, что *«должны измениться подходы к молодежной политике»*, из которой не стоит исключать *«русского и православного фактора».* В речи звучит призыв *«работать не только с богатыми и благополучными юношами и девушками, проживающими в мегаполисах и ориентированных на карьеру и успех»*, но *«искать методы взаимодействия с так называемой «уличной» молодежью, с теми, кто отличается юношеским максимализмом, кто тяготеет к сплоченным подростковым сообществам, кто остро переживает дисбаланс в вопросах социальной политики и в межнациональных отношениях».* Примером подобной работы

в речи служит организованная Всемирным русским народным собором совместно с Объединением спортивных болельщиков России акция исторической памяти «Быть русским» на территории исторического городища Старая Рязань. Отмечается, что эта акция *«получила позитивный резонанс именно в неформальных молодежных кругах»*, а также подчеркивается тот факт, что *«молодые люди, которые за версту распознают казенщину и фальшь, с открытой душой поддержали социальный проект, организаторы которого не боялись заявить о своей русской православной идентичности»*.

Заключительная часть обращения содержит побудительные мотивы, выраженные в форме пожеланий, которые адресованы всем ветвям власти, СМИ, лицам, ответственным за национальную политику, элитам общества – всем тем, от кого зависит возможность реальных изменений общественного сознания и воплощение в жизнь подходов, учитывающих важность признания ключевой роли «русского и православного фактора» для российского государства: *«Хотелось бы, чтобы такие подходы вошли в повседневную практику центральных органов власти, региональных и муниципальных администраций, стали позицией СМИ, чтобы люди, отвечающие за вопросы национальной политики, осознали: русский народ является не то что полноправным, но важнейшим субъектом национальных отношений в России (согласие аудитории с позицией риторика было выражено прерыванием речи одобрительными аплодисментами. – Ю. К.), и его национальные интересы должны не игнорироваться, а с максимальным вниманием учитываться для достижения гармонии с интересами других национальных общин. Очень важно, чтобы в элитах возникло понимание того, что подлинное русское национальное самосознание, основанное на нашей культурной и религиозной традиции, не угрожает целостности России и межнациональному миру в ней, а наоборот – выступает главным гарантом единства страны и дружбы между ее народами (по завершении данного фрагмента речи в очередной раз прозвучали одобрительные аплодисменты аудитории. – Ю. К.)»*.

Наряду с фактом существования серьезных проблем, связанных с национальным вопросом, в речи обозначаются и положительные моменты на пути выхода из сложного положения, в котором оказалось российское общество: *«Справедливости ради нужно отметить, что ситуация в сфере межнациональных отношений за последние годы значительно улучшилась. Важные перемены, открывающие возможность русского возрождения, восстановления национального самосознания и достоинства, происходят как благодаря ответственной позиции руководства страны, так и благодаря долгим усилиям миллионов людей, хранивших верность нашему историческому выбору и отстаивавших право наследования ему».*

Речь завершается предупреждением: *«Сказанное, однако, не означает, что проблемы уже преодолены»,* – и свидетельством, что *«нашей стране, всем ее народам и, в первую очередь русскому, предстоит предпринять немалые усилия, чтобы проторить достойный путь в будущее».* Патриарх надеется, что Всемирный русский народный собор *«внесет в это свой вклад, способствуя единению всех русских людей и выражая их подлинные чаяния и убеждения»*, и благодарит аудиторию за внимание.

По окончании речи в зале прозвучали одобрительные аплодисменты присутствующих.

Рассмотренное обращение к общественности позволяет сделать ряд заключений в отношении особенностей индивидуального стиля Патриарха Кирилла в данном виде речи. Характерной чертой обращения является сочетание элементов различных стилей, при этом преобладающим в речи является публицистический стиль, который, в частности, выражается в следующих лексических и фразеологических компонентах: *«в разных регионах планеты мирная жизнь поставлена под угрозу», «люди гибнут от рук экстремистов на Ближнем Востоке», «окончание того, что можно назвать „постсоветским миром“», «те, кто считает себя победителями в холодной войне», «мы признали необходимость поиска и дискуссий для достижения согласия», «менялись модели государственного устройства, типология*

правителей, привычки правящих классов», «русское общество, русские люди сохраняли свою национальную идентичность», «будет способствовать укреплению связи между свободой личности и ответственностью, гражданской самоорганизацией народа, построению солидарного общества», «обеспечит гражданам максимум социальных гарантий, создаст пространство равных возможностей для людей из разных регионов, социальных слоев и профессиональных групп», «культурная политика государства, стремящегося к сохранению своего единства», «поддержка традиционных религий и существующих в стране национальных меньшинств», «право народов и религиозных общин на свою идентичность», «должны измениться подходы к молодежной политике», «хотелось бы, чтобы такие подходы вошли в повседневную практику центральных органов власти, региональных и муниципальных администраций, стали позицией СМИ», «ситуация в сфере межнациональных отношений за последние годы значительно улучшилась». Элементы официально-делового стиля прослеживаются в лексике и фразеологии следующих фрагментов речи: «Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемый Александр Дмитриевич», «дамы и господа», «проблема, которая должна решаться не только в рамках Министерства образования», «принимать участие в обсуждении этих решений», «коллективные усилия для достижения общих целей», «оптимальные возможности», «методы взаимодействия», «предпринимать правильные шаги», «поддержать проект». В речи присутствуют лексика и фразеология церковно-религиозного стиля: «Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры», «идеалы библейских заповедей», «не убий», «не укради», «не лги», «не прелюбодействуй», «христианские идеалы», «православная вера», «Православие», «Православная Церковь», а также лексика книжного стиля: «годовщина», «почитание», «бытие», «исцелить», «распри», «резонанс», «возрождение», «чаяния», научного стиля: «синтез», «дихотомия», «формула» и нейтральная межстилевая лексика: «сохранять», «писать», «быть», «думать», «жизнь», «век», «люди», «сегодня», «нельзя», «такой», «который», «будущий», «свой», «много».

Образность и эмоциональная экспрессивность речи достигается использованием тропов и фигур, основными из которых являются метафоры и сравнения («конфликт полыхает в самом сердце исторической Руси», «2014 год открыл новую главу во всемирной истории», «мир оказался хрупким», «нанести ущерб народной жизни», «описание прошлого требует сложной многоцветной палитры», «черно-белой схемы здесь явно недостаточно», «упрощения создают искаженную и разорванную картину истории, распадающейся на отдельные куски подобно разбитому зеркалу», «имущественная пропасть между „баринном“ и „мужиком“», «сводит историю к тяжелым и мрачным страницам», «христианские идеалы светили на всех крутых поворотах исторического пути как путеводная звезда перед волхвами», «они не дают сбиться с дороги», «без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет», «их страна – это их родной дом», «разрушать государство, закладывая под него мину замедленного действия», «корни описанного явления произрастают не только из внутренних особенностей отдельных личностей», «приносит свои плоды тенденция игнорирования значения русского народа», «ревизия русской истории сумела если не подорвать окончательно, то серьезно расшатать веру в свой народ», «люди были вынуждены искать новое мировоззренческое пристанище», «насколько надорвано должно было быть национальное сознание, в каких пещерах мысли и духа оно должно было оказаться...», «возможность русского возрождения», «проторить достойный путь в будущее»), а также эпитеты («сложная и драматическая глава во всемирной истории», «трагическое разделение», «тяжелые и мрачные страницы истории», «великий синтез высоких духовных идеалов», «важнейший залог сохранения единства», «значительный вклад в общенародное дело», «великий мыслитель», «болезненные и опасные явления», «опасные заблуждения», «важнейший субъект национальных отношений», «главный гарант единства», «важные перемены»). Фигуры диалогизма, такие как риторический вопрос, ответствование, цитаты из различных литературных источников, были отмечены выше при анализе структуры и содержания речи.

Особенностью синтаксической организации обращения к общественности является преобладание в речи простых периодов, в которых или протасис, или аподосис могут распространяться придаточными предложениями, причастными или деепричастными оборотами. Количество сложных периодов ограничено, они, в частности, присутствуют во вступительной и заключительной частях обращения и служат для выражения комплексных смыслов и идей. Вместе с тем построение большей части обращения путем сочетания простых периодов, распространенных и нераспространенных, придает излагаемым мыслям предельную ясность и обеспечивает легкость восприятия и понимания речи аудиторией.

Проиллюстрируем сказанное примерами, проанализировав синтаксическую структуру фрагментов вступительной и основной частей обращения.

«Мы собрались в тревожное время, когда в разных регионах планеты мирная жизнь поставлена под угрозу, когда люди гибнут от рук экстремистов на Ближнем Востоке, а междоусобный конфликт полыхает в самом сердце исторической Руси – на Украине». Сложный период, состоящий из главного и трех обстоятельственных придаточных предложений. *«Народ, разделившийся в понимании своей истории, становится неспособным сохранить единство».* Простой период, в котором протасис распространен причастным оборотом. *«Единство и традиция как сила, передающая, в том числе, ценности и культурный код нации, являются неперенным условием того, чтобы общество в любой исторический период сохраняло свою целостность и единство».* Простой период, протасис которого распространен причастным оборотом, а аподосис – придаточным определительным. *«Такое трагическое разделение, происходящее тогда, когда люди теряют общее понимание своей истории, ведущее к расколу и провоцирующее гражданский конфликт, мы наблюдаем сегодня на Украине».* Простой период, в котором протасис распространен тремя причастными оборотами, один из которых в своем составе содержит обстоятельственное придаточное предложение.

При исполнении речи Патриарх обращается к заранее составленному в письменном виде тексту обращения. В целом речь выдержана в едином темпе, на одном уровне громкости, стандартная паузация соответствует смысловой организации речи. Выразительными средствами при произнесении служат вариативность интонации и использование логических ударений, которые выделяют в речи важные в эмоционально-экспрессивном и смысловом отношении элементы.

В следующем фрагменте продемонстрируем особенности интонационного оформления речи и использования логических ударений. Знаком ↑ будет отмечаться восходящая интонация, знаком ↓ – нисходящая, полужирным шрифтом с подчеркиванием будут отмечены слова, выделенные при произнесении речи логическим ударением.

*«Говоря о духовных скрепах нашего еди↑нства, мы не имеем права забывать↑, что главным творцом отечественной культуры является русский народ↓. При всей откры↑тости нашей культу↓ры, при всей разумной гото↑вности принять в наши ряды человека любо↑го происхождения, нам следует всегда по↓мнить, что **без↑** существования русского наро↓да и **без↑** Правосла↓вия наша отечественная культура **не могла↓** появиться на свет↑ и не имеет перспектив в бу↓дущем. На осознании этого факта должна строиться культурная политика госуда↑рства, стремящегося к сохранению своего еди↓нства».*

Медийный образ миссионера

Выступления в СМИ

Сотрудничество со средствами массовой информации занимает важное место в публичной речевой деятельности Патриарха Кирилла. Выступления в СМИ, как правило, приурочены к значимым событиям, вызывающим широкий общественный интерес, или к ситуациям, когда в обществе возникает потребность узнать позицию и получить ответы Предстоятеля Русской Православной Церкви на актуальные для современных людей вопросы.

Аудитория СМИ представляет собой массовую аудиторию, границы которой отличаются подвижностью, а объем и состав потенциально не ограничены. Аудитория Патриарха Кирилла в СМИ может быть охарактеризована как разнородная с точки зрения таких факторов, как возраст, духовный и интеллектуальный уровень, социальная и профессиональная принадлежность, вместе с тем разнородная аудитория может объединять в своем составе людей, проявляющих внимание к высказываниям Патриарха как на основе общности мировоззрения и принадлежности к Православной Церкви, так и на основе существующего интереса к заявлениям одного из авторитетных религиозных лидеров и общественных деятелей современной России.

Работа Патриарха Кирилла со СМИ преимущественно осуществляется в трех форматах: телеобращения по случаю важных дат и событий, ответы на вопросы телезрителей в программе «Слово пастыря», а также коллективные и индивидуальные интервью представителям СМИ. Телеобращения, например традиционные Рождественские и Пасхальные, как вид речи по своим характеристикам могут быть соотнесены с проповедями. Речи при ответах на письма телезрителей в программе «Слово пастыря», в которых затрагиваются волнующие современников вопросы, например касающиеся представлений человечества о справедливости или о христианском отношении к смерти, вопросы исторического прошлого страны или места России в современном мире и другие проблемы, заключают в себе характерные черты таких видов речи, как проповеди и обращения к общественности. Коллективные интервью, во время которых Предстоятель отвечает на вопросы собравшихся представителей общественности и СМИ, и индивидуальные интервью представляют собой разновидности диалогической речи, при этом если во время коллективного интервью темы вопросов разных интервьюеров могут быть как связаны, так и не связаны между собой и ответ на каждый вопрос,

как правило, представляет собой отдельный монолог, то индивидуальное интервью – это обычно продолженный диалог – беседа Патриарха и представителя СМИ.

Примером коллективного интервью может служить встреча Патриарха с журналистами и ответы на их вопросы в рамках Международного фестиваля православных СМИ. В качестве примеров индивидуального интервью можно привести традиционные Рождественские интервью, интервью, приуроченные к особым датам, таким, в частности, как годовщина интронизации Предстоятеля или празднование 700-летия преподобного Сергия Радонежского.

Речи Патриарха в СМИ, как и другие виды речи Предстоятеля, в своей основе содержат пафос формирования человека, замысел утверждения истин веры, духовного просвещения и приведения человека к норме знания высшего нравственного закона. Пафос формирования человека непосредственно связан с пафосом поддержания устойчивости, который выражается в стремлении побудить человека к сохранению веры, системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Важным аспектом пафоса речей Патриарха является соединение в содержании вопросов веры и духовности с актуальными проблемами современности. Эмоциональный пафос выступлений Предстоятеля в СМИ характеризуется стремлением разделить собственные чувства с аудиторией, вызвав в ней ответные эмоции.

Рассмотрим более детально особенности речи Патриарха во время индивидуального интервью телеканалу «Россия 24» после посещения олимпийских объектов в Сочи, которое состоялось 4 февраля 2014 года¹⁷.

---

¹⁷ Интервью телеканалу «Россия 24» после посещения олимпийских объектов в Сочи 04.02.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3556515.html>; <https://www.youtube.com/watch?v=hkqV4LlO4yg> (дата обращения 22.05.2016)

Вопрос: *Ваше Святейшество, здравствуйте! Расскажите, как оцениваете олимпийские объекты, которые уже удалось посмотреть, и общий уровень подготовки к Олимпиаде?*

Отвечая на этот вопрос, Патриарх обращается к своему реальному опыту: *«Мне в жизни приходилось видеть олимпийские объекты и достаточно известные объекты, связанные с зимним спортом в Европе»,* – и, сравнивая предыдущий опыт с опытом посещения олимпийских объектов в Сочи, выражает свою оценку в эмоционально-экспрессивной форме: *«Откровенно скажу без ложного патриотизма, что я ничего подобного никогда не видел ни в живую, ни в видеоматериалах. Это совершенно уникальные спортивные сооружения».* Предстоятель передает аудитории свое особое эмоциональное состояние, говоря о заслугах тех, чьими силами олимпийские объекты создавались, и результатах их работы: *«Гордость просто посещает человека, когда он смотрит на то, что за такое короткое время удалось сделать нашим строителям, проектировщикам, тем людям, которые вкладывали средства, и нашему государству, конечно, поэтому чувство очень такое приподнятое».* Общий уровень подготовки к Олимпиаде вызывает у Патриарха *«реальные надежды на успехи».* Предупреждая вероятность тех или иных результатов будущих спортивных соревнований, Предстоятель с уверенностью сообщает: *«Даже если мы не будем первыми на этой Олимпиаде, все то, что я увидел, дает нам несомненную возможность очень скоро занимать самые высокие места на зимних Олимпиадах».* Ответ на первый вопрос завершается побудительной фразой в форме пожелания, обращенной к участникам Олимпиады: *«Но я хотел бы пожелать спортсменам, чтобы и эта Олимпиада была для нас успешной».*

Вопрос: *Расскажите, а как Русская Православная Церковь взаимодействует со спортсменами?*

В своем ответе Патриарх отмечает, что у Церкви *«очень тесные взаимодействия со спортом»*, и уточняет: *«Мы поддерживаем спортсменов, мы посещаем различного рода спортивные соревнования».* Объяснение такого тесного взаи-

модействия происходит путем сравнения и выявления общих черт в занятиях спортом, которые *«формируют человеческую личность, формируют внутреннего человека»*, и деятельности Церкви, которая *«занимается духом человека»*. Говоря о необходимых условиях для достижения высших результатов в спортивных состязаниях, Патриарх свидетельствует: *«Без соответствующего внутреннего состояния невозможно выиграть ни одно соревнование. Помимо техники, правильных движений и прочего, что необходимо в любых видах спорта, помимо хороших мышц, хорошей нервной системы, нужна внутренняя очень мощная волевая установка, а это связано с состоянием человеческого духа»*. Сказанное усиливается приемами цитирования и словесной игры: *«Поэтому глубоко убежден, что замечательная поговорка „В здоровом теле – здоровый дух“ имеет и обратное прочтение „Здоровый дух – здоровое тело“»*. Резюмируя сказанное и завершая ответ на вопрос о взаимодействии РПЦ со спортсменами, Предстоятель сообщает о том, какое отношение к спорту и особым спортивным качествам участников состязаний существует сегодня у представителей Церкви: *«Поскольку Церковь занимается духом человека, то все, что касается спорта, нам очень близко, понятно, и я бы сказал, что у большинства священнослужителей вызывает глубокое уважение самоотверженность, с которой спортсмены готовятся к соревнованиям, и как они эти соревнования проходят»*.

Вопрос: *Насколько я знаю, представители всех конфессий построили здесь, в Олимпийской деревне, и на спортивных объектах моленные комнаты. Скажите, много ли спортсменов их посещает и как вы взаимодействуете с представителями других религий?*

Ответ на этот вопрос начинается сообщением, продолжающим мысль о взаимодействии Церкви со спортом: *«Каждый раз, когда выезжают делегации на Олимпийские игры, на другие крупные соревнования, наши священнослужители всегда сопутствуют делегации»*. В конце ответа дается объяснение: *«Поддержка спортсменов на Олимпийских играх, на любых других крупных соревнованиях является нашей*

пасторской задачей». В основной части ответа на вопрос развивается мысль о значении веры в жизни спортсменов: «Сейчас не буду говорить о процентах, но, я думаю, что большинство спортсменов – это люди верующие, потому что то, чем они занимаются, очень помогает людям понять присутствие Бога в их жизни». Для раскрытия этой мысли в речи звучит вопрос: «Что такое удача?», – и дается объяснение этого понятия с разных точек зрения с привлечением конкретного примера: «Мы стоим с вами сейчас на этом замечательном сооружении – санно-бобслейной трассе. Сотую долю секунды проиграл – и ты уже проиграл первое, второе или третье место. Говорят, что все одинаково подготовлены, но есть некая удача – понятие бессмысленное с точки зрения Церкви, которое не может быть описано рационально». Позиция Церкви формулируется следующим образом: «Мы говорим, что в этом зазоре между максимальным напряжением человеческих сил и результатом есть нечто, что может быть заполнено помощью свыше». Этим и объясняется факт, что «спортсмены, которые прекрасно это знают, молятся перед стартами».

Вопрос: *Святейший Владыка, в современном мире встречаются проявления розни и ненависти как по религиозному признаку, так и по другим. Скажите, на Ваш взгляд, Олимпиада может сгладить эти разногласия?*

В ответе на вопрос звучит утверждение, что «меньше всего розни по религиозному признаку», и дается объяснение отсутствия истинно религиозных мотивов в проявлениях розни и ненависти: «То, что мы видим, – терроризм, который использует религиозную стилистику, атрибутику и какие-то идеи, меньше всего защищает веру и меньше всего осуществляется подлинно верующими людьми». Данное объяснение усиливается эмоционально-экспрессивным доводом: «Потому что ни один верующий, ни один нормальный человек не будет убивать незащищенных детей во имя какой-то высшей идеи». В речи констатируется факт, что «между религиями, к счастью, нет того конфликта, который иногда описывается как религиозный, а на самом деле под этим конфликтом совершенно другие цели и причины». Далее на примере одного из суще-

ствующих современных конфликтов опровергается его религиозная подоплека: *«То, что мы сейчас видим в Сирии, – это никакой не религиозный конфликт, потому что в Сирии тысячу лет христиане и мусульмане жили в мире, но появились какие-то люди, которые во имя некоего высшего ислама и самого чистого прочтения ислама уничтожают себе подобных зверским образом – головы отрезают»*. В приведенном примере сильное эмоциональное воздействие достигается упоминанием жестокого способа казни, используемого террористами. Ответ на заданный вопрос заканчивается противопоставлением указанным псевдорелигиозным конфликтам реально существующей ситуации согласия между религиями: *«В области же межрелигиозных отношений все хорошо, особенно в нашей стране»*.

Вопрос: *Тем не менее Олимпиада может сгладить социальные разногласия, которые время от времени в нашем обществе вспыхивают?*

Отвечая на этот вопрос, Патриарх рассуждает о духе Олимпиады: *«Я не знаю, насколько Олимпиада несет этот исцелительный дух, но она вот какой дух несет: люди чувствуют некую солидарность, увлечение общим делом»*. Эмоциональная оценка звучит во фразе: *«Замечательны примеры мужества спортсменов»*. Как «положительная сторона Олимпиады» характеризуется тот факт, что *«оценивают и аплодируют часто спортсмену не своей страны, а тому, который действительно блестяще выиграл»*, и делается вывод, что *«в этом смысле психологически преодолевается рознь мира сего, преодолеваются границы, и подлинный подвиг спортсмена вызывает уважение у тех людей, которые с этим спортсменом не связаны ни национальностью, ни культурой, ни языком»*.

Вопрос: *Скажите, насколько, на ваш взгляд, спортивна современная молодежь? Поможет ли Олимпиада привлечь массовым занятиям спортом еще больше детей и подростков?*

Ответ на вопрос начинается с выражения пожелания: *«Дай Бог, чтобы привлекала»*. Привлечение к занятиям спортом необходимо, потому что существуют проблемы, состоящие, по утверждению Патриарха, в том, что *«гедо-*

нистический образ жизни, который сегодня искусственно насаждается, – ешь, сколько хочешь; пей, сколько хочешь; веди себя, как хочешь, – изгоняет такое важное понятие, как «самоограничение», на церковном языке – «аскеза»). Значение данного понятия еще раз подчеркивается в определении: «Аскеза – это и есть самоограничение». Предупреждая возможное понимание аскезы как явления, присущего только монашеской жизни, Предстоятель поясняет: «Это не только удел тех, кто в пещерах Афонской горы спасается. Без аскезы человек жить не может, без аскезы не может быть внутреннего роста». Мысль об аскезе в жизни человека развивается применительно к спортивной теме: «Спорт непременно налагает на человека огромные самоограничения по весу, по образу жизни, по состоянию мышц, по состоянию духа. Если человек занимается спортом, то очень часто мишура повседневной жизни, которая плохо отражается и на духе, и на теле, провоцируя болезни душевные и телесные, она уходит». В конце ответа на вопрос Патриарх суммирует сказанное и заключает: «Поэтому я считаю, что занятие спортом полезно не только для тела, но и для души человека, а когда это еще сопровождается глубокой верой спортсмена, то это то, что надо».

Вопрос: Скажите, а есть ли в РПЦ священники, которые были в прошлом спортсменами?

Отвечая утвердительно на этот вопрос: «Конечно, очень много», – Предстоятель приводит конкретные примеры того, как священнослужители продолжают свои спортивные занятия уже в церковной жизни: «Даже сейчас наши батюшки прыгают с парашютами, возглавляют клубы боевых искусств, занимаются гимнастикой с ребятами, лыжами и всё больше и больше».

Вопрос: Вы какими видами спорта увлекаетесь?

Уклоняясь от ответа на поставленный вопрос, Патриарх дает следующее объяснение: «По некоторым причинам я сейчас не буду об этом говорить, поскольку один из видов спорта, которым я увлекаюсь, как раз представлен на Олимпиаде. Но не хотел бы таким образом некие свои предпочтения высказывать».

Вопрос: *Будете присутствовать на каких-либо спортивных мероприятиях или церемониях?*

За отрицательным ответом: *«Нет, я не буду»*, – следует изложение плана пребывания в предолимпийском Сочи и дальнейших планов в отношении Олимпиады: *«Я завтра встречу с командами России, Украины, Беларуси, Молдовы, совершу все действия, которые считаю необходимым совершить. Само открытие Олимпиады и сами соревнования буду смотреть по телевизору. Таков график моей жизни»*.

В конце беседы корреспондент благодарит его Святейшество за интервью.

Особенностью индивидуального стиля Патриарха в данном виде речи является присутствие разговорных и публицистических элементов (*«ничего подобного никогда не видел ни в живую, ни в видеоматериалах»*, *«сотую долю секунды проиграл – и ты уже проиграл первое, второе или третье место»*, *«то, что мы сейчас видим в Сирии, – это никакой не религиозный конфликт»*, *«в области же межрелигиозных отношений все хорошо, особенно в нашей стране»*, *«это то, что надо»*, *«Дай Бог»* и т. д.), которые сочетаются с элементами книжного стиля (*«рознь мира сего»*, *«удел тех, кто спасается»*, *«сопутствовать»*, *«насаждать»*, *«изгонять»*, *«аскеза»*). Как уже было отмечено выше при анализе содержания интервью, для речи характерна эмоциональная экспрессивность, в частности, выражаемая эпитетами (*«уникальные спортивные сооружения»*, *«замечательная пословица»*, *«глубокое уважение»*, *«важное понятие»*) и метафорами (*«мишура повседневной жизни»*, *«удел тех, кто в пещерах Афонской горы спасается»*).

Рассмотрим следующий фрагмент речи на предмет определения особенностей ее синтаксической структуры.

«Каждый раз, когда выезжают делегации на Олимпийские игры, на другие крупные соревнования, наши священнослужители всегда сопутствуют делегации». Простой период, протасис которого распространен придаточным определительным. *«Сейчас не буду говорить о процентах, но, я думаю, что большинство спортсменов – это люди верующие. Потому что*

то, чем они занимаются, очень помогает людям понять присутствие Бога в их жизни». Единая синтаксическая структура разделена на две интонационно-смысловые фразы. Первый член периода представляет собой базовую фразу, второй – структурно-зависимую, отделяемую часть – парцеллят. «Что такое удача?» Простой период. «Мы стоим с вами сейчас на этом замечательном сооружении – санно-бобслейной трассе». Простой период. «Сотую долю секунды проиграл – и ты уже проиграл первое, второе или третье место». Простой период. «Говорят, что все одинаково подготовлены, но есть некая удача – понятие бессмысленное с точки зрения Церкви, которое не может быть описано рационально». Простой период, распространенный придаточными изъяснительным и определительным. «Мы говорим, что в этом зазоре между максимальным напряжением человеческих сил и результатом есть нечто, что может быть заполнено помощью свыше. Поэтому спортсмены, которые прекрасно это знают, молятся перед стартами». Период, в котором единая синтаксическая структура разделена на две интонационно-смысловые фразы. Первый член периода, распространенный придаточными изъяснительными, представляет собой базовую фразу, второй член периода, распространенный придаточным определительным, – парцеллят. «Поддержка спортсменов на Олимпийских играх, на любых других крупных соревнованиях является нашей пасторской задачей». Простой период.

Рассмотренный фрагмент иллюстрирует, что речь преимущественно строится из простых периодов, которые могут распространяться придаточными предложениями, в основном изъяснительными и определительными. Другой характерной чертой речи является свойственная для высказываний разговорного и публицистического стиля парцелляция, которая используется для выделения и усиления в речи наиболее важных смысловых элементов. Такое построение синтаксической структуры обеспечивает ясность, а также простоту восприятия и понимания речи аудиторией.

Для исполнения речи характерна спонтанность, свидетельствующая о том, что речь не была подготовлена заранее. В целом произнесение выдержано в едином темпе, на одном уровне громкости. Выразительными средствами служат вариативность интонации, паузации и использование логических ударений, которые выделяют важные в эмоционально-экспрессивном и смысловом отношении элементы речи.

Продемонстрируем особенности просодической стороны речи на примере следующего фрагмента, в котором знаком ↑ будет отмечаться восходящая интонация, знаком ↓ – нисходящая, полужирным шрифтом с подчеркиванием будут отмечены слова, выделенные при произнесении речи логическим ударением, знак ||| будет обозначать паузу между высказываниями, знак || – паузу между периодами, знак | – паузу внутри периода.

«Мне в жизни приходилось видеть олимпи↑йские объек↓ты | и достаточно известные объекты, связанные с зимним спортом в Евро↑пе. || **Откровенно** скажу↓ | без ложного патриоти↓зма, | что я ничего подобного | никогда не видел | ни в живу↑ю, | ни в видеоматериа↑лах. || Это совершенно уникальные | спортивные сооруже↑ния. || **Гордость** | просто | посещает челове↑ка, | когда он смотрит на то, что за такое короткое вре↑мя | удалось сделать нашим строи↑телям, | проектиро↑щикам, | тем людям, которые вкладывали сре↑дства, | и нашему государству, коне↓чно, | поэтому чувство очень такое припо↑днятое. || Появляются реальные надежды на успе↑хи. || Даже если мы не будем пе↑рвыми на этой Олимпиа↓де, | все то, что я уви↓дел, | дает нам несомненную возможность | очень ско↓ро | занимать самые высокие места на зимних Олимпиа↓дах. || Но я хотел бы пожелать спортсме↑нам, | что-бы и эта Олимпиада была для нас успе↓шной |||».

* * *

Как указывает Ю. В. Рождественский, «риторика предполагает, что каждому роду, виду или разновидности словесности должен отвечать свой общепринятый образ

автора. <...> Кроме того, каждый речедеец имеет свои только ему присущие черты создателя речи, уникальный индивидуальный стиль»¹⁸. Следуя «Теории риторики» Ю. В. Рождественского, в соответствии с которой каждый вид речи задает определенные черты образу риторика, мы исследовали характерные особенности каждого из выделенных видов речи, влияющих на формирование риторического образа Патриарха Кирилла. Во всех выделенных видах речи нами были определены особенности этоса, пафоса и логоса, в каждом виде речи была выбрана и детально проанализирована конкретная речь Предстоятеля.

Исследованный материал позволяет сделать вывод, что публичные выступления Патриарха Кирилла происходят преимущественно в форме монологической речи. Диалогическая речь наблюдается в ситуациях, связанных с ответами на интересующие аудиторию вопросы, и в основном представлена в выступлениях в средствах массовой информации, в частности, в интервью, которые являются разновидностью продолженного диалога с представителем СМИ.

Все публичные выступления Патриарха Кирилла, которые осуществляются в фактуре устной речи, фиксируются на мультимедийных носителях информации, расшифровываются и оформляются в виде письменного текста. Тексты устных выступлений, зафиксированные в фактуре письменной речи, печатной речи и массовой коммуникации, публикуются в печатных изданиях, распространяются в средствах массовой информации и в сети Интернет.

Адресат выступлений Патриарха – все классы индивидуальных речедеец. Во-первых, – это аудитория, владеющая русским языком, непосредственно присутствующая в момент выступления и слушающая речь,

---

¹⁸ *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 2004. С. 142–143.

и, во-вторых, – потенциально широкая аудитория средств массовой информации и коммуникации. Письменная и печатная речь Патриарха Кирилла адресована аудитории, в которую входят речедеятели, главным образом принадлежащие к классу людей умственного труда и классу информационных работников. Публикации текстов речей Патриарха осуществляются как на русском языке, так и в переводе на другие языки.

Аудитория, к которой обращается Патриарх Кирилл, многообразна, она включает в себя представителей различных социальных групп и культурных классов современного общества. Свои выступления Патриарх адресует как членам Церкви, так и широкой общественности – людям, которые не принадлежат к церковному единству, жителям России и соотечественникам за рубежом, народам независимых государств на пространстве «исторической Руси», русским людям и представителям других этносов, всем россиянам и жителям отдельных краев и областей, рядовым гражданам и государственным деятелям, представителям различных профессий и поколений, носителям как традиционных культур, так и существующих в обществе субкультур.

Непосредственная ораторская аудитория, присутствующая при выступлениях Патриарха, является сосредоточенной и однородной с точки зрения общности конфессиональной принадлежности (проповеди, напутствия), заинтересованности в решении существующих внутриконфессиональных и социальных проблем (обращения общецерковные, обращения к общественности), вместе с тем – разнородной по профессиональной принадлежности, возрасту, национальности и т. д. Аудитория выступлений в СМИ представляет собой массовую аудиторию, границы которой отличаются подвижностью, а объем и состав потенциально не ограничены. Объединяется данная аудитория на основе существующего интереса к заявлениям одного из авторитетных религиозных лидеров и общественных деятелей современной России.

Определяющий пафос всех речей Патриарха – пафос формирования человека, в основе которого лежит замысел утверждения истин веры, духовного просвещения, сочетающийся с пафосом поддержания устойчивости, который выражается в стремлении побудить человека к сохранению веры, системы традиционных духовно-нравственных ценностей, духовного единства, национального самосознания, пафосом лидерства, а также пафосом назидания (в напутственных речах) и пафосом управления, развития и решительности в отношении существующих внутриконфессиональных и социальных проблем (в обращениях общецерковных, обращениях к общественности). Важным аспектом пафоса является соединение вопросов веры и духовности с актуальными проблемами современности. Речи Патриарха отличаются высокой эмоциональностью содержания. Пафос эмоционального воздействия речей Предстоятеля отличается разнообразием и выражает стремление разделить собственные чувства со слушателями, вызвав у них ответные эмоции.

Характерной особенностью формальной организации всех речей Патриарха является искусное комбинирование элементов, в частности лексики и фразеологии, различных функциональных стилей: церковно-религиозного, публицистического, официально-делового, научного, общекнижного и разговорного. При этом в каждом виде речи отмечается соответствующее сфере употребления языка преобладание элементов того или иного функционального стиля: церковно-религиозного – в проповедях и напутствиях, официально-делового – в обращениях общецерковных, публицистического – в обращениях к общественности, разговорного и публицистического – в интервью средствам массовой информации.

Средствами создания образности и эмоциональной экспрессивности речи, используемыми Патриархом, являются тропы и фигуры, такие как эпитет и метафора – наиболее частотные во всех видах речи, а также повтор, анафора, антитеза, сравнение, многосоюзие, расширение,

синонимия, аккумуляция, реприза; среди фигур диалогизма употребляются: предупреждение, ответственность, цитирование, риторическое восклицание, риторический вопрос, риторическое обращение.

Целям достижения эффективности воздействия речи служит синтаксическая структура, которая в риторических произведениях Патриарха Кирилла отличается разнообразием. Для организации речей Патриарха характерно разделение на периоды, при этом различные способы деления речи на периоды и построения внутри периодов в каждом виде речи способствуют достижению того или иного необходимого эффекта восприятия речи аудиторией. Так, наблюдаемое в проповедях сочетание простых и сложных периодов, отличающихся асимметричностью и распространенностью, имеющих в своем составе до трех колонов с различными вставными конструкциями – придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами, обеспечивает своего рода насыщенность и неравномерность структуры, которая способствует повышению внимания слушателей и ведет к усилению воздействия на аудиторию. Соединение в напутственной речи нераспространенных и распространенных вставными конструкциями простых периодов, которые преобладают в данном виде речи, создает разнообразие речевой структуры, поддерживает внимание аудитории и делает речь запоминающейся. Вариации синтаксических конструкций в общецерковных обращениях, выражающиеся в сочетании простых и сложных периодов с различными способами построения конструкций внутри периодов, способствуют поддержанию должного уровня внимания слушателей и улучшают восприятие речи. Преобладание в обращениях к общественности простых периодов, распространенных и нераспространенных, придает излагаемым мыслям ясность и способствует легкости восприятия и понимания. Характерная для диалогической речи, в частности для интервью представителям СМИ, организация преимущественно в виде

простых периодов, которые могут распространяться придаточными предложениями, с элементами парцелляции, также обеспечивает простоту восприятия и понимания речи аудиторией.

Выразительность и эффективность речи Патриарха Кирилла в части исполнения достигается применением просодических средств, среди которых можно особо выделить вариативность интонации, громкости, паузации и логических ударений. Так, в проповедях и напутствиях отмечается использование всех перечисленных просодических средств, в общецерковных обращениях преимущественно применяются средства паузации и логические ударения, в обращениях к общественности – интонационные средства и логические ударения, в речи интервью – средства интонации, паузации и логические ударения.

Содержание

От составителя. <i>А. В. Щипков</i>	3
Слово научного редактора. <i>В. И. Аннушкин</i>	7
<i>Глава 1.</i> Патриарх Кирилл – ритор, словесник, стилист	14
<i>Глава 2.</i> Жанры публичных выступлений Патриарха Кирилла	67
<i>Глава 3.</i> Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире	93
<i>Глава 4.</i> Патриарх Кирилл: образ ратора – анализ публичных речей	177

**Аннушкин Владимир Иванович
Чистякова Ирина Юрьевна
Тарасов Михаил Иванович
Кабанкова Юлия Юрьевна**

РИТОРИКА ПАТРИАРХА

Научное издание

Составитель *А. В. Щипков*
Научный редактор *В. И. Аннушкин*

Подписано в печать 03.11.16. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура «NevaC». Печ. л. 16,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2–953000.

ООО «Русистика».
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 13, стр. 4.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-87.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

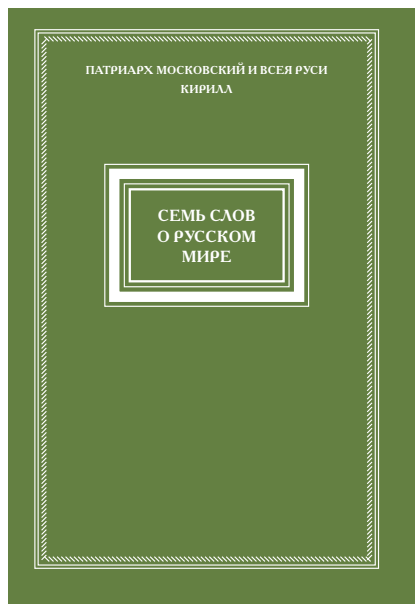
Том I. А-Б

- Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Том I. А-Б / Под редакцией А. Г. Кравецкого, А. А. Плетневой. – М.: Словари XXI века, 2016, – 448 с.
- «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» – это первый опыт фундаментального многотомного словаря, который будет незаменим при чтении библейских, богослужебных, агиографических и других церковнославянских текстов. Словарь представляет собой систематическое описание лексики церковнославянского языка Нового времени.
- Основная задача словаря – служить источником информации о значениях церковнославянских слов и выражений. Для каждого церковнославянского слова дается русский эквивалент, грамматическая информация, а при необходимости – сведения энциклопедического характера.
- Словарь содержит всю лексику, входящую в богослужебные книги, включая географические названия (топонимы), имена собственные, идентифицирующие человека (антропонимы), и служебные слова. Кроме того, фиксируются фразеологизмы и устойчивые словосочетания, которые регулярно встречаются в богослужебных текстах. В первом томе описано более 1800 лексических единиц.
- Источником словаря служит оцифрованный корпус текстов, используемых во время богослужения в Русской Православной Церкви.
- Словарь адресован филологам, историкам, преподавателям русского и церковнославянского языков, церковнослужителям, чтецам и певчим, студентам и всем, кто хочет лучше понимать тексты, которые используются во время церковной службы.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

СЕМЬ СЛОВ О РУССКОМ МИРЕ

- Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А. В. Щипков. – М.: Всемирный Русский Народный Собор. 2015. – 120 с.
- Хорошо известно, какую роль играл в древнерусской литературе наряду с летописными хрониками, поучениями и житиями жанр «слова». Одни из нас с легкостью назовут знаменитое «Слово о полку Игореве». Другие добавляют к нему «Слово о Законе и Благодати» или «Слово о гибели Русской земли». Сборник «Семь слов о Русском мире» Патриарха Кирилла представляет собой уникальный пример возвращения к жизни жанровой формы «слова».
- В сборнике помещены семь «слов» Предстоятеля Русской Православной Церкви, которые в разное время звучали на различных форумах и собраниях. Произнесенные однажды для публики, эти размышления и в письменном виде сохранили энергию живого общения, прямого обращения к единомышленникам, желание достучаться до сердец всех православных людей.
- Оставаясь проповедническими, «слова» Святейшего Патриарха Кирилла выходят за узкие рамки религиозной тематики и затрагивают широкий спектр социальных вопросов. В стране, где 80% населения придерживается православных убеждений, хотя и имеет разную степень воцерковленности, это закономерно. Церковь не может оставаться безучастной к внутренним проблемам страны, которая столкнулась с крупнейшими с момента окончания Великой Отечественной войны геополитическими вызовами.
- Лейтмотивом сборника можно смело назвать русскую тему – заботу об укреплении национальной идентичности, которая строится на государствообразующей роли русского народа и его культуры и принципах социальной справедливости.
- Все семь «слов» Патриарха Кирилла, собранные в этой книге, объединены чувством глубокого, нерасторжимого единства национального духа и принципов справедливости, собранности и всемирной отзывчивости апостольского христианства.